

/ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ

И. С. ТИМЧЕНКО

А В Т О Р С К А Я

К О Л О Н К А

В С О В Р Е М Е Н Н Ы Х

С М И

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г 2 0 1 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Авторская колонка в современных СМИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ
ЖУРНАЛИСТИКИ

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ

И. С. Тимченко

Авторская колонка в современных СМИ

Учебно-методическое пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

ББК 76.02-923

Т41

Рецензенты: канд. ист.н. П. Я. Рыкованов (С.-Петерб. гос. ун-т),
канд. филос. н. Д. П. Шишкин (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета и Методической комиссии
факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Тимченко, И. С. Авторская колонка в современных СМИ :
Т41 учеб.-метод. пособие / И. С. Тимченко ; С.-Петерб. гос. ун-т,
ф-т журн., каф. междунар. журн. — СПб.: Филологический ф-т
СПбГУ, 2011. — 172 с.

ISBN 978-5-8465-1167-5

Пособие посвящено одному из наиболее распространенных в западной, особенно американской, журналистике и одному из самых молодых жанров отечественной журналистики. В первом разделе автор рассматривает этимологию понятия «колонка», генеалогию этого жанра, анализирует постоянные и переменные жанровые признаки (маркеры) колонок, представляет классификацию основных типов колонок, которые, на его взгляд, чаще всего встречаются в современных печатных СМИ. Второй раздел содержит в себе практикум по колонкам. В ней автор предпринимает разбор собственных колонок, опубликованных в период с 2007 по 2011 г. в ежедневной газете «Невское время». Этот раздел можно назвать своеобразным мастер-классом автора. Пособие содержит задания для самостоятельной работы студентов.

Предназначено для студентов III курса факультета журналистики направления «Международная журналистика» по лекционным курсам «Основы творческой деятельности журналиста», «Современная международная журналистика», а также части курса «Теория и практика СМИ»

ISBN 978-5-8465-1167-5

ББК 76.02-923
© Филологический ф-т СПбГУ, 2011
© И. С. Тимченко, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Раздел I. Авторская колонка как интерпретационный жанр	11
§ 1. Авторская колонка в России: жанр или рубрика?	—
§ 2. Предвестники традиционных колонок в российской печати ...	15
§ 3. Американская колумнистика — законодательница жанра ...	17
§ 4. Колонка глазами российских публицистов	19
§ 5. Женская колумнистика	32
§ 6. Типы колонок	36
Социальная колонка	37
Злободневная колонка	42
Исповедальная колонка	46
Провокационная колонка	48
Колонка к дате	50
Колонка-анонс	54
Колонка-критика	56
Гендерная колонка	60
Ироническая колонка	65
Игровая колонка	75
Раздел II. Практикум	81
Социальная колонка	83
Злободневная колонка	109
Исповедальная колонка	123
Колонка к дате	141
Колонка-критика	149
Ироническая колонка	155
Игровая колонка	162
Использованная литература	169
Рекомендуемая литература	229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторская колонка переживает сегодня всплеск популярности, являясь едва ли не самым востребованным материалом в газете или журнале. Эссе почти ушло со страниц газет и встречается чаще в специализированных журналах, а фельетон и вовсе едва подает признаки жизни. В данной работе речь пойдет только об авторской колонке; эссе, комментариев и фельетон будут подробно рассмотрены в следующей работе.

Почему я считаю необходимым потратить время на анализ этих, условно говоря, интерпретационных жанров, а также на знакомство и разбор большого количества образцов колонки, приведенных нами во второй, практической, части данного пособия? Тому есть ряд веских причин.

Первая причина — это профессиональные амбиции будущих журналистов. Пусть не все из них в качестве основного метода анализа и отображения действительности выберут возможности публицистики. Но знать, как это делается, нужно всем, кто мечтает о карьере ведущего обозревателя в одном из популярных или элитных изданий. А мечтают об этом сегодня многие из тех, кто выбрал профессию журналиста.

Уже на старте практических занятий со студентами-первокурсниками я в первую очередь стремлюсь понять, каковы их ожидания от будущей работы. При этом меня интересует не

столько теория журналистики, которую они могли заучить на зубок перед экзаменами, сколько их представление о собственной роли в выбранной ими профессии. Для этого я предлагаю каждому написать резюме из будущего. Представить себе, что прошло десять лет, учеба и начало карьеры остались позади и сейчас им предстоит рассказать, кем они стали, каких высот добились в профессии, где работают.

Результат этого задания таков: как правило, две трети студенческой группы представляют себя в будущем известными колумнистами ведущих российских и иностранных журналов и газет. Встречаются среди неофитов и «телеведущие в прайм-тайм», и «вольные путешественники, которые колесят по странам и делают интервью со знаменитостями», но их сегодня на порядок меньше, чем «успешных обозревателей» не менее успешных глянцевого издания с раскрученными брендами.

Вторая причина — это возрастающие потребности отрасли в кадрах для авторской журналистики. Российская журналистика претерпела целый ряд существенных перемен и продолжает трансформироваться в соответствии с веяниями времени. Будучи наследницей советской оценочной журналистики, где каждый корреспондент был не только ретранслятором новостей, но и идейным рупором издания, страны, эпохи, молодая российская журналистика долго перестраивалась на рельсы журналистики англо-американского типа, где голые, очищенные от какой-либо оценки факты были отдельно, а комментарии политиков, общественных деятелей, ведущих обозревателей — отдельно. Так выросло целое поколение репортеров, которых за глаза называли «блокнотик с ножками». Хотя, на мой взгляд, сарказм тут излишен. Уметь находить интересный факт и создавать на его основе безоценочную, беспристрастную новость — тоже труд, не всегда легко дающийся человеку, который изначально пришел в профессию творить, оценивать, выражать свое мнение.

Тем временем медиаландшафт продолжает стремительно меняться и трансформироваться. Вездесущность Интернета, быстрое развитие новых мультимедийных технологий, высочайшая скорость распространения информации и ее откровенный пере-

избыток выдвигают нынче перед журналистами новые требования. «Блокнотики с ножками» теперь никому не нужны: новости за секунды перелетают с континента на континент, не нуждаясь в доставке до адресатов «ножками». А нужны специалисты, умеющие фильтровать информацию, анализировать, добывать самые разные комментарии специалистов, размышлять над тенденциями. Думающая аудитория не может себе позволить тратить огромное количество времени на сбор по крупицам информации из разных источников на актуальную тему, а потом и на детальный ее анализ. Велик риск не справиться с ежедневным переизбытком информации, заработать невроз. Поэтому главной функцией журналистов серьезных (качественных) изданий должно стать вычленение рационального зерна из навязчивого информационного шума и доставка его до своей аудитории. То есть обществу снова требуется журналист думающий, размышляющий, анализирующий умеющий давать событиям и явлениям оценку. А также прогнозировать развитие ситуации.

Третья причина нашего детального разговора о жанрах, выполняющих интерпретационную функцию, — набирающее силу явление, которое специалисты именуют «персонификацией СМИ». Не просто ретранслятор новостей, а именно автор нужен аудитории еще и потому, что в условиях все увеличивающейся доли безликого сетевого контента людям начинает не хватать личного, персонального, общения. По мнению психологов, сам факт того, что в любую минуту ты можешь связаться с любым из сотни пользователей, которые находятся сейчас (онлайн) в твоей социальной сети, рождает эффект мнимой досягаемости, который притупляет радость от подобной коммуникации. Люди начинают скучать по живому общению.

То же самое, по мнению Софьи Ярцевой, исследователя современной колумнистики, происходит и с информацией. «На сто процентов удовлетворив свою потребность в новых фактах, читатель (слушатель, зритель) начинает „захлебываться“ ими, и в ситуации, когда он в любой момент может получить информацию о любом событии, все острее возникает потребность не в фактах и подробностях, а в их объяснении, интерпретации, потому что в таком

мощном потоке сведений мы зачастую просто не успеваем сами их осмыслить, проанализировать. Удовлетворенная потребность в фактах уступает место потребности во мнениях. Вместо безличного сообщения новостей, человеку уже хочется услышать их интерпретацию, авторитетное мнение. Вместо того чтобы из кусочков новостей составлять свою картину мира, мы хотим получить готовую» (URL: <http://columnizm.livejournal.com/381.html>).

И наконец, четвертый, немаловажный аргумент. Рынок уже чутко отреагировал на перемены в современной журналистике, и подавляющее большинство газет и журналов обзавелось как минимум одной колонкой редактора и как максимум — целым штатом талантливых, именитых колумнистов. В ежедневных газетах появились полосы «Мнения и комментарии», на которых публикуется колонка номера, выступления именитых персон по поводу тех или иных событий в регионе и иногда фельетоны. Нашли на страницах современных изданий себе нишу и эссе — отвлеченным авторским рассуждениям отводятся полосы под заголовком «Взгляд», «Общество», «Спецпроект», где могут публиковаться сразу несколько эссе разных медиаперсон по одному вопросу. Есть журналы, где авторские материалы и рубрики преобладают, например, «Русский пионер», сетевая газета «Взгляд».

Итак, медиарынок заинтересован в авторах, работающих в жанрах, позволяющих читателю увидеть событие или предмет, а может быть, тенденцию или явление в обществе под необычным, или очень личным, углом зрения. Рубрики «Колонка», «Мнение», «Личный опыт», «Проверено на себе» и прочие устоялись в изданиях и ждут авторов. Студенты мечтают о карьере узнаваемого автора, имеющего свой собственный стиль и благосклонность определенной аудитории. Все складывается идеально. Дело за малым: подготовить специалистов, способных не только регулярно выдавать обществу интересные узкому кругу их друзей и родственников плоды глубоко личных рефлексий, но и чувствовать нерв общества. А это значит — фильтровать темы, отделяя оригинальные от банальных, замечать новые тенденции и явления, пропускать через себя чужие эмоции и переосмысливать имеющийся опыт.

Но и тут я столкнулась с неожиданными сложностями. Первая: никто из будущих колумнистов, как выяснилось, не читает и не знает колумнистов сегодняшних — по сути тех, у кого им следует учиться. Вторая: чувство растерянности перед белым листом, когда я предложила им творчески раскрыться и написать колонку. Каждый из них понимал, что колонка — товар на журналистском рынке штучный и для автора престижный, но решительно не имел никакого представления о том, с какого боку к ней подступиться. В лучшем случае выдавали, после некоего ступора, аккуратное школьное сочинение на заданную тему. Поэтому и возникла идея в качестве вспомогательного материала предложить целый ряд разнотипных колонок. Во втором, практическом, разделе собраны работы автора данного пособия с целью не просто представить тексты колонок, но и препарировать эти произведения так, как это может сделать только автор. А именно — вскрыть их суть, рассказать о первоначальном замысле, о причине выбора данной темы, о временном и событийном контексте, о внутреннем конфликте, о главной детали, на которой выстаивается весь текст, о ряде возможных дополнительных интерпретаций и, наконец, об обратной связи со своими читателями, об откликах, полученных от них.

РАЗДЕЛ I

Авторская колонка как интерпретационный жанр

§ 1. АВТОРСКАЯ КОЛОНКА В РОССИИ: ЖАНР ИЛИ РУБРИКА?

Взявшись писать учебное пособие, посвященное главным образом авторской колонке, я оказалась в некотором затруднении. Состояние внутренней фрустрации, вызванное довольно стремительным моим переходом из разряда практиков в разряд исследователей, можно описать на примере истории про сороконожку, которая разучилась ходить, когда ее спросили, как она это делает, — и она крепко задумалась над всеми тонкостями процесса. Мне также представлялось практически невозможным «вскрыть» колонку и разложить все ее внутренности по полочкам. Задача осложнялась и тем, что я не имела четкого и однозначного определения изучаемого объекта. Ведь при всем многообразии определений, которые различные исследователи дают авторской колонке, ни одно из них до сих пор не стало академическим, общепризнанным определением этого жанра. Да и жанра ли вообще? Во всяком случае, таким вопросом задается целая группа исследователей из различных научных школ. Но, несмотря на все эти мнимые и действительные сложности, колонку можно и нужно изучать, отбросив «комплекс сороконожки». Хотя бы уже потому, что колонка сегодня находится в центре внимания всех участников медиарынка.

В первую очередь, в фокусе внимания потребителей. Опросы, которые проводят современные СМИ среди своих читателей, показывают, что потребители печатных и интернет-изданий начинают чтение свежего выпуска, как правило, с колонки обозревателя.

Затем — в фокусе внимания профессионалов. Например, члены редколлегии, обсуждая свою или чужую газету на ежеутреннем совещании — планерке, также начинают знакомство с ней, как правило, с «прочесывания» полосы «Мнения и комментарии», с колонок обозревателей и редакторов.

Наконец, колонка в СМИ является объектом пристального внимания и самих колумнистов, которые пишут свои тексты, читают публицистические откровения коллег под рубрикой «Колонка обозревателя» и продолжают при этом нескончаемый внутрентренний монолог на тему: «А колонка ли у меня (у него, нее) получилась или это нечто иное?»

Поэтому если бы вдруг пришлось различным журналистским жанрам присуждать какие-то звания, начинающиеся со слова «самая», то авторская колонка получила наибольшее количество таких лавров. Например, как «самая востребованная рубрика в современной газете». Или как «самая критикуемая коллегами и читателями рубрика». И тут же как «самая любимая коллегами и читателями» — как бы парадоксально ни звучало это высказывание в увязке с предыдущим. Еще — как «самая сложная для освоения журналистом» и как «самая трудоемкая дисциплина для преподавателя». Можно добавить и титул «самый сомнительный жанр». Потому как до сих пор не смолкли дискуссии на тему, является ли самостоятельным жанром авторская колонка или это всего лишь способ расположения материала на газетной или журнальной полосе — в виде вытянутой колонки, появляющейся с заданной периодичностью в одном и том же месте одного и того же издания.

Если углубиться в теорию, то этот материал, в зависимости от содержательной части, можно назвать и «эссе», и «передовицей», и «комментарием», и «зарисовкой», и «постом» (жанр, в котором творят блогеры в социальных сетях), и даже «литературным монологом».

Мне импонируют рассуждения на эту тему С. С. Ярцевой, исследователя кафедры истории журналистики Воронежского государственного университета, и тезисы, с которыми она выступила на всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации: новые подходы» 29–31 октября 2008 г. По ее мнению, «наиболее влиятельный предок колумнистики — это жанр эссе, начиная с „самой чистой“ его формы — эссе Монтеня» (URL:<http://columnizm.livejournal.com/1160.html>). По словам Ярцевой, этот жанр наиболее полно характеризует личность автора-журналиста. На ее взгляд, колонка — это место, где автору позволительно высказать частное мнение, опубликовать результаты осмысления своего личного опыта, при этом направив взгляд вглубь себя. Однако помимо эссе в колонке Софья Сергеевна отыскала «гены» и такого публицистического жанра, как «дневник писателя», от которого колонке передалось глубочайшее личностное начало, апелляция к личному опыту, событиям частной биографии. Такая колонка — это «душа нараспашку», когда читатель, проглатывая ее, испытывает целую гамму чувств: и смеется, и плачет, и негодует на автора. Тем не менее дневниковая свобода не стала исключительной прерогативой колонки. Задача колумниста не только заглянуть внутрь себя и выдать на-гора россыпь ярких впечатлений и деталей из тайников своей души, но и быть полезным, понятным, нужным аудитории, а значит, идти от частного к общему, показывать через свое, личное, нечто такое, что окажется актуальным для многих, даже если они об этом еще не задумывались.

Если в колонке подмечаются актуальные явления современной жизни и выражается отношение автора к этим явлениям, то здесь уже просматриваются «гены» другого родственного жанра — журналистской статьи. Если задача колонки — презентовать номер и обратиться к читателям, показав им «товар лицом», значит, эта колонка — наследница канувшей в лету «советской передовицы». Но и на этом «филолог-генетик» не ставит точку в поиске родственников современной авторской колонки. А изучив такие ее свойства, как насыщенность стилистическими при-

емами (сарказм, гиперболы, литота, ирония, метафоричность, иносказание, полемичность), приходит к выводу: все это языковое богатство досталось колонке в наследство от вымирающих «дядюшек» — фельетона и памфлета. Хотя вымирание фельетона, на мой взгляд, это вопрос спорный. Во всяком случае, я, как практикующий публицист, вижу тенденцию возрождения этого жанра на страницах разных изданий, а также совершенно определенный интерес к нему со стороны заказчика — редактора. Но оставим фельетон для обсуждения в следующем пособии и вернемся к колонке.

Другой исследователь этого жанра — доцент того же Воронежского университета, кандидат филологических наук Ю. А. Гордеев не считает колонку самостоятельным жанром. Приведу его мнение целиком: «В последнее время некоторые авторитетные исследователи считают возможным признание газетной/журнальной колонки самостоятельным жанром журналистских текстов. Специалисты, придерживающиеся традиционных взглядов на систему жанров журналистики, с этим не соглашаются, а иногда весьма категорично рассматривают колонку только как способ подачи текста на печатной полосе (в смысле оформления). Термин „колонка“ представляет собой перевод на русский язык английского слова *column*. С оформительской точки зрения для колонки характерны определенная периодичность появления на страницах печатного издания, постоянное место в номере, точно установленный объем текста, оснащение публикации визуальными указателями на личность автора (прежде всего — его портретом)». И далее совершенно однозначный вывод: «...Колонка — это частный случай авторской рубрики в периодическом издании с учетом того, что авторский характер здесь распространяется и на смысловую составляющую материала.

Невозможно отнести тексты, публикуемые в колонках, к одному жанру ввиду разнообразия их внутренней формы: они явно различаются по всем применяемым обычно для идентификации жанра признакам (предмет — функция — метод)» (URL: <http://columnizm.livejournal.com/4231.html>).

Что же думают о колонке так называемые практики? По мнению главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чуприна, «судя по отечественной практике, сложившейся еще в 1990-е годы, когда сам этот термин приобрел права гражданства в русском языке, можно выделить три основных типа колумнистов. В первом случае это публичные знаменитости, как правило, не владеющие специальными познаниями в той области, о которой они высказываются, но располагающие, по мнению редакции, кредитом доверия у публики, в силу чего их высказывания — по оценке С. А. Михайлова — «читаются и публикуются из-за имени, а не из-за того, что они говорят». Во втором случае обязанности колумнистов исполняют «присяжные остроумцы» или авторы, обладающие опознаваемо ярким стилем и талантом занимательно говорить обо всем на свете и даже как бы ни о чем». И, наконец, в третьем случае «на роль колумнистов приглашаются признанные специалисты, эксперты в узких областях» (URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/kolumn80.html>), которые и знают предмет обсуждения досконально, и пишут о нем увлекательно и своеобразно.

Так, значит, колонка все-таки жанр? Или она является жанром только для практиков, тогда как теоретики не готовы сдавать своих позиций?

Очевидным пока остается только одно: прогрессирующая персонификация всех явлений и событий действительности, которая является сегодня основной тенденцией развития информационного поля, делает авторскую колонку на страницах газет, журналов, электронных порталов одним из самых востребованных медиапродуктов, вне зависимости от того, является ли он «жанром» или неким «жанровым ассорти».

§ 2. ПРЕДВЕСТНИКИ ТРАДИЦИОННЫХ КОЛОНОК В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

В Россию колонка пришла из западной журналистики. Сначала это явление не бросалось в глаза, колонка была штучным товаром и называлась по-разному. Например, в 1996 г., когда я, бу-

дучи студенткой факультета журналистики, пришла работать в петербургское отделение газеты «Аргументы и факты», колонка в нем уже имелась. Но называлась эта рубрика иначе. У нее было длинное и поэтическое название — «Это все о нас», а публикуемые в этом месте тексты журналисты называли между собой «зарисовка». Однако за последнее десятилетие колонка плотно обжилась на просторах российской журналистики и стала называться так же, как ее зарубежные аналоги. Вскоре мы услышали и о колумнистах — ярких публицистах, которые начали вести свои регулярные авторские колонки в известных и уважаемых СМИ, как это заведено в США и в других странах Запада.

Однако Софья Ярцева, исследуя традиции персонифицированного письма в русской журналистике, считает, что колумнистика, которая пришла в российские СМИ с Запада в начале 90-х, «не была явлением для России абсолютно новым». По мнению исследователя, российская колумнистика начала свое бурное развитие в начале XX в., когда газеты в России приобрели большую общественную силу, став рупорами новых политических партий и сил. Именно тогда ведущие российские публицисты стали образно и живо откликаться в своих передовых статьях на события, происходившие в стране. По мнению Ярцевой, к первым российским колумнистам можно отнести и М. Н. Каткова с циклом передовых статей в «Московских ведомостях», и А. С. Суворина с его «Маленькими письмами» в газете «Новое время», и М. Горького с его «Несвоевременными мыслями» в газете «Новая жизнь». Автор делает вывод: «...В дореволюционной России были все предпосылки к появлению колумнистики, и если бы не октябрьская революция, приведшая к возникновению тоталитарного государства, в котором интерес к отдельной личности с ее мнением был невозможен, то, скорее всего, российская колумнистика пошла бы по тому же пути и развивалась так же плодотворно, как и в западной журналистике». Однако этот процесс был искусственно остановлен. И именно этой искусственностью объясняется тот факт, что, «как только российское общество стало более открытым, колумнистика на страницах отечественных изданий возникла сразу, быстро распро-

странилась и прижилась» (URL: <http://columnizm.livejournal.com/2467.html>).

В Советском Союзе не было колумнистики, поскольку этот жанр по определению не мог прижиться в тоталитарном государстве, где не существовало спектра мнений, а вся печать была «партийной советской». Однако Ярцева приводит уникальные случаи, когда на страницах ведущих газет СССР «Правда» и «Известия» в 1960-х годах появлялись под рубрикой «Фельетон» колонки известного американского колумниста Арта Бухвальда. Дело в том, что «публицистика Бухвальда основана на критике всех сфер американской жизни», «и перепечатывать колонки Бухвальда советским газетам было крайне удобно, чтобы показать „тяжелую жизнь загнивающего Запада“ глазами очевидца» (URL: <http://columnizm.livejournal.com/2154.html>).

§ 3. АМЕРИКАНСКАЯ КОЛУМНИСТИКА — ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦА ЖАНРА

Раз уж у нас зашла речь об одном из ведущих американских колумнистов второй половины XX в., логично было бы обратиться к истории развития американской колумнистики, которая переживала расцвет этого жанра в начале XX в. В эти годы авторские колонки не только печатаются на золотых полосах — в начале номера, чаще всего на 3-й полосе практически во всех крупных газетах, но и обживаются на тематических полосах: политика, спорт, экономика, криминальные новости, литература. Появляются и узкие, тематические колонки, и сериалы колонок с продолжением, выходящих из-под пера выдающихся мастеров этого жанра.

Итак, колонка в американской газете. Что она представляет собой? «Американские газетчики выделяют несколько значений английского слова “column”. Прежде всего, это просто газетная колонка как элемент оформления. Отсюда и все производные: материал, размещенный на одну колонку; раздел или отдел в газете или журнале и — собственно американское — фельетон, колонка

юмора. Журналиста, ведущего определенную рубрику, называют “column conductor” или “columnist”. В последнее время все чаще и чаще под „колонкой“ понимают авторскую рубрику, закрепленную за одним человеком», — считает М. А. Михайлов, профессор кафедры международной журналистики СПбГУ, изучающий журналистику США и посвятивший американской колонке главу в книге с одноименным названием [Михайлов, 2004].

По мнению Михайлова, колумнистика — это чаще всего «атрибут качественной прессы, которая оказывает свое влияние на общество информированностью, аналитичностью, способностью предвидеть будущее, а не громадными тиражами. Кроме того, качественная пресса способна влиять на умонастроения элиты, принимающей важные решения. Отсюда и особые, повышенные требования к колумнистам» [Там же, с. 377].

Американские колонки во всех их разновидностях берут, по мнению Михайлова, начало «от публикаций, содержащих изложение точки зрения людей, сделавших себе имя в политике, литературе, на телевидении или в печатных средствах массовой информации. Высказывания этих людей читаются и публикуются из-за имени, а не из-за того, что они говорят. Колонки могут состоять из коротких отрывков, статей, представлять собой разовое выступление в прессе или целый дневник. Самое главное требование — колонка должна содержать лишь одну точку зрения, характеризоваться своим „голосом“, стилем» [Там же, с. 378].

Еще один важный момент, на который обращает наше внимание С. А. Михайлов, — в Америке невозможно стать колумнистом просто потому, что ты любишь или умеешь писать. Для начала надо заработать себе имя, и это не пустая формальность. «В типичной американской ежедневной газете, где штат значительно превышает сотню (а иногда и не одну) человек, писать редакционные статьи и вести рубрику могут только два-три наиболее подготовленных журналиста по указанию главного редактора» [Там же, с. 378]. На колонку автора с именем могут подписываться различные СМИ — так, как они подписываются на новостную ленту информационных агентств. Исключительно редки случаи, когда, попробовав выступить с колонкой, новый ав-

тор сразу же получал предложение вести эту рубрику. Поэтому не удивительно, что среди известных американских колумнистов можно встретить такие громкие имена, как Ричард Никсон, бывший президент США; писатель-сатирик и публицист Арт Бухвальд; обозреватели Уолтер Липпман, Джозеф Олсон, Джон Рестон и многие другие. Каждый из них отличается собственными методами работы, узнаваемым стилем, мировоззрением, тематикой.

Тем не менее статус общепризнанного колумниста не означает, что автор излюбленной у читателей колонки может расслабиться и творить «по накатанной». По мнению Михайлова, «чтобы вести раздел в журнале или колонку в газете, нужно постоянно учиться, накапливать знания и опыт. Известный публицист Джеймс Дж. Килпатрик, в частности, отмечал: „Хочу заметить, что человек научится хорошо писать, если создаст нечто похожее на бабушкин чердак. Он должен коллекционировать слова, фразы, образы; собирать цвета, запахи, звуки, движения, качества; культивировать в себе особое восприятие обыденных вещей: спущенной шины, перегоревшей лампочки, разорванного кружева, оброненной записки, последнего удара судьбы, чувства тошноты у человека, окончательно выбившегося из сил... Мы накапливаем эти кусочки и обрывки, зная, что когда-нибудь они нам пригодятся“. Каждый создает этот „бабушкин чердак“ по-своему: это может быть картотека, либо записная книжка, а то и компьютерный банк данных. С наполненным „чердаком“ работать легче» [Там же, с. 379].

§ 4. Колонка глазами российских публицистов

Чем наполнен «чердак» у отечественных колумнистов? Какой должна быть колонка и какой она точно быть не должна? Что есть колонка, а что ее подделка? Эти и другие вопросы то и дело всплывают в профессиональной или читательской среде интернет-пространства. Обозреватели, колумнисты и публицисты ведущих изданий делятся в блогах и на форумах, где время

от времени возникают споры и рассуждения о настоящем и будущем отечественной журналистики и публицистики, своими мыслями на эту злободневную тему.

Леонид Бершинский пишет колонки для журналов «Большой город» и «Forbes». Разложить по полочкам свои мысли о современной российской колумнистике он взялся, по его собственному признанию, потому, что ему «медиаиндустрия нынче платит исключительно за колонки и платит больше прожиточного минимума». Свои мысли Леонид изложил в виде перечня пунктов, которые мы приведем здесь с небольшими сокращениями.

«1. Колонка — это вообще-то текст, который помещается в один столбец на сверстанной в пяти-шестиколонник газетной полосе. Или на одну полосу в журнале. Объем, ясное дело, зависит от макета, но в любом случае, на мой взгляд, больше 6000 знаков — это для колонки слишком много. Мне кажется, идеальный объем — 4500 знаков с пробелами. Этого достаточно, чтобы высказать и обосновать любую мысль. А больше одной мысли вряд ли стоит засовывать в колонку — это будет расточительство, да и читателю будет сложно продираться через текст при такой компрессии идей. Размер имеет значение, потому что редакторы часто боятся править колонки — это же, в отличие от репортерской заметки, авторский и почти литературный текст. <...>

2. Колонки — это территория свободы. Я сторонник четкого отделения репортинга и аналитики от мнений и поэтому всегда мешал репортерам **ВЫСКАЗЫВАТЬСЯ** в заметках. В колонке возможны и репортинг, и аналитика, и мнения. Собственно, если тебе дали колонку, это значит, что твое мнение интересно хотя бы редактору. Но такая вольность не освобождает автора от такой химеры, как совесть. Если у тебя есть мнение, оно основано все-таки на знании предмета. Я всегда трачу 5–6 часов на сбор материала для колонки, например, на разговоры с полезными людьми, поиск релевантных научных работ или книжек. И потом всегда прочитываю полностью все работы, на которые ссылаюсь, — иначе могут случиться конфузы. В идеале колумнист — человек исключительно начитанный, вроде глубоко уважаемого мной Максима Соколова.

3. В продолжение предыдущего пункта: на мой взгляд, хорошая колонка всегда парадоксальна и дает повод для спора. Нет ничего дурного в том, чтобы специально заострять высказывание в надежде вызвать у читателя резкую реакцию. Это — особый тип добавленной стоимости, очень нужный редакторам и издателям. Но, провоцируя, всегда имеет смысл прикинуть, какие возражения можно услышать. Иногда какой-то простой контраргумент может убить весь твой пафос. Надо подумать о защите.

4. Некоторые колонки — это скорее стихотворения в прозе, чем тексты для ума. Вот сравнительно малоизвестный пример — „сентенции“ Александра Лаэртского в журнале „Медведь“. Я не любитель этого издания, но Лаэртского можно почитать отдельно. Я читаю. Потому что это красиво сделано и сам я так не умею. Впрочем, такого рода журнальные тексты нельзя назвать колонками в полном смысле слова. Это на самом деле ЖЖ-посты или, скажем, литературные малые формы. К последней категории относятся, например, колонки Кати Метелицы про Луизу Ложкину в „Большом городе“, теперь изданные и в виде книги. Они и были таким романом с продолжением в традиции какого-нибудь Диккенса или Коллинза (сравниваю, конечно, не качество текста, а принцип). Мне кажется, писателям, которым предлагают где-то колонку, имеет смысл делать что-то в таком духе. А текущие события оставить все-таки журналистам. <...>

5. Прекрасно, когда колонку пишет очевидец какого-то не всем видимого процесса. Тут вам и готовая концепция, и свежий материал, и ответ на вопрос „А ты кто такой?“, задаваемый подсознательно читателями каждому колумнисту. <...>

6. Про концепцию: хорошо, когда, договариваясь о серии колонок с редактором, колумнист может предложить некий единый для всей серии стилистический или смысловой ход, которого хватит на некоторое время. Например, в Forbes я пишу колонки про бизнес-этику — то есть на все, о чем пишу, смотрю именно с этой точки зрения. Это ход, который облегчает жизнь и мне, и журналу, редакторы которого все-таки хотят некоей предсказуемости. Давая колумнисту карт-бланш, издание рискует получить нечто непотребное, да к тому же в момент, когда это будет

уже нечем заменить. Даже если колумнист — хороший профессионал. На мой взгляд, прекрасный постоянный формат для колонки предложил хороший колумнист Дмитрий Бутрин... Формат назывался — „Детские вопросы“: берешь какую-нибудь злободневную ситуацию и пытаешься объяснить ее своему маленькому ребенку. Колонка — это диалог: вопросы ребенка тоже либо придумываются, либо списываются с натуры. <...> Вообще, Бутрин отлично придумывает колоночные форматы. Нужен совет — идите к нему.

7. Мнения, допустимые и даже требуемые в колонке, не то же самое, что избыток эмоций. Разговор, даже острый, все-таки должен быть джентльменским. Поэтому, оставляя за собой возможность обидеть, не стоит никого оскорблять — пусть даже закон защищает колумниста и в таких случаях, давая ему право на свободное выражение своего мнения. Пусть слово „идиот“ читается между строк. В тексте оно лишнее.

8. Отдельный жанр — письмо главного редактора в журнале. В большинстве изданий его пишут просто „чтоб было“. Я никогда не мог понять редакторских колонок, в которых перечисляется, на какие материалы номера надо обратить внимание. Для этого существует оглавление с заголовками и подзаголовками. И вообще, почему главный редактор перечисляет только некоторые материалы? Зачем он тогда поставил в номер остальные — или он заранее просит считать их ватным наполнителем? Мне кажется, редакторская колонка должна непременно добавлять стоимость, а значит, она не может пересекаться по смыслу больше, чем с одним материалом в журнале. А может и вообще ни с чем не пересекаться. Ведь в чем смысл для главного редактора писать некие личные тексты? В том, чтобы читатель представлял себе человека, который возглавляет команду, выпускающую печатный продукт. Если личность редактора заинтересовала читателя, он перенесет приятные ему характеристики этой личности и на весь продукт и станет лояльнее.

9. Некоторые издания любят, когда в колонках присутствуют глаголы исключительно в третьем лице. С таким отношением я столкнулся, как ни странно, в „Большом городе“. Я категорически

не согласен. Первое лицо в колонке, по-моему, вообще обязательно: это же персональное высказывание, в котором должны звучать какая-то страсть, какой-то личный опыт и за которое автор несет все же личную ответственность. Да и в прямом обращении к читателю — на „ты“ или на „вы“, в зависимости от формата издания, я не вижу ничего дурного. Мне нравится, когда со мной общаются с печатной страницы: это значит, что автор, когда сочинял текст, думал о каком-то конкретном читателе, возможно, даже лично обо мне. Это приятно. Вот ведь когда вы покупаете в магазине костюм, и он сидит на вас, будто сшит по мерке, это же здорово.

<...>

11. Редакционные колонки без подписи, выражающие мнение всей редакции, — действительно трудный жанр, в котором в России почти никто не умеет работать. В той же *The Wall Street Journal* редакционные статьи пишет группа штатных колумнистов, сидящих в своего рода башне из слоновой кости, — им наплевать, что думают редакторы и репортеры, которые занимаются новостями. Ультраконсервативная редакционная линия этой части газеты, — а именно она во внешнем мире считается линией *The Wall Street Journal*, — раздражает многих сотрудников восточной части. Я не просто поклонник, а фанатик *The Wall Street Journal* — но мне не нравится эта модель. Мне кажется, за редакционными статьями должно стоять консолидированное мнение хотя бы всех старших редакторов. А значит, такие статьи должны с ними обсуждаться до написания. Нет консенсуса — лучше высказаться о чем-то еще» (URL: <http://columnizm.livejournal.com/2665.html>).

Константин Бочарский, петербургский журналист. В 2001 г. стажировался в одной из крупнейших газет Швеции «*Geteborgs-Posten*». После этого продолжил профессиональную карьеру в Москве. Доработался до заместителя главного редактора журнала «Секрет фирмы», создал и вел блок «Идеи», посвященный инновациям. Спикер конференций, посвященных медиа, маркетингу, инновациям и креативности, автор портала «МедиаПе-диа». Константин вторит Леониду Бершинскому относительно сути колонок главных редакторов:

«Я скептически отношусь к колонкам главных редакторов и очень люблю вступления к книгам. И то, и другое — удивительный индикатор, с помощью которого можно понять, что творится в голове у главного редактора (а значит, и у всего журнала), а также в голове у писателя, и соответственно понять, насколько честны с тобой его буквы. Большинство колонок главных редакторов плохи (и правы те главные редактора, которые осознанно отказываются их вести). <...> Беда многих главных редакторов заключается в том, что они... забывают ценные полосы в начале журнала пустопорожними текстами. Например, пересказыванием содержания. Как я смотрю на эти вещи: если уж тебе выдали целую страницу, то используй ее так, чтобы сказать читателю что-то ценное, а не дублируй оглавление в сомнительном нарративе. Повествование — не самый удобный инструмент навигации, и чтобы разобраться со страницами, читатель все равно пойдет читать оглавление. Мне кажется, что если уж главному редактору и выделили драгоценную полосу, да еще и в начале журнала, то он должен создать текст, который, как минимум, станет самостоятельной заметкой, со своим собственным „сообщением“, а в идеале — самой офигенной заметкой номера. Ведь, в конце концов, это заметка главного редактора.

Хорошесть колонки главного редактора не зависит от тематики издания. Например, великий Леонид Парфенов, став главредом Русского NewsWeek'a, постоянно пересказывал содержание. А в том же глянце, несмотря на то, что он всегда был скопищем самых пустых на свете колонок главных редакторов, легко встретить колонки, являющиеся лучшей статьей номера.<...> А лучшей колонкой главного редактора я считаю креатив Филиппа Бахтина (ныне главный редактор Esquire) в бытность его главредства в FHM (год эдак 2003–2004). За точность деталей не поручусь, перескажу примерно. Если есть под рукой оригинал — поправьте меня, буду рад. Колонка представляла скриншот письма, открытого в почтовом клиенте. В полях „кому“ и „от кого“ было написано „выпускающему редактору“ и „Филипп Бахтин“, тема — „колонка редактора“. И далее текст:

„Привет, Васька!

Лежу на пляже. Погода шикарная. Делать ничего не охота. Колонка не пишется. Придумай что-нибудь.

Это был летний номер, и а эта полоса — лучшая редакторская колонка из всех, которые я только видел» (URL:<http://mediapedia.ru/2008/03/30/kolonki-i-ix-redactory/>).

Мнение Владимира Федорина, первого заместителя главного редактора российского «Forbes», относительно того, как написать хорошую колонку, изложено им в своем блоге (URL:<http://empedocl.livejournal.com/40224.html>). Прочитируем запись с небольшими сокращениями.

«1. Мы живем в трагическое для многих СМИ время. Традиционные газеты превратились в подножный корм Интернета. Для американских еженедельников, за исключением, быть может, только WSJ, вопрос стоит так: измениться или умереть. Рискну предположить, что точно так же он стоит и перед лучшими русскими газетами — „Ведомостями“ и „Коммерсантом“. Глубокий экономический кризис наложил на коллапс бизнес-модели печатных медиа. И в отличие от предыдущих рецессий нет никаких признаков, что после выхода из спада рекламные доходы газет вернуться на приемлемый уровень. Спрос на новости все растет и растет, но читатели уходят за ними в Интернет.

Зарабатывать в сети деньги, достаточные для содержания больших редакций, никто толком не научился. Зарабатывать деньги на новостях становится труднее и потому, что сам товар, за которым охотятся агентства, газеты и телевидение, стремительно „коммодитизируется“. Хуже того, читатели привыкли к бесплатным новостям. Впрочем, равно безнадежными выглядят и попытки проскочить в сетевое будущее за счет агрегирования чужого контента. Если вход копейка, добро пожаловать в мир совершенной конкуренции, где отсутствует такая нужная в любом хозяйстве вещь, как прибыль.

Как выделиться среди прочих производителей бесплатного сырья? Мне интересен путь, который после долгих колебаний выбрал для себя американский Newsweek. Теперь его специализация — не расследования, не углубленная проработка еженедель-

ных новостей. Стратегия поменялась, Newsweek стремится стать лидером в сфере мнений (opinion leader), бросив вызов глобальному чемпиону — The Economist.

2. В чем смысл попытки Newsweek?

Печатным медиа нехорошо всем, а еженедельникам особенно. У Уоррена Баффета и аналитиков Morningstar есть такое любимое словечко moat — исключительное конкурентное преимущество, основанное на уникальных технологиях и компетенциях. Телевидение и газеты (moat последних тоже размывается, но не так быстро, как у weekly) только и делают, что пасутся на поляне еженедельников. Ежемесячники по определению играют в другой лиге — более подробных расследований, более тщательных текстов.

Гипотеза следующая: поточное производство сильных мнений создает moat.

3. Стандартная форма существования журналистики мнений — это колонка. Это не просто интеллектуальный продукт. Это творчество. Рецепта идеальной колонки не существует. Порой нарушение правил только усиливает текст и вводит его автора в историю. <...> Очевидная сложность и неалгоритмичность серийного изготовления колонок и наводит на мысль, что издание, которому удалось наладить поточное производство повестки дня, сможет выскочить из гибельного колеса вырождения. <...>

И все же, по каким правилам пишется большинство колонок?

4. Хорошее начало — половина дела. <...> С чего начинать? С чего угодно — с парадокса, исторического анекдота, примера из личного опыта, яркой цитаты. Если у вашей колонки нет сильного начала, редактор вряд ли поможет. Вы — родитель, он — воспитатель детского дома. Попадаются, конечно, и хорошие воспитатели, но даже от хороших трудно требовать, чтобы они вложили в ребенка страсть, драйв, силу.

Колумнистика уже сегодня почти вся живет в браузере или аналогичных неудобных местах — гугловском ридере или электронной читалке. У автора одно — максимум два предложения, чтобы зацепить читателя. Иначе читатель не захочет кликать.

Ну и не забывайте про второе самое сильное место текста — последний абзац или последняя фраза.

5. Автор, задай себе вопрос: о чем речь? Что ты хочешь сказать? <...> Внутри колонки могут обсуждаться и противоположные взгляды, но если автор не решил, как правильно, колонки просто нет.

6. Актуализация. Почему то, о чем говорит автор, важно сегодня. Необходимо опровергнуть ложную теорию, которая может лечь в основу неверных государственных решений? Развевать миф, укорененный в общественном мнении? Пролить свет на текущую проблему при помощи исторического опыта? Сообщить о недооцененном открытии?

Не надо бояться выпятить значимость своего текста. Если бы тема не была значима, колонка, скорее всего, никогда не была бы написана.

7. Короткая фраза — самый короткий путь к пониманию. Долой наукообразные слова-паразиты. „Поэтому“ „Следовательно“ „В связи с этим“ и много чего еще — все это только засоряет текст. Фразы должны цепляться одна за другую силой логики, а не канцелярита.

8. Теория без практики мертва. Колонка, состоящая из одной теории, без данных, без подтверждающих историй тоже не жилец. Ориентация, которую дает колумнист читателю, должна быть ориентацией на местности с домами, реками, парками.

9. Образ колумниста. Нужен ли он? И да, и нет. Агрессивный полемист — Кругман. Взвешенный скептик — Мэнкью. Маска иногда прирастает к лицу — тот же Кругман, Максим Соколов. Колумнист застывает на своей точке зрения.

На мой вкус, хорошему колумнисту, еще не успевшему заматереть, следует писать как можно более разнообразно. Иначе читатель очень быстро раскусит прием, на котором все держится, и если не перестанет читать, то начнет делить все прочитанное на сколько-то.

10. Критерии убедительности в академической среде и в публицистике очень часто не совпадают. Необходимо уметь переводить академические аргументы в публичную форму.

11. Психологические барьеры. Для серьезного ученого (и любого серьезного человека) изменение статуса (хорошая колонка — это всегда перескок в другую реальность, ее обсуждают, к ее автору цепляются и т. п.) — мучительно. Вдвойне мучительно столкнуться с помятой малосимпатичной личностью профессионального редактора, который — если он хорош — будет недоверчиво мусолить каждую вашу фразу, придираться к сущим пустякам. А когда поставит точку в тексте, в котором от первоначального варианта уцелело лишь 10%, недовольно буркнет «Сойдет» и даже не поблагодарит. Мой совет — к редактору можно довольно быстро привыкнуть. Он такой мрачный, оттого что никто его не знает. Он как стоматолог или водопроводчик. Когда к вам придет слава — посмейтесь над ним и пожалейте его.

Не нужно бояться ошибок» ([URL:http://empedocl.livejournal.com/40224.html](http://empedocl.livejournal.com/40224.html)).

Об этом же в интервью порталу Lenizdat.ru говорит и Дмитрий Быков, известный писатель, журналист, колумнист. Журналист задает Дмитрию Быкову вопрос, как ему живется в роли колумниста, и тут же делится своими читательскими эмоциями: «Иногда читаешь очередную колонку Быкова и с сожалением думаешь: нет, не его это уровень!..» На этот выпад колумнист отвечает по-философски:

«Может, и так, но разным людям всегда кажется разное. Вот в этом-то весь ужас. Если бы я хоть раз увидел какой-то консенсус, понял, что какой-то текст вызывает однозначную любовь, а другой — однозначную ненависть, я бы убедился, что существует объективный вкус. А тут пишешь колонку и думаешь: „Ну, вот это я вмочил!“ — а потом слышишь: „Старик, ну это так скучно, так беззубо! А вот в прошлый раз было сильно!“ А я в прошлый раз писал левой ногой...

Колонка — это такой лирический дневник. Ничего удивительного, что один день в этом дневнике более насыщенный, другой — менее. Важно, что состояние, которое тобой владело, зафиксировано. И когда-нибудь по этим колонкам можно будет вспомнить, как и что было. У нас же нет никакого „судейства“ нашей жизни, кроме газеты. Прочитаешь и вспомнишь: „Вот, я

думал это, я жил этим“. А жизнь, ведь она быстро сгорает... Колонки же остаются, как такие зарубки, чтобы помнить, что здесь было то-то, а не другое».

И далее на вопрос корреспондента, стоит ли ждать художественных открытий от колонок, Дмитрий Быков отвечает: «Колонка — „дневник писателя“. Изящной формы или других открытий она не несет: для того чтобы написать хороший текст художественный, надо долго сидеть за компьютером, а журналистика этого не предполагает. В журналистике мне дороги не художественные открытия, а мгновенность отзыва и максимально точная возможность фиксации того, что меня в этот момент мучает».

На вопрос о том, много или мало в России хороших колумнистов, Дмитрий отвечает подробно и детально: «Я вам, не глядя, человек 50 назову! Их страшное количество. Вы просто московскую прессу не читаете, потому что мы, москвичи, живем в провинции глубокой, а духовная столица, как известно, в Питере. И в Петербурге можно назвать — в диапазоне от Самуила Лурье до Татьяны Москвиной — немало совершенно гениальных людей. Каждый номер „Полдня“ предваряется великолепной колонкой Александра Житинского. Гениальный петербургский писатель Александр Мелихов окучил своими колонками все московские издания, я даже пригласил его колумнистом в „Профиль“. Хороших колумнистов много. Просто не все начали в 90-е годы, поэтому сейчас их меньше замечают. В 90-е легче было стяжать славу» (URL:<http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1072080-0.html>).

Алмат Малатов — колумнист, блогер, ведущий постоянной и очень популярной у читателей колонки в журнале «F5», так же, как и коллеги, высказался на эту тему у себя в блоге. Приводим тезисы его поста в небольшом сокращении.

1. «В последнее время стал размываться жанр колонки — колумнистом называют любого автора, пишущего тексты любой периодичности в любое издание.

Что такое колонка? Это рубрика, персонально закрепленная за конкретным журналистом, по сути своей — авторское высказывание, близкое по жанру к эссе.

Поэтому анонимный текст без авторской позиции о том, что „светская львица была замечена в продуктивном магазине экономкласса“, — не колонка. „Именная“, но разовая публикация — тоже не колонка, так как вторым условием является постоянное присутствие колумниста на страницах издания. И желательно — на одной и той же странице».

2. «От колумниста не стоит ждать объективности, привязанности к фактам, и тем более — полноценного анализа.

Однако же вот типовые претензии комментаторов интернет-колонок:

„это не объективный материал“;

„это частное мнение“;

„не приведены ссылки на научную литературу“;

„вот надо же, я и не додумалась из факта своей биографии сделать колонку!“

Очевидно, что комментаторы не понимают самого смысла жанра колумнистики. Чтобы не изобретать велосипед, обратимся к источникам:

„Автор вводится в повествование как лицо размышляющее и переживающее <...> Колумнист не уточняет, не объясняет факт или возникшую ситуацию — он выступает по отношению к ним оппонентом. В-третьих, поскольку в колонке, как правило, взгляд автора не совпадает с общепринятой точкой зрения, он предлагает новое представление о ситуации. Персональная точка зрения — смысловое ядро колонки“, — пишет Л. Е. Кройчик в монографии „Система журналистских жанров“.

3. «Колонка субъективна по определению. Объективности стоит искать в новостных обзорах, справочниках, и проч. За колонкой же должна стоять личность автора. <...> Колумниста „покупают“ в комплекте с его репутацией и авторским стилем».

4. «Часто главные редакторы боятся именно индивидуальности, узнаваемости автора: „Надо, чтобы вместо этого колумниста можно было при необходимости поставить любого другого автора“. Однако взаимозаменяемость противоречит самому принципу авторского текста. Колумнист — товар штучный. Ушел

один — надо подбирать другого, создавать другую колонку, а не пытаться реанимировать эту».

5. «Когда я читаю текст Линор Горалик, я читаю не журнал, в котором он напечатан. Я читаю — Линор. А название издания я могу и не запомнить. И даже не обратить на него внимание.

Надо заметить, что тенденция „читать не издание, а авторов“ становится все более и более явной. Потому что изданий с индивидуальным „лицом“ очень мало. Для того чтобы журнал сметали с прилавков в день его выхода, за журналом должен стоять не дизайн, не бренд, и не формат. За журналом должна стоять личность редактора. Поэтому мне интересны проекты Маши Гессен — они индивидуальны. Поэтому культовым — через годы, через расстояния — остается „ОМ“ под редакцией Игоря Григорьева».

6. «Самые успешные, самые удачные издания — это издания авторские. А все остальное — разноцветная чепуха, рассчитанная не на читателя, а на рекламодателя. Вот пусть рекламодатели ее и читают» (URL:<http://f5.ru/malatov/post/304254>).

Главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин также считает, что, чтобы стать колумнистом, надо сначала заработать себе имя. Но, утверждает он, «нет правил без исключений, что показывает опыт Николая Александрова, Линор Горалик, Льва Данилкина, Кати Метелицы, Лизы Новиковой, Михаила Новикова, Льва Пирогова, Галины Юзефович, других авторов нового поколения, чья известность порождена и обеспечена прежде всего и исключительно колонками, которые были в их распоряжение предоставлены печатными и электронными средствами массовой информации. Встречаются и совсем уж особые случаи, среди которых достойны внимания опыт Игоря Иртеньева, чья колонка, переходя из одного издания в другое, неизменно представляет собою стихотворный фельетон на злобу дня, и опыт Бориса Кузьминского, который как колумнист выступает и под собственным именем, и под маской придуманной им Аделаиды Метелкиной» (URL:<http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/kolumn80.html>).

В заключение параграфа, в котором мы дали возможность самим колумнистам порассуждать о природе этого жанра, хочу процитировать испанского колумниста Альфредо Мартин-

Горриц (Alfredo Martin-Góriz), автора работы «Курс как статья колумнистом», который объясняет, для чего потребителю современной медиапродукции нужна колумнистика: «При таком высоком ритме жизни, в котором мы существуем, обычный человек едва успевает открыть газету и пролистать ее, чтобы познакомиться с главными новостями дня. И уж точно у него не находится времени, чтобы сесть и обдумать то, что он узнал, сопоставить с другими новостями и прошлыми событиями и составить свое мнение. Поэтому он обращается к напечатанной рядом колонке, где умный автор уже подумал за него, переварил информацию с помощью своего обширного опыта и предложил ему готовую точку зрения и позицию. Нужно только выбрать того колумниста, взгляды которого тебе наиболее близки, и предоставить ему выражать за тебя твою позицию — тебе останется только поддакивать или спорить» (URL:<http://www.lapaginadefinitiva.com/television/leccionespi/11.htm>).

§ 5. ЖЕНСКАЯ КОЛУМНИСТИКА

Бытуют также расхожее мнение мужчин-колумнистов о том, что у нас сложилась целая традиция низкопошибных, непотребных женских колонок, которые ведут представительницы прекрасной половины человечества в глянцевых журналах. По мнению ряда профессионалов, женские колонки не только таковыми по сути не являются, но и представляют собой образец примитивизации, опошления жанра как такового и журналистики как отрасли в целом. Однако женская колонка женской колонке рознь. Дабы доказать, что не так плохо обстоят дела на ниве женской колумнистики, хотелось бы остановиться подробнее на творчестве самых ярких ее представительниц.

Но для начала пару слов о мифе под названием «женская колумнистика — профессия-удовольствие». Представление сегодняшних девушек-студенток о том, что колумнистика — это быстрый, легкий, приятный и высокооплачиваемый труд, возникло, вероятно, не без влияния американских сериалов и фильмов, героини кото-

рых — успешные женщины-колумнистки. Пожалуй, самый яркий пример — героиня фильма «Секс в большом городе» Каролин Бредшоу, которая работает журналисткой в газете “The New York Star” и ведет колонку “Sex and The City”. Прототип Кэрри и автор книги, которая легла в основу сценария фильма, — американская колумнистка Кендесс Бушнелл. Не менее привлекательной с профессиональной точки зрения является и героиня фильма «Шопоголик» Ребекка Блумвуд, которая работает в финансовом журнале «Удачные сбережения». Ничего не понимая в финансах и имея огромные долги по кредитам, она тем не менее играючи ведет блестящую колонку, где просто и образно учит домохозяйек распоряжаться деньгами. По сценарию фильма благодаря ее колонке стагнирующее издание переживает небывалый подъем на медиарынке.

Иллюзия красивой и легкой жизни девушки-колумниста нашла отклик в сердцах наших соотечественниц и, думается, сыграла определенную роль в их профориентации.

Однако проку от привлекательного образа успешной женщины-колумнистки было бы мало, если бы колонка не стала в современных российских СМИ действительно очень востребованным жанром. «Еще пятнадцать лет назад колонка была знакома российским читателям лишь на примере частного случая, а именно в виде „колонки редактора“ какого-либо издания. Но тенденции изменения российского информационного поля, а также общемировые, в том числе постмодернистские тенденции, привели к тому, что сегодня колонка — одна из самых востребованных на страницах российских СМИ текстовых форм», — пишет исследователь современной российской колумнистики [Успенская, 2007, с. 240]. А раз авторская колонка переживает в российской публицистике небывалый расцвет, значит нет ничего невозможного в том, чтобы наша соотечественница стала российской Кэрри Бредшоу или Ребеккой Блумвуд.

За подобными примерами далеко ходить не надо — на ниве отечественной женской колумнистики трудится целый ряд ярких авторов, колонки которых неизменно привлекают к изданиям как давних, преданных читателей, так и тех, кто «пришел на автора». И это объяснимо — сегодня, в условиях все возрастающей

конкуренции между современными медиа, растет спрос на личностную журналистику. Персонализация СМИ благодаря публицистике известных, ярких, талантливых авторов позволяет изданию уверенно держаться на плаву в условиях, когда одних только новостей уже недостаточно для привлечения читателя. Кроме того, газеты и журналы не имеют возможности побаловать своего читателя «горячей новостью», а вот свежей новостью, направленной яркой публицистикой, — вполне.

Личность автора в газетной колонке всегда является выпуклой и узнаваемой, отчего подстегивает читателя вступить с конкретным журналистом в диалог. Отклики читателей подчас активно обыгрываются авторами в самих колонках, являясь очередной пищей для размышлений. Таков, например, принцип работы колумнистки Таты Олейник в журнале «Большой город». В своих колонках она рассказывает о какой-либо конкретной ситуации, например: усыплять или нет старого кота, дабы прекратить его страдания? Носить или нет куртку из енотовых шкур? Как быть ее работающей подруге с зашкаливающей мыслимые и немыслимые границы ревностью неработающего супруга? В конце каждой колонки Тата Олейник предлагает публике выбрать одно из трех-четырех предложенных ею решений проблемы. И в следующей колонке она обязательно пишет, как проголосовали читатели на сайте издания по предыдущему вопросу и какое решение было принято героями ее историй.

Иногда авторы пишут свои колонки от имени вымышленного персонажа. В частности, такой метод работы использовала известная колумнистка Катя Метелица, которая в разное время писала колонки для журналов «Афиша», «Большой город», «Столица», «Культ личностей», а также для приложения «Как потратить» к газете «Ведомости» и для «Независимой газеты». «В каком-то смысле колумнистика — это и есть писать „про что угодно“, — рассказывает Катя Метелица журналу «Cosmopolitan» (2008. Июнь). — Как в английской пословице „Даже кошка имеет право смотреть на королеву“. Точка зрения человека, который ведет авторскую колонку, и есть этот самый кошачий взгляд — не „снизу вверх“, а „себе на уме“, с позиции собственного здравого смысла

или собственных пристрастий. Поэтому авторская колонка никогда не будет нравиться всем читателям издания, кому-то она обязательно покажется отвратительной» ([URL:http://columnizm.livejournal.com/3631.html](http://columnizm.livejournal.com/3631.html)).

Первый цикл колонок Метелицы вышел в 2002–2003 гг. в московском журнале «Большой город» под рубрикой «Хроника подвига Луизы Ложкиной». Это были дневниковые заметки от лица одинокой мамы и риэлтора, написанные в разговорном стиле, приправленные грустным юмором и целым рядом ярких, филигранно подмеченных деталей. Имя автора указано не было, поэтому читатели были искренне убеждены в том, что Луиза Ложкина — реальное лицо.

Но самой, пожалуй, известной женщиной-колумнисткой является обозреватель сетевой газеты «Взгляд», журнала «Огонек» и ряда других газет и журналов Наталья Радулова. Наталья живо и увлекательно пишет о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, отчего имеет неформальный титул «главная феминистка журналистики». Ее колонки полны легкой иронии, самоиронии, искренней тревоги. Их нельзя назвать едкими и злыми, они, скорее, наполнены светлой грустью, сочувствием, праведным гневом, житейской мудростью. Героини ее колонок — подруги, знакомые, она сама. Это, как правило, независимые, самостоятельные жительницы мегаполиса среднего возраста, стремящиеся реализовать себя в семье, карьере, хобби. Особое внимание публицист Радулова уделяет различию миров мужчины и женщины, которые преподносит в виде житейских историй «со своей колокольни». Темы ее выступлений и стиль повествования не оставляют читателей равнодушными, а отклики носят подчас диаметрально противоположный характер. Поток критики в свой адрес журналистка воспринимает как нормальное явление. «Получаю ли я негативные отклики от читателей? Слава богу, постоянно, — рассказывает Наталья Радулова журналу «Cosmopolitan». — Журналиста должны ненавидеть восемьдесят граждан из ста, иначе он хлебная палочка, а не личность, которая обязана раздражать общество и привлекать внимание к проблемам. Я всегда стараюсь первой выкрикнуть: „Король голый!“

за что, ясное дело, первой же получаю на орехи. Зато меня обожают остальные двадцать из сотни» ([URL:http://www.cosmo.ru/your_career/career/339580/](http://www.cosmo.ru/your_career/career/339580/)).

На российском медиарынке трудится много талантливых женщин-колумнисток, и, судя по всему, интеллектуальные плоды их деятельности неизменно будут востребованы женской читательской аудиторией. Специалисты отмечают резкое увеличение количества разнообразной женской литературы за последнее десятилетие. Речь идет как о женской прозе, так и о женской публицистике. И это, как пишет Л. В. Сокольская, не что иное, как «признание прав женщин на особые чувства и интересы, форма заботы об их отдыхе, быте и здоровье, это своеобразная привилегия женщин как наиболее активной читательской аудитории» ([URL:http://libconfs.narod.ru/2005/s7/s7_p18.htm](http://libconfs.narod.ru/2005/s7/s7_p18.htm)).

Стабильная потребность женщин в чтении «женской» литературы позволяет прогнозировать динамичное развитие рынка женской журналистики, а значит, ожидания от профессии студентов факультетов журналистики могут оказаться не навязанными массовой культурой иллюзиями, а совершенно оправданными профессиональными планами.

§ 6. Типы колонок

Колонки бывают до того разные, что неизменно вокруг них разгораются споры: настоящая вышла колонка или нет. Я придерживаюсь той позиции, что все авторские материалы, которые публикуются с определенной периодичностью, в определенном месте определенного издания, в виде вытянутой колонки и содержат оригинальный взгляд на какую-либо проблему, — колонки. Их формы, композиции, тематика и тон могут быть различными, но все их объединяет одно: за каждым таким посланием к аудитории стоит автор — думающий, смеющийся, злящийся, не верящий, играющий словами и чувствами, задевающий чувства, провоцирующий и исповедующийся. Никакой классической типологии колонок нет, но если бы передо мной встала задача разделить их на несколько устойчивых

типов, то колонки самых различных публицистов — как известных широкой российской публике, так и знакомых лишь скромной аудитории определенного издания, я бы условно разделила на десять групп: колонка социальная, злободневная, исповедальная, провокационная, колонка к дате, колонка-анонс, колонка-критика, гендерная, ироническая, игровая колонка.

Социальная колонка

Социальная колонка по своей проблематике родственна жанру статьи — здесь поднимается какая-то серьезная проблема социума и идет ее обсуждение, но в отличие от статьи в колонке не приводится спектр точек зрения, не высказываются все заинтересованные стороны, не дается слово сторонним комментаторам. Это очень частая разновидность колонки. Можно сказать, что это самая главная функция колумнистики — искоренять зло социальной безответственности и несправедливости. Ярким примером такой разновидности колонки может служить текст автора деловой сетевой газеты «Взгляд» (2011. 3 марта) Михаила Соломатина:

Травить, чтоб не отравились

Я бросил курить чуть более двух лет назад, и это обстоятельство дает мне некоторое моральное право на нижеследующий текст. С 2012 года в России на сигаретных пачках появятся изображения пагубных последствий курения. Это вопрос решенный.

«Здоровье нации должно быть приоритетом государственной политики, но я не могу считать здоровым общество, которое открыто издевается над своими согражданами».

Надо ли бороться с курением? Разумеется, надо. Но мне категорически не нравятся те формы, которые принимает антитабачная кампания. Во-первых, она неэффективна. Во-вторых, антитабачная кампания ведется унижающими людей методами и приучает к систематическому нарушению прав человека.

Согласитесь, попытка заставить взрослых людей глядеть на картинки, от которых человека может стошнить, формально является хулиганством. Поэтому появление соответствующих изображений на сигаретных пачках

надо очень тщательно обосновать. Считается, что такие картинки в несколько раз повышают уровень информированности курильщика о последствиях курения. Мягко говоря, это неправда. Надпись «курение убивает» неверна, поскольку курение не является причиной болезней, а лишь увеличивает риск их наступления, как, например, увеличивают этот риск сидячий образ жизни, поездки в метро во время всплеска гриппа, а для женщин еще и ношение брюк с низкой талией. Очевидно, что курильщиков не информируют, а просто запугивают. Ведь не пишут же на авиабилетах «полеты убивают»? Между тем уровень информированности пассажиров могла бы эффективно повысить демонстрация в аэропортах видеороликов авиакатастроф с наложением переговоров пилотов на реконструкцию последних минут полета. Такие ролики и сейчас можно посмотреть на YouTube (катастрофа Боинга-737 под Пермью, Ту-154 под Донецком и другие), но я уверен, что большинство из вас предпочтет не повышать уровень своей информированности. И уж совсем мало найдется таких, кто согласится, чтобы такие ролики прокручивали в салонах самолетов.

Я чувствую, настало время напомнить, что я против курения. Более того, я за последовательный переход к его полному запрету. Скажем, в течение года все те, кто уже пристратился к курению, оформляют «карту курильщика», по которой покупают сигареты. Дешевые, без грабительских акцизов и «веселых картинок». Но по прошествии года такие карты не выдаются уже никому. Официальные курильщики спокойно доживают свой век, а новые уже не появляются. План простой и надежный. Но такого запрета не будет: слишком выгодно для бюджета курение и борьба с ним. Руководитель Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Павел Толстых не так давно заявил о своего рода симбиозе табачной промышленности и антитабачного движения. По его словам, и для производителей табака, и для борцов с курением важно, чтобы курильщик не бросил свою вредную привычку, а «постоянно находился в состоянии бросания». Добавлю, что такой же нечестной позиции придерживается государство и в отношении азартных игр.

Казалось бы: если какое-то поведение является преступным, его надо запретить, а не создавать специальные места для курения или зоны для казино. Мы ведь не создаем специальных зон для грабежей и не отводим специальных часов для изнасилований? Если же это поведение не преступно, то тогда преступлением будут уже попытки преследования за него. Сама по себе идея ограничить правоспособность того, кого закон не считает преступником, вполне понятна на бытовом уровне, но если эта идея получает государственное признание, пора бить тревогу.

Эти опасения имеют под собой совершенно конкретные основания. В XX веке культ прав человека настолько развился и расцвел, что диалектически привел к своей противоположности. Общество перестало доверять человеку самостоятельную защиту его собственных прав. Это хорошо заметно, например, по ситуации с ювенальной юстицией, которая разводит детей и родите-

лей по разные стороны баррикад. Свое абстрактное представление о правах человека общество постепенно начинает ставить выше прав конкретных людей. На кону здоровье нации — какие вопросы? А если завтра интересы нации потребуют чего-то совсем уж неподобающего, мы вдруг обнаружим, что права на вопросы у нас уже не осталось. Как известно, первым борьбу с курением на государственном уровне начал Гитлер, которому было, в принципе, все равно, что думали люди, которых он приводил к общему знаменателю. Это, конечно, не может рассматриваться как повод для отказа от антитабачной политики, но уж точно должно нас заставить лишний раз приглядеться к деталям того исторического образца «передового западного опыта», который мы сейчас так торопимся скопировать.

Отстранение человека от самостоятельной защиты своих прав («общество лучше знает, что тебе нужно») особенно опасно в наш век массовых коммуникаций и манипулятивных технологий. Введение в государственную практику преследования тех, кого закон не считает преступниками, опасно вдвойне.

Мы не имеем права травить человека только за то, что он травит свое здоровье. Травля — омерзительная вещь, и «издержки» от нее могут в перспективе сильно превысить выгоды.

Здоровье нации должно быть приоритетом государственной политики, но я не могу считать здоровым общество, которое открыто издевается над своими согражданами (URL:<http://vzrutest2.goodoo.ru/columns/2011/3/3/473061.html>).

Часто в поле зрения колумниста, из-под пера которого выходят социальные колонки, попадает не какая-либо глобальная общественная проблема, не трудноискоренимое социальное зло, не перекосы в функционировании целых общественных институтов, а мелкая частная история. Часто от статей на эти темы выпускающие редакторы отмахиваются, на их взгляд, это «мелкотемье». Но часто именно частный случай в виде трагедии маленького человека может дать огромную пищу для размышлений и обобщений хорошему колумнисту. Потому что в такой истории из жизни, как в капле воды, отражаются зачастую и дисфункция социальных институтов, таких как здравоохранение, образование, коммунальное городское хозяйство, и равнодушие чиновников к бедам и чаяниям простых жителей, и неустроенность быта, и нерешенность многих «мелких» проблем, из которых и складываются постепенно системные проблемы нашего общества.

Примером такой социальной колонки может послужить текст Андрея Петрова «На ход ноги» (Невское время. 2010. 9 дек.). И хотя он рассказывает о личных трудностях, с которыми ему неожиданно довелось столкнуться, все же это социальная, а не поведальная колонка. Потому что в ситуацию, в которую попал журналист, ежедневно в нашем городе попадают десятки человек и написана колонка ради того, чтобы поделиться своей проблемой, а чтобы поднять наболевшую тему, постыдную для общества проблему:

На ход ноги

Еще в июле сломал ногу. Весьма глупо. До сих пор хромаю. Хожу с костылем. Привык, что друзья и коллеги называют меня Доктором Хаусом и Железным Дровосеком, потому что в ногу вставлен титановый стержень.

Подобные происшествия враз заставляют забыть о многом, ранее интересовавшем. Даже о взаимоотношениях в верховном тандеме. Как писал Игорь Губерман, «укрылся в быт настолько частный, что и лица лишен частично».

Сначала — больница, где ты не можешь заснуть по ночам, потому что из соседней женской палаты все время раздаются крики старушек. Одна в полубреду зовет сына, которого, конечно, рядом нет: «Володенька, ну помоги маме подняться, ну пожалуйста!» Другая громогласно повторяет одно слово: «Гипертензия! Гипертензия!» Их мучительно жалко, но при этом думаешь: не дай бог дожить до такого.

Приходят врачи с предложением: «Мы можем вам сделать все бесплатно, но штырь, который вставим, будет советский (так и говорят — советский), и вы будете очень долго ходить в гипсе, и срастание кости неизвестно как получится. А можем поставить импортный, тогда уже через месяц будете ходить бодренько. Но он стоит за 30 тысяч». Времени на раздумья нет, хотя ты понимаешь, что тебя, скорее всего, разведут. А если это не так, то почему же металлическую палку в «советской стране» не могут сделать качественно — не сотовый телефон, чай, не компьютер...

Но даже с импортом в ноге ты ходишь в гипсе долго. Настает период регулярных посещений травмопункта, где можно торчать в очереди по шесть часов лишь для того, чтобы отметить и продлить больничный. На нем тебя держат упорно, даже когда ты вполне работоспособен и передвигаешься на своих двоих. Уверяют, что так заботятся о тебе. Сведущие же друзья утверждают: да просто чем больше пациентов у них на учете, тем больше им платят. А забота выражалась бы в том, чтобы тебя вовремя, а не с опозданием на полтора месяца направили на физиотерапию и лечебную физкультуру.

Наконец приходишь ты на эту физкультуру. Первый раз какие-то упражнения не получаются. И вдруг слышишь хамский голос врачей: «Да у тебя из-за этой травмы мозги отбило!»

Движешься по улице в два раза медленнее. Раньше, когда несся, не было времени разглядывать окружающих. Сейчас есть, и замечаешь, как прав был Мохаммед Али, сказавший: «Ваши люди утром идут на работу с таким выражением лиц, как будто их послали на электрический стул». Еще отмечаешь, до чего же много вокруг таких, как ты, ковыляющих опираясь на палку, с трудом месящих снежную жижу. Вспоминаешь, как досадовал прежде на какого-нибудь такого хромящего, когда он перекрывал тебе дорогу и было его не обойти. А теперь тебе за то стыдно.

Проклинаешь благоустроителей, покрывающих ступеньки прескользкой плиткой или оставляющих глыбы льда, сбитые с крыш, прямо на тротуаре. Особо остро чувствуешь, что город не приспособлен для нормального существования здоровых людей, не то что для нас, «палочкообразных».

И вот, когда мизантропическое настроение достигает пика, один за другим происходят три мелких события, возвращающих тебе жизненный тонус.

Вечером в метро девушка поднимается с места со словами: «Ой, простите, я вас не сразу заметила, садитесь, пожалуйста». «Простите!» Она сказала «простите»!

На улице по дороге к дому тебя обгоняет здоровый мужик с бутылкой пива. Оборачивается и басом:

— Слушай, хочешь я дам тебе денег.

— За что?

— Просто так. Тебе, наверно, надо.

— Спасибо, не надо.

— Не, ну хочешь дам?

— Да не надо, дорогой товарищ.

— Понял, хорошо.

Буквально через минуту слышу сбоку:

— Можно я вам пожелаю здоровья. Знаете, доброе слово уже лечит.

Это мужик калибром помельче, тоже с пивком.

— Спасибо, и вам того же.

Он идет вперед, потом разворачивается и приближается:

— Я-то знаю, как тяжело что-нибудь ломать. Я же бывший вольник.

— Кто-кто?

— Вольной борьбой занимался. Мне ломали уши и нос. Я был кандидатом в мастера. А если бы был мастером, так может, и вообще убили бы...

Вольник топает рядом со мной еще минут пять и бесконечно желает здоровья. Прямо хочется остановиться и выпить с добрым человеком. На ход ноги (URL:<http://www.nvspb.ru/stories/na-hod-nogi-43957>).

Социальных колонок сегодня в прессе очень много, можно сказать подавляющее большинство, пусть и со своей авторской спецификой. С одной стороны, потому, что сама наша страна дает публицистам обильную пищу для размышлений, с другой — социальная колонка не просто понятна читателю, она является мостиком между ним и журналистом. Эту специфику социальной колонки А. Н. Тепляшина выразила так: «„Маленький человек с его часто маленькими же житейскими тревогами“ — это и есть современный автор, который выступает как интерпретатор событий, как сторонний наблюдатель, чье мнение, отношение к изображаемой действительности близко, понятно, а поэтому важно его кругу читателей, который он сочувствует и которые сочувствуют ему» [Тепляшина, 2006, с. 181].

Злободневная колонка

Злободневная колонка — реакция публициста на самые громкие, актуальные события и так называемые тренды. Это разговор с читателем на острую тему, когда нельзя промолчать. Это особый взгляд на событие, о котором написано и сказано уже очень многое, но есть необходимость говорить еще и еще, и говорить иначе, чем остальные, выискивать свой ход, давать свою оценку, свой прогноз. Таких колонок много, и они очень сегодня востребованы. Но писать их невероятно трудно: у автора должен быть очень широкий кругозор, очень быстрая реакция (писать на такие темы надо практически мгновенно), время и желание отслеживать выступления коллег по цеху и оригинальный угол зрения.

Приведу пример такой колонки. После девятибалльного цунами в Японии, после того как прошел первый шок от количества жертв, от угрозы «второго Чернобыля» с частично разрушенной атомной станции Фукусима-1, ведущие публицисты и кolumnисты взялись за перо. Написано в эти дни было много, много было сказано по делу, но хотелось еще чего-то, для души — чтобы развернулась и свернулась, чтобы хоть на чуточку груз этой

страшной новости стал легче. Лично на меня такой вот терапевтический эффект произвела колонка обозревателя деловой интернет-газеты «Взгляд» (2011. 18 марта) Владимира Мамонтова, которая так и называлась — «Про Японию». Приведу колонку полностью:

Про Японию

Был я как-то в гостях у руководителя крупной японской корпорации, старенького дедушки. Мы ели из черных лакированных плошек цветы хризантем. Рис. Жарили мясо на чугунной жаровне. И я имел глупость сказать, что телевизор его фирмы безотказно работает у меня вот уже десять лет. Понятно, что нормальному магнату, который заинтересован, чтобы люди купили побольше его скоропортящихся товаров, такое не понравится. Но... Я и тогда думал, что японцы — какие-то особенные люди. Даже капиталисты. Они должны были обрадоваться, услышав такое заявление. Поскольку им нравятся истинные ценности».

Дедушка отложил палочки, улыбка сползла с его лица. «Это самое плохое сообщение, которое я услышал за последние десять лет», — сказал он.

Надо сказать, что вокруг нас, кушавших рис, стояло человек десять разных менеджеров, помощников, переводчиков, секретарей, готовых подсказать дедушке цифру, если забудет — их загадочные визитки с иероглифами до сих пор хранятся у меня. Все эти люди застыли, словно их громом поразило. Дедушка держал паузу, сохраняя убитый вид. Я перестал жевать хозяйскую герань, мои акции на токийской бирже упали до нуля.

И тут глава корпорации засмеялся.

Таким залиvistым смехом, когда видны зубы, десны, а под удачным углом — и горло смеющегося. Такой смех только начался — а сразу ясно, что длиться будет минуты три, не меньше.

Дедушка пошутил. И вся его рать, облегченно выдохнув, тоже принялась смеяться. Кто повизгивая, кто — деликатно прикрывая рот ладошкой.

Так я узнал, что японцы — обыкновенные люди, и ничто человеческое им не чуждо. В паузах, нюансах и детальках этой истории можно разглядеть национальные черты, как мне кажется, но наглядно видны и общие. Виден капиталист, но виден и ремесленник, который начинал свое дело в электромастерских. Что мой телевизор — работают старенькие девайсы первой трети прошлого века, которые он собирал!

Я люблю японцами, как иероглифами: непонятны, но завораживают.

При этом я абсолютно уверен: когда человек в курточке, их премьер, с экрана телевизора говорил, что ситуация находится под контролем, он не знал толком, под контролем ли она. Он знал ровно одно: говорить надо, что под контролем. Потому что она, возможно, под контролем в действительно-

сти, и у их чиновников поболее оснований говорить так, чем у наших в схожей ситуации. (А может, и нет, никто же не знает, чем ответит вулкан).

Но миллионы соотечественников, подобно дедушкиным подданным вокруг обеденного стола, ждут именно его знака. Именно его слов. Именно таких слов. И рефлексиируют соответственно. А именно: с облегчением покупают маски, послушно залезают под столы, где опасности, ясное дело, меньше, пьют йод. Трепещут в душе. Но им задана модель поведения: над нашей родиною дым. Настали тяжелые времена. Не обещаю ничего, кроме крови, пота и слез. Сплотимся. Без паники.

Они и не паникуют. Разве что в душе. Но это нельзя показывать.

Почему нельзя? Вон уже иностранцы валят из Токио пачками, значит, не верят человеку в курточке? Он что-то говорит, а ядерные стержни уже обнажились, испарив воду Японского моря, и рванул водород, и полынная туча зависла над Фукусимой. Что ж ты врешь, человечиска в курточке, что ты можешь знать? Ты не предвидел цунами, ты даже точного числа жертв не знаешь! «Под контролем...» Ты еще скажи: «С экипажем поддерживается устойчивая связь посредством перестукивания». Может, нам еще и на первомайскую демонстрацию как ни в чем не бывало выйти? Ты просто выдаешь страшную правду дозированной, словно радиацию, которая разом убьет. Частями тоже убьет, но потом.

Думают ли японцы о словах человека в курточке, как это описано в предыдущем абзаце, который лично мне дался подозрительно легко? Что-то подсказывает, именно так они и думают. Но ведут себя не в соответствии с тем, что ядерным реактором раскаляется в их душе, как и в любой человеческой, а в соответствии с целостностью их собственной защитной оболочки.

Они фактически оказываются сейчас на глазах целого мира хранителями его великой тайны и последнего умения: они верят, что правила достойного поведения спасительны (между прочим, мы еще недавно умели так жить, и наши спасатели-чернобыльцы — тому великий пример). А выплеснутые наружу боль, страх, унижение, отчаяние и раздражение губительны. Так ядерный джинн укрощенный дает доброе и ласковое электричество, а вырвавшийся — несет грубую и неумолимую смерть.

Эти правила в остальном мире давно окрестили лицемерием. Какая нравственная оболочка? Она не нужна, как непрозрачные пакетики для пива: чего ханжить?

Без достойной (ханжеской) оболочки остается и у нас, и много где в мире не только пиво. Не только непристойные журналы. Не только устная неподцензурная речь. В разряд лицемерия, к примеру, занесена большая семья: ну кто в самом деле любит кучу сопливых и вечно орущих детей? Все любят, чтобы легкомысленно и бездетно. Неспешная и трудовая карьера; ведь надо умудриться получить все и сразу, и такая цель оправдывает любые средства. Никто не любит более дипломатию — всем нравится WikiLeaks. Кажется, все весело хотят жить ядерной глупостью, вулканической жадностью и радиационным глумом наружу — и перестать того стесняться, объявить нормой. Долгожданным избавле-

нием от лжи и лицемерия. От той самой защитной оболочки, которая так по-мывает сейчас японцам. И даже вызывает в нас полузабытое чувство ознобной, мурашечной зависти, когда видишь их, строем отправляющихся чинить реактор и попрощавшихся с родней.

Господин японский премьер в курточке, у которого все под контролем! Хочешь знать, что у меня на душе, когда я вижу тебя на экране телевизора, который работает до сих пор, будь он неладен? Ты читал «Пир во время чумы» великого русского поэта Пушкина? Ах, не читал? Так почитай! Я вот перечитываю — каждая строчка нравится, самому страшно! «У бездны мрачной на краю!» «Не жди, пока зараза минет!» Кто бубнил, что атомные электростанции нового поколения защищены от любого землетрясения? Кто уверял, что новые технологии исключают опасность? Чё говоришь? Извините?

Нет, брат. Не маловато ли? Где харакири? Мы, к примеру, в подобных случаях режем по живому. С нездешней силой сами сметаем с лица земли страну, которая допустила Чернобыль. Не глядя, что она наша и больше нам жить негде. Мы с гибельным восторгом выворачиваем ее и себя наизнанку, вместе с проклятой атомной станцией вытряхиваем в космическую пустоту, над которой читает свои завораживающие стихи пушкинский герой, саркофаг с целой цивилизацией, вместе с Гагариным, Королевым и Курчатовым — чтобы мерзкому Чернобылю больше негде было угнездиться.

Японцы же кланяются, вздыхают, горюют, моют мыльной водой, посыпают борной кислотой — и по кирпичику восстанавливают шаткую постройку, перенесшую их Чернобыль. Бедствие еще и не вполне случилось, может, случится, может, еще худшее обойдет стороной, но его последствия уже устраняются. Японцы не ругат, а укрепляют страну, прискорбно допустившую Чернобыль. Поскольку это их страна. Она несовершенна, картонна, тоталитарна, она проиграла войну, ее обитатели коротконоги и рукоблудят на картинки с несовершеннотлетними мультяшками, в ней нет нефти, она еще вчера была феодальной и однажды вырезала миллиона два китайцев — но больше им жить негде.

К счастью для вечно трясущегося на груди старухи-Земли ожерелья этих островов, японцы еще не перешагнули на ту выдающуюся ступень развития, когда это неважно — где и как жить ([URL:http://www.konf.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=52977&Itemid=74](http://www.konf.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=52977&Itemid=74)).

О необходимости эмоциональной составляющей в творчестве кolumnиста убедительно пишет А. Н. Тепляшина в своей монографии «Жанры и формы комического в современной российской периодике», а именно в параграфе, посвященном авторской колонке как жанровой форме публицистики. Она анализирует эмоциональные тексты яркого кolumnиста сетевой газеты «Газета.Ру» Наталии Геворкян. Резюме, которое подводит исследователь, изучив творческую манеру конкретного автора, впол-

не применимо к творчеству и других публицистов. В частности тех, которые создают мощные яркие произведения, умело дополняя факты образами, а мысли по существу эмоциями. «Она — пишет Тепляшина о Наталии Геворкян, — не только познает мир, но и переживает его. Именно чувства и переживания составляют сущность и определяют содержание ее текстов, которые включают в себя не только содержательно-фактуальную информацию, но и, что особенно важно подчеркнуть, концептуально-эмоциональное осмысление действительности. Эмоция в произведении — это не привходящий элемент творчества, не фактор, сопровождающий создание образа, а необходимая часть его содержания, органично окрашивающая и выражающая заключенную в нем мысль» [Тепляшина, 2006, с. 193].

Исповедальная колонка

Исповедальная колонка характеризуется предельной искренностью и откровенностью, с которой автор обнажает перед читателем свою душу. В таких колонках роль первой скрипки играют так называемые вечные ценности, которые актуальны всегда и над которыми люди задумываются часто в непростых, крайне болезненных жизненных ситуациях. Журналист в таких колонках для многих читателей становится тем, кто пробуждает в них голос совести, заставляет задуматься о глобальных жизненных ценностях, а то и вспомнить, пересмотреть, позвонить, извиниться, исповедоваться...

Такие колонки рождают эффект сопричастности, автора и читателя связывают всем понятные общечеловеческие ценности: любовь, потеря, рождение, смерть, боль, раскаяние, признание. О колонках такого плана А. Н. Тепляшина пишет: «Если искусство — мир, пропущенный через субъекта, то автор показывает нам соотношение этих двух миров, т. е. отношение „я — мир“ является структурным публицистическим генотипом. Иными словами, колумнист воссоздает объективную, верифицируемую, не зависящую от его точки зрения картину реальности. И показы-

ваит свое личное к ней отношение, показывает общественный смысл и ценность фактов реальности, их этическую меру, отношение к добру и злу» [Тепляшина, 2006, с. 195]. По этому поводу метко и емко выразилась исследователь советской публицистики Л. Ш. Вильчек: «Однако только самовыражения и только рассказа об испытанном на себе или увиденном рядом, „снизу“, для колумнистики мало. Колумнистика начинается там, где взгляд „снизу“ скрещивается со взглядом „сверху“» [Вильчек, 1996, с. 111].

Одним из примеров исповедальной колонки, где как раз очень талантливо скрещиваются эти два взгляда, является замечательный текст, принадлежащий перу Андрея Петрова, шеф-редактора газеты «Невское время» (2009. 8 апр.):

Письмо «подарку Бога»

В минуту, когда я узнал об этом, показалось, что оторвался от земли. В следующую минуту стало очень страшно. Потому что я отчетливо понял, что совершенно не знаю, как это — быть отцом. Может, потому, что с собственным отцом познакомился в 31 год и после похорон матери. Так уж получилось. Мне стало страшно, оттого что единственное, что я умею делать более-менее хорошо, — это складывать на бумаге слова в предложения. А скольким необходимым для мужика умениям не обучен и, стало быть, не смогу обучить сына. Даже, стыдно сказать, играть в футбол.

— Брось ты переживать, — говорили мне друзья. — Для мелких главное, чтобы папа просто был рядом.

А я и рядом-то мог быть только по выходным. Работа до позднего вечера, командировки... Всем известная история.

И вот ты вырос, Ваня, стремительно, незаметно и необратимо. Еще, кажется, вчера ты будил меня визгом и писком и тем, что укладывал на мою физиономию обкаканный памперс, а теперь вымахал почти до моего плеча, рисуешь фантастические картины, пишешь книгу сказок и в компьютере рубишь, как мне и не снилось. Мне кажется, что ты рос и растешь при очень малом моем участии, так почему же ты искренне говоришь, что я у тебя самый лучший папа на свете?

Иногда я думаю о том, что не я, а ты воспитывал меня все эти десять лет. Вот считается, что сын за отца не отвечает... Как сказать... По-моему, ты, именно ты и твоя младшая сестра Катюшка ответственные за то, чтобы я был (или хотя бы старался быть) лучше, чем есть на самом деле. Подавлял в себе эгоизм и лень. Был спокойнее и рассудительнее. Не тратил время на всякую ерунду.

Мне есть за что благодарить тебя, Ванька, «подарок Бога», как расшифровывается твое имя. Спасибо тебе за то, что ты растешь потрясающим романтиком

и фантазером. Это вроде бы так несовременно, но очень помогает папе вырваться из плена практицизма и унылой расчетливости.

Спасибо за то, что ты не завистлив. Ты не комплексуешь из-за отсутствия дорогих электронных игрушек, какие есть у других мальчиков из твоего класса. И степень твоей любви к родителям не зависит от их обещаний подарить какую-нибудь диковину к празднику.

Спасибо за твои бесконечные вопросы, на которые у папы часто нет четких и прямых ответов. Значит, ты заставляешь думать, искать их, одновременно переосмысливая то, в чем был убежден, зачастую ошибочно.

Спасибо за то, что ты даешь мне, безнадежно взрослому, чувствовать себя мальчишкой.

Я завидую тебе. Ты растешь свободным от догм, которые вдалбливались в головы твоим предкам. От пустопорожних пионерских сборов, клятв и речовок, от лицемерных «личных комплексных планов», от необходимости быть «активистом», чтобы «числиться на хорошем счету». (У меня, правда, есть тайное опасение, что все это может вернуться, но я надеюсь, что тебе повезет.) Я молю Бога, чтобы ты был всегда свободен и от другого, чего я не знал в своем детстве, — от наркоты, «Домов-2» и прочей порнухи.

Признаюсь тебе, что мне очень многое не нравится в том мире, в который я привел тебя и Катю, не спрашивая вашего согласия. Поэтому я работаю в газете, пытающейся помочь людям сделать этот мир хотя бы чуточку лучше. Так, сбился на пафос... Извини, сынок, это, наверное, возрастное. На самом деле максимум того, что я могу и должен сделать, — чтобы был мир между нами. Чтобы ты понимал меня, а я тебя. Именно такое люди называют счастьем.

Не представляю, кем ты станешь, Ваня. И если честно, оно мне сейчас не очень важно. Потому что в юности я навсегда запомнил слова из песни моего любимого (надеюсь, и ты его полюбишь) Александра Градского: «Быть таким, какой ты есть, — в этом мужество и честь». У меня соблюдать это правило получалось не всегда. Попробуй ты.

P. S. И не взрослей так быстро, пожалуйста! (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/pismopodarkuboga>).

Провокационная колонка

Автор провокационной колонки намеренно высказывает в своем обращении к читателям резкие, спорные, парадоксальные суждения. Либо выражает смелую и даже дерзкую точку зрения на острую тему, вокруг которой многие люди традиционно «ломают копья». Автор намеренно ставит себя под удар, вызывая критику и даже обвинения со стороны читателей. Но при этом он

обзаводится и сторонниками, горячо сочувствующими его идеям. Цель такой колонки — всколыхнуть общественную дискуссию, привлечь внимание к проблеме, к самой личности автора, к изданию. Если провокация автору удалась, то изданию гарантированы ссылки на эту колонку в Интернете и активное обсуждение среди его пользователей. Приведу пример такой колонки. Павел Виноградов, редактор отдела социальных проблем газеты «Невское время» (2011. 1 марта):

Почему я больше не правозащитник

Есть слова, имеющие вполне нормальное значение, которые тем не менее определенной частью сограждан воспринимаются ругательствами. Это оттого, что их много и упорно дискредитировали. «Демократия», «политкорректность», «либерализм»... В этом же ряду, увы, и «правозащитники». И по чьей, интересно, вине?..

А я ведь сам занимался тем, что называется «правозащитная деятельность», — в конце 1980-х — начале 1990-х. Тогда за это, правда, давали не гранты, а кулаком по лицу. Я до сих пор уважаю своих тогдашних друзей. Многие из них уже мертвы, другие, как и я, радикально поменяли убеждения, а третьи, с которыми этого почему-то не случилось, — эти по-прежнему мои друзья, потому что я уверен в их искренности.

Но уже тогда, посмотрев на столичных лидеров движения, я стал испытывать мучительные сомнения. Полубезумная старая дева с авторитарными замашками. Разваливающаяся от наркотиков лесбиянка. Тип, куражливо вещающий, как он опохмелился флаконом французских духов, и небрежно кидающий таксисту сотню долларов. Юный неформал, рассказывающий, как гуру самиздата и великий правозащитник пытался изнасиловать его на столе в офисе. И все эти моральные уроды — мои, так сказать, руководители?..

Рожденный в СССР, я не понимал, что они — профессионалы. Просто делают свой гешефт, а освобождение страны от тоталитаризма для них всего лишь удобный лозунг. Более того, тоталитаризм им выгоден, поскольку, пока он есть, они будут получать свое содержание. Так оно и вышло: когда жупел советской власти стал неактуален, они придумали новый и борются теперь с ним на тех же (вернее, гораздо лучших) условиях. Думаете, упомянутые в предыдущем абзаце деятели канули в Лету? Да ничего подобного — по-прежнему на слуху. Вот, например, тот, глушивший духи, недавно «прославился» публичным оскорблением ветеранов ВОВ.

Это очень избирательные правозащитники. Их подзащитный непременно должен быть противником нынешней российской власти и, главное, — не быть русским. Лучше всего, чтобы это был Ходорковский. Вообще-то, Михаил Бо-

рисович, пока был на свободе, сам тщательно отстраивал эту правозащитную структуру. И теперь она, в унисон с Европарламентом и ПАСЕ, а то и госдепом США, привычно выкрикивает сакраментальный ряд из десятка имен — якобы жертв политического террора. Люди из этой системы во время чеченских войн требовали крови полковника Буданова, но их совершенно не занимала кровь мирных русских жителей Чечни, убиваемых и насилуемых мятежниками. Условия гранта не позволяют, да они и сами не хотят.

К тому, что зарубежные организации поминутно дают наставления российским властям, как жить и блюсти человеческие права, уже как-то все притерпелись. Поначалу, конечно, было грустно и странно, когда тот же Европарламент после драмы «Норд-Оста» первым делом озаботился тем, не совершались ли там «внесудебные казни». То есть не пристреливали ли бойцы «Альфы» без суда, следствия и присяжных террористов в масках. Этих «бедных ребят», как назвала их тогда одна очень известная правозащитница. Но когда своими ушами слышишь от человека, имеющего претензию быть моральным авторитетом, про то, что «Басаев — современный Робин Гуд», а «ОМОН и СОБР — сборище профессиональных негодяев», задаешься вопросом: «Почему у него до сих пор в кармане российский паспорт?..» А вспомнив, что именно он уговаривал сдать окруженных в Грозном русских солдат, а потом смотрел, как боевики снимают с них кожу, задаешь другой вопрос: «Почему он, собственно, до сих пор на свободе?..»

Разумеется, написанное выше — публицистическое заострение. Я не призываю сажать этих людей или удалять их из страны на «Философском пароходе» (тем более что в данном случае это название звучало бы злой издевкой — у большинства из них нет высшего, а кое у кого и законченного среднего образования). Но я не хочу иметь ничего общего с людьми, за деньги из-за рубежа поливающими грязью мою страну. И я с подозрением буду относиться к любому делу, которым они занимаются. И виноваты в этом они сами (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/pochemu-ya-bolshe-ne-pravozashchitnik-44525>).

Как и следовало ожидать, провокация сработала — Павел получил град разнополярных комментариев, после чего жаркая дискуссия переключалась в Интернет, в блог автора колонки.

Колонка к дате

Колонка к дате — это повод поговорить на определенную тему, разговор о которой поднимать в другой день вроде как не логично или ни к чему. Колонки к дате писать, с одной стороны, легко, потому что есть конкретная тема. С другой стороны, сложно, если

к этой дате каждый год пишут десятки авторов, и с каждым годом все труднее написать что-то оригинальное или проникновенное. Я приведу два примера весьма удачных, на мой взгляд, колонок «к дате». Первая посвящена Дню Святого Валентина, почитаемому у нас как день влюбленных. Она принадлежит «Золотому перу» петербургской журналистики, главному редактору газеты «Невское время», писателю и публицисту Михаилу Иванову. Называется просто и по делу — «Любовь» (Невское время. 2009. 14 февр.):

Любовь

Знаете, что меня больше всего поражает в жизни? То, что женщина способна полюбить кого угодно. Нет, правда. Это самое настоящее чудо. Вот, помню, выходит из «мерседеса» бугай. Шея как у быка! Физиономия как у питекантропа. Глаза волчьи. Посмотришь на такого и подумаешь: «Мамма миа... Ну кто такого сможет полюбить?!» И вдруг вижу — выпархивает из «мерседеса» прелестное создание в норковой шубке и, как маленькая птичка, вьется перед бугаем: и щебечет, и воркует, и смеется, и по руке его гладит. И что вы думаете? Просветлела физиономия у бугая, глаза потептели. Он ее за ручку берет как школьник, он даже улыбается! И думаешь, на это глядя: а ведь тоже человек, может быть, и не убьет больше никого, только бы эта прелестная нимфа не бросила его на произвол судьбы.

Да вспомните, разве вы не сталкивались с подобным? Вроде бы ни кожи ни рожи в человеке, а жена — красавица! Все окружающие начинают гадать: что же нашла она в этом человеке? Может быть, деньги? Может быть, он сексуальный гигант? Может, надежды подавал? Ничего подобного. Просто она его полюбила.

У меня был приятель в юности. В 23 года он очень захотел жениться. Мы с друзьями с ног сбились, подыскивая ему пару. Дело в том, что ни талантами он особыми не обладал, ни умом, ни внешностью. Тогда, в советское-то время, только этим и можно было поразить воображение прекрасного пола — «мерседесов» да счетов в банке и в помине не было. Так вот, искали мы ему пару, что называется, по росту. И чтоб умом, значит, не блистала, и чтоб красотой особой не выделялась. И все без толку — не хотят, не любят! Он уже и в драматический кружок записался, и серьезные книги стал читать, и даже научился фотографировать — все впустую. Мы и рукой махнули. А через год вдруг узнаем: приятель наш женится. На свадьбу пригласил. В загсе мы просто обалдели. Стоит с нашим «плохишом» красавица... Глазищи — голубые озера, волосы — червонного золота, брови — соболиные, губы — спелые вишни! Так и ахнули мы от изумления. Думаем, может, наследство получил или клад отрыл? Нет! Любовь, представьте. Настоящая. До сих пор живут в мире и радости. Двое деток у них.

А представьте себе только такую мрачную картину: любовь — только за дело! Нет, я не про циничные браки по расчету. Просто в этой картине все понятно и равноценно. Ты красивый — и тебе красивая жена. Ты умный — а она и умная, и красивая. Или даже, предположим, любовь как награда за добродетель. Вот честный ты, добрый, отзывчивый, щедрый, мудрый, веселый — и тебе награда за это — красивая и добрая женщина. Заслужил! Разве не честно? Разве не понятно? Да понятно-то оно понятно, только жить в таком мире не хочется. Я лучше соглашусь на мир, где женщина способна полюбить и уroda, и даже подлеца! А он, подлец, может быть, этого и не заслужил, а она его все равно любит! И любовь эта разрушает весь этот дурацкий материализм-дарвинизм лучше, чем всякие выверенные богословские аргументы. Значит, есть в этом мире что-то, что не вписывается в причинно-следственные связи, есть Нечто, что не обуславливается жестокой необходимостью. Есть! А раз есть, то и надежда есть! И жить в этом мире в общем-то можно. Суровый он, конечно, и жестокий порой. Но вдруг сквозь тучи выглянет солнце, душа возликует. Вот она пришла! Настоящая. Необыкновенная. Непонятная. Необъяснимая. Великая. ЛЮБОВЬ (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/lubov>).

По поводу другой даты — Международного женского дня — хлестко высказался колумнист сетевой газеты «Взгляд» Андрей Архангельский. Колонка вышла под не очень праздничным, двусмысленным заголовком:

Критические дни

Это не колонка Натальи Радуловой, но в отношении женского дня мы с ней абсолютно солидарны: это ж надо было так извратить день борьбы женщин за свои права, чтобы в этот день эксплуатировать женщин с особым цинизмом.

Каждый должен сдерживаться: например, вот на эскалаторе в метро едешь, и голос под Левитана тебя предупреждает, что метро — опасное транспортное средство, что надо докладывать дежурному по станции о лицах в пачкающей одежде и подозрительных предметах. И в конце еще перечисляется, чего нельзя и какое за это наказание. И миллионы ни в чем не повинных людей инстинктивно вздрагивают, втягивают головы в плечи, как бы ненароком чего не нарушить. И тут же, без перерыва, вступает другой голос: свехрадостный, пластмассовый, с призывом покупать, приобретать, со скидками.

«Праздник должен быть исключением — его делают нормой. Тогда как нормой должна была бы быть сама жизнь — с ее непростыми, но радостями личных достижений»

Как все-таки это удивительно сочетается — угроза и реклама. Как тут не вспомнишь тезис о том, что между тоталитаризмом идеологическим и товарным много общего. Недаром их загоняют в один и тот же громкоговоритель.

Как-нибудь я поинтересуюсь этим — имеют ли вообще право в метро, в местах общего пользования гонять рекламу — про Масленицу или про распродажи до 9-го. Пока же я просто отключаюсь, врубаю плеер, вжимаюсь в наушники.

В обычные дни это все можно вытерпеть — всего-то полторы-две минуты в день, посещая по нужде это советское подземелье.

Но с 23 февраля и вплоть до 8 марта — две недели — держаться нужно все дни, целыми днями. Сопротивляясь тому потоку мужества и женственности, восторженного лицемерия и разнузданной рекламы, суть которой сводится к тому, что доставить радость любимой / любимому можно только одним способом — купив ей / ему товар. Демонстрировать уважение к женщине при помощи товаров (то есть покупать ее) — какой трагический, сюрреалистический итог борьбы женщин за свои права!

Все это много раз продумано и проговорено: что 23 февраля никакой победы под Нарвой не было, что дата условна, что она целиком принадлежит прошлому. Все вопросы по поводу 8 марта тем более решены: что неформальный праздник не должен превращаться в государственный, что один день с букетами незаметно превратился уже в четыре дня с букетами. Причем ничего не работает — магазины, приемные, учреждения; срываются и переносятся все договоренности, поездки, встречи — причем не на два дня, а на неделю — мы же в России; так что к концу месяца звоните, приезжайте, приносите — не ошибетесь.

В России так немного времени продолжительного труда — когда все работает, все на месте, когда все втянулись. И вдруг опять все дела откладываются — именно потому, что нужно всем стадом отметить день самки и день самца.

То, что после Масленицы (6 марта) у православных начинается пост, как-то совершенно легко уживается с праздничным столом 8 марта. Где священники, почему молчат в эти дни ревнители веры? Мы очень удобно соединили православие, женский день и рекламу в одно, и все это мы отпразднуем как следует, по очереди, а то и вместе. Как же не надоест повторять по миллиону раз одни и те же фразы про «самых любимых» — надо быть законченными пошляками, чтобы нести своим любимым весь этот мертвый, клишированный бред.

Об истинном смысле праздника никто не думает. В Москве миллионы униженных женщин: это все те, кто приехал сюда из своих деревень, аулов, со своих хребтов — готовить вам жратву, мыть, стирать, пеленать ваших детей, водить ваши трамваи и троллейбусы, гнуть спину за ваши гроши по вашим меркам — которым вы еще и презрительно фыркаете в спину. Вот для кого этот день; для тех, кто вынужден выбирать из двух зол: либо у себя на родине ходить в парандже, быть наложницей, третьей-четвертой женой; либо приезжать в столицу светского государства и тут пахать по 24 часа в подземном царстве общепита. Вот кто в этот день должен был бы выходить на демонстрации и требовать нормированного труда, соблюдения безопасности, толерантности, уважения, как и делали в первые восьмьюе марта. А президенты должны были бы не цветочки дарить, а возглавлять эти демонстрации.

Есть люди, которые говорят примерно так: мне все равно, что это за праздник, как он называется и связан ли он с кровавым режимом. Просто «лишний выходной», никакой проблемы. Проблема, однако, есть: общее обесмысливание жизни. Когда государство признает — работа большинства неэффективна, так пусть хотя бы отдохнут; повода для отдыха нет — так пусть будет лобой. В сущности, говорит государство, сами придумайте себе, как это называется: и вот миллионы людей уходят в загул на 4 дня, чтобы восславить половые отличия.

Советский человек хотя бы знал, что в основании любого праздника была идеология; сегодняшние мифические праздники являются лишь компромиссом — попыткой угодить всем: православным, коммунистам, женщинам, мужчинам, менеджерам. Вместо того чтобы предложить какой-то план, государство предлагает: а давайте отдохнем без повода! Ах, какое доброе государство! Оттягивая решение, берет паузу — на один, два, четыре дня, на годы и десятилетия.

Таким образом государство снимает с себя ответственность за целеполагание. Оно уже само не знает, что лучше нашим людям — работать или отдыхать. Особенно забавно наблюдать, как в разгар праздника со столетней историей лучшие умы (Сергей Стиллавин) стараются придумать ему новые смыслы. Прелесть что за праздник, смысл которого надо мучительно выдумывать каждый раз заново.

И все больше становится таких бессмысленных дней, в которых не участвуешь морально — только присутствуешь физически.

Общим итогом становится еще большее отключение, отпадение и разрыв с государством. Государство отталкивает тем самым в первую очередь тех, кто работает, кто занимается делом. Праздник должен быть исключением — его делают нормой. Тогда как нормой должна была бы быть сама жизнь — с ее непростыми, но радостями личных достижений (URL: <http://vz.ru/columns/2011/3/8/474092.html>).

Колонка-анонс

Колонка-анонс — это, как правило, обращение к читателям от лица главного редактора, предваряющее номер. Такую колонку можно встретить в любом глянцево-журнале, и обычно ее содержание — это краткая презентация номера. Выше мы уже приводили мнения практикующих колумнистов о том, что это, как правило, бессмысленные колонки, лишённые шарма, оригинальности и какой-либо ощутимой пользы для читателя. Приведу

пример такой колонки. Ее автор — Петра Борнхёфт, главный редактор журнала «Профиль» (2007. 11 июня):

Прежде всего

Этот номер — первый после смены главного редактора — выйдет в канун госпраздника. Под названием «День России». Отмечать трагические даты собственной истории, даже позорные, допустимо и полезно.

Праздновать дату национального членовредительства, «добровольного выхода РСФСР из состава России», по меньшей мере странно. Это все равно что отмечать день открытия геморроя или ампутации ноги: «ликующие толпы граждан приветствуют 17-ю годовщину ампутации, радостно помахивая отчлененными конечностями»... Это к тому, что материалов, посвященных «празднику», в номере нет.

Главная тема номера — тема, которую мы действительно считаем самой важной и актуальной, — наша финансовая политика, которая началась задолго до нынешнего министра Кудрина и, хотелось бы, на нем закончится. Четверть века назад советские товарищи, по сути, встали на путь отказа от собственной суверенной финансовой системы. Проще говоря: мы снабжаем своими реальными ресурсами — нефтью и газом — своего реального противника, а он за это печатает нам доллары. И вдруг, совершенно неожиданно у нас держава рухнула. Надо же, кто бы мог подумать?!

Репортаж из Хайлигендамма о саммите «Восьмерки» — неизбежный в силу статуса мероприятия и присутствующих там персон. На самом деле такие встречи редко бывают судьбоносными, а в нашем случае «судьбоносность» вообще резко понизилась в контексте известных изменений международного климата. В этой связи нам бы надо научиться меньше обращать внимания на мнение посторонних о наших внутренних делах. Притом что посторонние склонны считать, что у нас в принципе никаких внутренних дел быть не должно.

Украинская тема даже в вялотекущем нынешнем параноидальном состоянии все равно остается важнейшей для России. Как верно заметил матерый друг нашего народа Збигнев Бжезинский, «с Украиной Россия всегда держава, а без Украины — всегда нет». Добавить к этому, собственно, нечего.

В материале об истребителях пятого поколения наряду с интересными и поучительными тактико-техническими моментами самое интересное в том: если Россия сделает такую машину — а она ее сделает, — то в мире останутся только две страны, имеющие боевую авиацию такого класса. Американцы и мы. А это многое объясняет.

«Профиль» постарается сохранить свои традиционные рубрики, содержащие информацию об основных событиях деловой, культурной, светской и вся-

ческой иной жизни. То есть еженедельник будет меняться, но будет меняться постепенно, сохраняя все лучшее, что всегда присутствовало в этом издании.

И вообще, для меня это первый блин, а первый блин, как известно, комом.

Не судите строго (URL: <http://www.profile.ru/items/?item=23351>).

Колонка-критика

Критическая колонка ставит своей целью открытое разоблачение конкретного зла, будь то чиновник, государственный деятель, лечащий врач и т. д. Здесь автор не пытается завуалировать свои мысли ироничной вуалью, он прямо называет то лицо, которое подвергает обструкции. В качестве примера приведу колонку редактора отдела культуры газеты «Невское время» (2011. 4 марта) Владимира Желтова, который предельно откровенно рассказал о тяжелой судьбе своего брата, ставшего по воле обстоятельств бомжом и принявшего тяжелую смерть. Поводом для столь глубоких личных рассуждений и переживаний стало заявление мэра Читы Анатолия Михалева, который публично пожалел о том, что не имеет лицензии на отстрел бомжей. Автор колонки откровенно называет политика негодяем.

Брат мой — великомученик

Вначале была аббревиатура — БОМЖиЗ: человек без определенного места жительства и занятий. Нахождение в состоянии БОМЖиЗ было временным. Рано или поздно человек трудоустроивался, а остаться без крыши над головой раз и навсегда не позволяла порочная советская система. С перестроечных времен все кардинально изменилось...

Вы никогда не задумывались, как в нашей относительно цивилизованной стране становятся бомжами? Кого-то путем различных махинаций лишили законной жилплощади предприниматели, деловые люди. В таких случаях непонятна позиция властей предержащих. Властным структурам при желании не составит большого труда узнать, как человек оказался на улице. Если криминал — расследовать, привлечь. А бывает и по-другому.

Мой младший брат был лучше меня, умнее, талантливее. К тому же он из тех, про кого говорят: золотые руки. Он был добрее. Даже под конец жизни не озлобился... «Говорят, что грешил, что до срока свечу затушил — как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа...» — пел Окуджава про Высоцкого. Эти строки я цитировал на поминках в августе 1998-го...

Брат женился в 19 лет. Не по любви — по настоянию родителей: его девушка была беременна. Родилась дочь. В дочери он души не чаял. Но месяца через два после ее рождения — повестка: пора отдавать Родине воинский долг. Приехал в отпуск, а у жены — другой. В измене ее не обвинишь: другой — «тот, что раньше с нею был», и после, и, может быть, до сих пор...

Вернулся брат из армии с женщиной. У нее дочь. Усыновил. Родилась двойня. Чтобы прокормить семью, устроился приемщиком стеклотары. Мизерный оклад, зато левые деньги. И пьющее окружение. Пил и он. Мог запить. Но не загулять. Вторую его жену я тоже не смею обвинять: попробуй-ка жить с тремя малыми детьми да с пьющим мужиком! Как бы то ни было, но при живом муже у нее появился...

Возвращаться брату стало некуда. Несколько лет жизни по подвалам, по чердакам, в съемных комнатах. Но при этом он всегда работал. Где и кем придется. Чаще — грузчиком в магазинах. Мы с мамой разыскивали его (больше, конечно, мама), находили — к родителям вернуться он отказывался наотрез: чувство вины не позволяло.

А потом в его жизни появилась женщина. Третья жена. Брак их мне казался странным: он грузчик, бомж, она — заместитель директора магазина. Для того чтобы прописаться к новой спутнице жизни, выписался — трехкомнатная квартира осталась прежней жене и детям. Из двух комнат в коммунальной квартире меньшую третья жена — после якобы фиктивного развода и раздела ордеров — предложила обменять на домик в деревне. Потом попросила оформить дарственную на домик. После чего в домике появились мордovorоты, избили брата, пригрозили: «Чтобы духу твоего здесь не было. В противном случае...» В общем, грамотно продуманная афера завершилась успешно. «Ты чем думал, когда подписывал дарственную?!» — спрашивала мама блудного сына. «А как я мог не доверять человеку, с которым связал свою жизнь?!» — отвечал он вопросом на вопрос.

Какое-то время брат пожил с родителями, но, не желая ущемлять их в жилплощади, устроился на работу лесником. Начальник лесхоза обещал выделить участок, помочь со стройматериалами. Появилась надежда.

Брат вспахивал целину, сажал картошку, другие овощи, соорудил теплицы — выращивал огурцы, помидоры, даже небольшие арбузы. Но лесхоз для начальника был чем-то вроде вотчины. На кордоне он принимал нужных людей, устраивал отдых и охоту для полковников, генералов ЛенВО, чиновников районного и областного уровня. «А ну-ка принеси свеженьких помидорчиков! Или лучше соленьеньких грибочков!» — приказывал начальник подчиненному. Или: «Набери-ка для имярек столько-то литров черники!» О своих обещаниях он уже не вспоминал. Брат иногда запивал. От бесперспективности и одиночества.

Финал истории трагический. Начальник принял на работу и поселил на кордоне такого же бедолагу. И чуть ли не в первый день после совместного распития спиртных напитков, когда лесники разошлись по своим половинам (у каж-

дого в «апартаменты» был отдельный вход) и легли спать, дом загорелся. Брат выскочил на улицу в одних трусах, пытался тушить огонь... Напарник, закрывшийся изнутри, погиб. А месяца через три-четыре не стало и брата. Причина смерти — отравление метиловым спиртом. Никто меня никогда не переубедит в том, что это было не самоубийство...

Мне до сих пор, когда думаю о гибели брата, головой хочется биться о стену — от невозможности что-либо изменить... И свою боль я не стал бы сейчас выплескивать на газетную полосу, если бы не заявление мэра Читы Анатолия Михалева: «К сожалению, мы не имеем лицензии на отстрел бомжей, а других законных способов справиться с ними сегодня нет...»

Говорят, оправдываясь, негодяй утверждал, что неудачно пошутил. Боюсь, что в этой шутке большая доля правды... (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/brat-moy-velikomuchenik-44564>).

Подводя итог разговору о критической колонке, коих в современных СМИ видимо-невидимо, хочу снова обратиться к работе А. Н. Тепляшиной. По ее мнению, «особую жанровую проблематику колонки отражает конфликт. В современном литературоведении небезосновательно утверждается мысль о том, что в формировании жанров нового времени все более значительную роль играет характер конфликта. Автор колонки, как правило, находится в конфликте с властью. Именно с этой позиции он интерпретирует факты. Казалось бы, факт — категория объективная, в принципе исключающая возможность интерпретации. Но дело в том, что явление богаче закона. Поиски собственно документальной художественности обогатили колумнистику открытием многих возможностей, таких как выявление образного потенциала факта, переосмысление конкретного факта в метафору, символ, образ, прием документального контрапункта, отстранение» [Тепляшина, 2006, с. 182].

Приведу еще один пример критической колонки, где автор — Сергей Ачильдиев, лауреат профессионального конкурса журналистов «Золотое перо», критически находится в конфликте со всеми, кто не уважает «рядового гражданина» (Невское время. 2011. 12 марта). В первую очередь, с чиновниками и монополистами — владельцами крупных компаний, предоставляющих уникальные услуги населению:

Авария? Хотя бы извинились...

В субботу в половине первого дня у нас погас свет. Не только в нашем доме — во всем квартале. Народ забегал — от квартиры к квартире, от дома к дому. Но никто так ничего толком и не понял. Ясно было только одно: авария! Более точной причины никто до сих пор не знает и, думаю, не узнает никогда.

А в половине пятого свет снова зажегся. Ура!!!

Но радость была короткой. Четыре часа без электричества — это, конечно, в условиях нашей цивилизации еще не катастрофа, но уже трагедия. Выходной день, все дома, а тут... Кто-то рассчитывал поработать за компьютером, кто-то — посмотреть любимую телепередачу, кто-то — пригласить гостей... Да мало ли у людей планов на субботу! И вот все это сорвалось. По какой причине и по чьей вине? Снова — полная неизвестность. Как и спустя несколько дней, когда электричество отключали снова и снова на несколько часов...

Аварии случаются у нас на каждом шагу и на каждом углу. Там прорвало трубу, там затопило подвал, там потекла крыша, там «полетела» целая электроподстанция... Попробуйте узнать, кто виноват, — ничего не добьетесь, если, конечно, не обошлось без жертв. А если нет виновных, то нет ни компенсаций за понесенные неудобства, ни хотя бы извинений.

Вот авария, от которой пострадали десятки тысяч петербуржцев, причем большинство из них многожды. Новый пересадочный эскалатор в метрополитене под Сенной площадью после установки тут же испортился и не работал без малого год. Что-то там технически не получилось, с кем не бывает... Но я не об этом — я о метрополитене. Вы слышали, спускаясь в подземку, чтобы кто-нибудь из метроначальников на протяжении всего времени поломки хоть один раз извинился? Сказал бы через динамики на других, работающих, эскалаторах: «Уважаемые пассажиры, простите бога ради, что не можем предоставить вам свои услуги в полном объеме! В благодарность за то, что вы терпеливо, молча сносите эти трудности, мы снизим стоимость проезда на 5 копеек». И мы бы поняли этого начальника и, конечно, простили.

Ведь извинения мы слышим так редко, что для каждого из нас они дороже любых денег. Сфера торговли и сервиса за свои ошибки уже научилась просить прощения, но монополисты, а особенно власть, причем любого уровня, до такого не дошли. Может, наши начальники уверены, что никогда не ошибаются? Или считают, будто сказать «извините» значит уронить собственное достоинство? Или — в это не хочется верить, но иногда приходится — держат нас за такое ничтожество, перед которым извиняться просто зазорно?

Хотя, с другой стороны, если бы иные начальники винулись перед народом за свою работу, им бы и работать было некогда — каждый день стояли бы на площади и били поклоны на все четыре стороны. За одну только нынешнюю зиму, когда обе стороны улицы были опасны при обстреле сосульками, когда кипяток вдруг бил сквозь асфальт фонтаном до второго этажа близстоящих домов, когда путешествие в соседнюю булочную превращалось в переход Суворова через Альпы, — за все за это жилищникам и благоустроителям каяться надо все лето, до следующих холодов.

Но они ничего этого делать не будут. Взамен они будут нас уверять (да и уже уверяли!), будто во всем виновата аномальная зима, а с них, белых и пушистых, словно снежинки, взятки гладки. И выйдет, по их словам, так, что не только аномальная зима, но и мы сами виноваты в своих бедах. Упал, поскольку нувшись на несколотом льду, угодил под сосульку? Так тебе ж советовали: если ты старый, с инвалидностью или просто слаб в коленках — не высовывайся на улицу, пережди опасное время года! А мы все равно премся. Вот упрямый народ, ну что ты будешь с ним делать... (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/avariya-hotya-by-izvinilis-44608>).

Гендерная колонка

Гендерная колонка — это текст, предметом обсуждения которого являются непростые взаимоотношения представителей противоположных полов. Есть целый ряд колумнистов, которые пишут исключительно на тему «мужчина и женщина». Одним из таких авторов является известный блогер, колумнист журнала «Огонек», сетевой газеты «Взгляд» и целого ряда других изданий Наталья Радулова. Приведу в пример очень характерную для Натальи колонку на эту тему (Взгляд. 1011. 18 марта):

Пропать без дна

Витальку-хулигана из деревни, где живут мои родственники, посадили летом. К тому времени он из хулигана, который в детстве воровал яблоки в колхозном саду, превратился в настоящего разбойника — во всяком случае, сажали его за разбой. Причем какой-то особенный разбой, который на девять лет потянул. С ним же заодно посадили и Светку, сожительницу его. Ей дали года три, что ли.

«А может, помимо ребеночка еще какой-нибудь завалиющийся мужичок найдется. Будет двоих тянуть — чем не счастье-то?»

В эту криминальную историю я особо не вникала. Что они там натворили, когда и с кем — не интересовалась. Слышала лишь, как Виталькина мать в магазине при всем честном народе во всем винила Светку: «Это она его подбила! Она сыночка моего на кривую дорожку свернула!». Слышала я, и как Светкина мать в том же магазине проклинала Витальку: «Сукин сын! Это он во всем виноват, а ее за собой потянул».

На суде Светка, говорят, к своему Витальке рвалась, плакала, причитала: «Любимый!» А Виталька, похоже, думал лишь о том, сколько ему дадут. Цифры — 7, 5, 9 — так и мелькали в его глазах. А может, он просто хорошо скрывал свои эмоции, поэтому от сожительницы отворачивался и делал вид, что знает ее не знает.

Как бы там ни было, но развезли этих деревенских Бонни и Клайда в разные стороны. Светка сразу же стала слать многостраничные послания в мужскую колонию. Собственно, ей и писать больше было некому, только матери да Витальке. «Я дождусь тебя, любимый! Я выйду раньше, но обязательно тебя дождусь!» — и все в таком духе.

«А он ей не отвечает! — снова сообщала новости в магазине мамаша главного героя. — И правильно делать! На что она ему нужна, судимая!» Была в этих ее словах своя извращенная логика. Потому что упавшая на дно женщина и упавший на дно мужчина — не одно и то же. Точно так же не зря говорят, что у алкоголички меньше шансов выкарабкаться, чем у алкоголика. Не потому, что женщина слабее. А потому, что ей никто не поможет.

Как писала Татьяна Москвина: «Когда встречаешь пропитого мужика, который бредет на своих ножках-заплетушках, весь уже серо-белый, тающий, нежилкой, как весенний снег, это как-то... нестрашно. Его еще может кто-то подобрать, отмыть, накормить, может, дома есть мама, выплакавшая глаза, или отчаявшаяся жена, или злая дочка. А когда я вижу опустившуюся женщину, вот тут душа содрогается, потому что ей никто не поможет, никто ее не подберет, здесь пропасть без дна».

Мужчина, будь он самый плохонький из плохоньких, все равно может рассчитывать на спасительницу — ту, которая не просто пойдет с ним рядом по жизни, а, если понадобится, потащит его на своем горбу. Женщину никто тащить не будет. Нет таких рыцарей и принцев, даже в сказках. Упала — ну и черт с тобой. Он найдет себе покрепче.

Вот и Виталька нашел. Это он на Светкины письма не отвечал, а другим девушкам писал, и очень активно. Он-то был жених хоть куда. Даже какой-то выбор у него из подруг по переписке образовался. Выбрал в итоге городскую, на ней и женился.

Свадьбу прямо в колонии и сыграли, чего зря время тянуть. Все-таки жена — это не какая-то там Светка, от которой одни бумажки приходят. Жена — это передачи, это свиданки, какой-никакой, а секс, это «вышли мне шоколаду и положи мне деньги на телефон». Телефон, кстати, жена ему и купила. А потом еще один, когда охранники почему-то разозлились и устроили показательные изъятия телефонов, плееров и прочей технофигни, которой, оказывается, эски чуть ли не открыто пользуются. «Счас утихнет там шум, и жена ему купит этот... ноутбук, во! — новости в деревню поставляются исправно. — Купит-купит, она с охраной уже договорилась. Будут общаться как по телемосту».

Светкиной матери тут крыть нечем. Ее дочери никто из мужчин писать на зону не будет — нет такой моды. Никто не предложит ей руку и сердце. Никто

не будет ей слать посылки с шоколадом. Никто не купит ноутбук, не будет разговаривать с ней по скайпу, не будет нанимать адвокатов, чтобы уполонинить ей срок. Это еще хорошо, что у нее, Светки, есть мать. И на том спасибо. А так вообще сгнула бы, и никто имени ее не вспомнил бы.

«Если я помру, то как она там будет?» — мать уже давно забыла воинственный тон, и почти всегда плачет, когда приходит за хлебом. Ее успокаивают: все-таки три года, не девять. Если б девять, то все. Вышла бы Светка сорокапятилетней бабой, и сразу же за воротами зоны рухнула бы в ту самую пропасть без дна. А так у нее еще будет шанс ребеночка родить. Для себя. А может, помимо ребеночка еще какой-нибудь завалиющийся мужичок найдется. Будет двоих тянуть — чем не счастье-то? (URL: <http://vz.ru/columns/2011/3/18/476311.htm>).

Однако на гендерном поле «играет» и немало мужчин, которых за их резкие взгляды и суждения относительно места женщин в современном мире называют женоненавистниками.

Приведу пример такой колонки, принадлежащей перу Владимира Новикова, редактора отдела экономики газеты «Невское время» (2009. 6 авг.):

Ненавижу «профессиональных девушек»

Сколько раз я встречал на дороге этих накрашенных «чмо», которые могут из левой полосы на Невском резко повернуть направо, демонстративно не обращая внимания на реакцию остальных водителей. Мол, чего сигналият, дураки, разве не видят, что я — девушка?

Примеру успешных «девушек» за рулем следуют менее успешные девушки в автобусах и метро. Заходит в общественный транспорт старик-ветеран, ищет глазами, где бы присесть. Но раньше него до сидения добегают какая-нибудь сопливая пэтэушница, которая занимает место с полным осознанием своей правоты. Ведь она — девушка! Мужчины, независимо от возраста, обязаны уступать ей место!

Видимо, в последние предкризисные годы вывелась новая порода людей — профессиональные девушки. Кого они копируют, объяснять не нужно — включите ОРТ, НТВ, ТНТ, там в каждой передаче эти вечные (независимо от реального возраста) девушки с бесконечными советами: как поселиться «у него» дома и заставить «его» за все платить. Они далеко не все дуры, многие хорошо умеют делать деньги. Но то ли детство у них было трудное, то ли никто их не любил, в общем, они выбрали себе такой имидж — «профессиональные девушки», иными словами — стервы. Все окружающие для них или лохи, или враги. И к тем, и к другим они беспощадны. В силу гипнотического воздействия телевидения завораживающий образ телевизионных стерв стал идеалом целого поколения — образ наивной хорошенькой дурочки с расчетливым оценивающим

взглядом, перед которой, как считается, должны пасовать все мужчины. Им все можно, все позволено и прощается.

Как и положено типичному патриоту, не могу в этой связи не пнуть Америку. Это из Штатов пришла мода на политкорректность по отношению к женщинам, доходящая до паранойи. Почитайте романы Майкла Крайтона, автора «Парка Юрского периода», — там это очень талантливо описано. В том числе и тупики, в которые заводит такая корректность.

Моя любимая фраза — что мы живем в свободной стране. И каждый волен сам выбирать свой путь. Хотя современные девушки быть стервами — ради бога. Может, и встретятся на их пути мужчины, которые будут им подыгрывать. Но мода изменчива, а мораль человеческая, отшлифованная за две с половиной тысячи лет европейской цивилизации, консервативна. Образ нормальной, порядочной девушки (женщины) не меняется уже сотни лет. И этот образ отнюдь не стервы, пусть даже в данный момент времени успешной ([URL: http://www.nvspb.ru/stories/nenavizhuprofessionalnihdevush](http://www.nvspb.ru/stories/nenavizhuprofessionalnihdevush)).

Поскольку эта колонка вызвала шквал негодования со стороны читателей, редколлегия предоставила права на ответ обозревателю отдела социальных проблем Камилле Нигматуллиной. Так на страницах газеты (Невское время. 2009. 18 авг.) развернулась полемика, затрагивающая гендерную проблематику:

Женщины думают долго, мужчины не думают вообще!

Я ненавижу «баб» за рулем. Если по дороге едет нечто со скоростью 40 километров в час, перестраивается без сигнала, разговаривает по телефону или с пассажиркой и вообще ведет себя на дороге неадекватно — это «баба»! Их стиль вождения я различаю безошибочно и всегда уезжаю подальше от опасности, чаще всего красного цвета. К счастью, многие из них специально вешают опознавательные наклейки, ну и красный цвет кузова, конечно, о многом говорит. Это правильно. В живой природе ядовитые твари тоже окрашены во все яркое, давая окружающим шанс вовремя уйти от опасности.

Но есть совершенно не опознанные на дороге объекты. Это «козлы». Всевозможных видов. Ну вот, например, он может быть тонирован с «ног до головы», из приоткрытого окна льется подобие музыки, при этом он едет тихо и в правом ряду. Перестраивается, кстати, тоже без предупреждения. Он просто катается на «тачиле», потому что это «пацан на районе». Это очень «четкий пацанчик», если у него есть спойлер, тюнингованный бампер и — о, боже! — светодиоды на днище. Этот вид опасен тем, что совершенно непредсказуем. То он ползет, словно «бомбила», то вдруг газует в пол и несется мимо, подрезая всех на своем пути. Такие «пацаны» чаще ездят на старых машинах. Это не ретро — это просто помоечный стиль.

«Пацаны» на дорогах машинах страшнее. Если ты имел наглость просигналить ему, когда он в сантиметре от твоего капота подрезал машину справа на скорости 100 километров в час, то он резко затормозит, постойт минуту, понаблюдав за твоей реакцией, — не дай бог еще раз библикнешь. И рванет дальше.

О «жигулях», кажется, сказано все. Но не упомянуть их невозможно. Бывает три типа «жигулей» на дороге (ну, может, и больше, но я обобщу). Первые — «дедушки». В кепочках и толстых очках. С набитыми всяким старьем багажниками. Очень чистенькие и аккуратные, но — очень медленные. Обехать его невозможно. Такое ощущение, что он занимает все ряды сразу, будь их даже пять. Ваше счастье, если он свернул. Подвид «дедушек» может ездить на «копейках», «запорожцах» и «ижах».

Второй вид «жигулей» — ученики. Ребята, которым только стукнуло 18, но прикреплять наклейки на стекла стыдно. Они ездят, как умеют. Просто по-мальчишески задорно, но опасно.

И третий вид вызывает во мне ужас и гнев одновременно — «бомбилы». Их цель — пассажир. Завидев жертву, они мчатся из крайнего левого в крайний правый на красный свет, обгоняют справа, рвут на первой передаче до 60 (если машина позволяет), разворачиваются на другую сторону через двойную сплошную, а их фары, будто два хищных глаза, сканируют улицу по обеим сторонам. Именно «бомбилы» создают пробки в три часа ночи в сезон белых ночей или во время городских праздников, именно они попадают в ДТП в новогоднюю ночь, сталкиваясь возле остановок по четыре-пять машин одновременно. Непредсказуемость — очень слабое слово для описания таких «жигулей».

Еще я не люблю «летяг». Их машины, чей объем двигателя зашкаливает за два литра вплоть до четырех, просто не позволяют ездить медленно. Иначе водитель, наверное, засыпает. Если не удастся пролететь по крайней левой, то они точно так же летят по крайней правой, будто бы на дороге с левосторонним движением. Летят минимум 130, а на хайвее все 220. И не дай бог тебе попасться на его пути: ослепит дальним светом так, что будешь щуриться до самого дома. Кстати, отдельный разговор о машинах с ксеноновыми фарами. Нет ни одной девушки, которая бы в здравом уме установила эту гадость на машине. А тем более включила бы смертельную для глаз подсветку в дневное время суток. Кого же я люблю на дорогах, спросите вы? Вспоминается шутка: все, кто ездит быстрее меня, — козлы, все, кто медленнее, — дебилы. Почти соглашусь, однако есть у меня и свои симпатии. Например, к блондинкам на «Волгах». Это красиво и вызывает настоящий восторг. К женщинам за рулем «Нивы» или микроавтобуса — это мужественно и трогательно одновременно.

Напоследок просто обратите внимание на статистику прошедшего месяца. Все крупные ДТП были совершены водителями-мужчинами. Большинство из них находились в нетрезвом состоянии. Среди пострадавших — женщины и дети. Вот и судите сами, кто страшнее на дороге: женщина, которая просто долго думает за рулем, или мужчина, который не думает вообще (URL: <http://www.nvspb.ru/stories/zhenshinidumautdolgo>).

Ироническая колонка

Для иронической колонки (сюда же можно отнести колонки фельетонного типа) характерны скрытая насмешка над героями, ситуацией положений, самим автором в этой ситуации. Эффект насмешки рождается при столкновении открытых высказываний автора и его персонажей и скрытого авторского смысла (подтекста), который читается между строк. Поскольку автор колонок такого плана либо по-доброму (легкая ирония), либо довольно жестко (когда ирония переходит в сарказм) высмеивает все, что попало в поле его авторского зрения, то он зачастую представляется читателям скептиком, который может выставить любую ситуацию и ее участников на публичное осмеяние. Правда, ироничный автор смягчает удар определенной долей симпатии и сочувствия, которая примешивается к желанию высмеять нечто, найденное автором в окружающей действительности.

Ситуация, которую описывает автор в иронической колонке, представляется уникальной, ведь автор откровенно и с видимой беспристрастностью описывает комическую жизненную ситуацию, в которую он (или кто-то из его знакомых) случайно попал, но читатель очень быстро припоминает аналогичные ситуации, в которые попадал сам, и декодирует мораль истории. Таким образом, цель достигнута — вскрыто и высмеяно определенное социальное зло. В иронической манере работают многие авторы, и в качестве примеров я бы хотела привести колонку Андрея Ивановича Колесникова, ведущего автора издательского дома «Коммерсантъ», редактора журнала «Русский пионер», состоящего сплошь из колонок известных и не очень людей, колумниста журнала «Огонек».

Приведу колонку (Огонек. 2010. 12 июля) целиком, ибо из нее очень трудно вырвать фрагмент и разобрать его отдельно от контекста, поскольку одним из смыслов колонки может стать и композиция произведения, и принцип чередования или последовательного расположения отдельных мыслей (абзацев):

Про пацанов и девчат

Чего только не бывает, когда попадешь на целебные воды. В городе Кисловодске, например, вечером надо идти только в кафе «Пацаны»

Во всяком случае, мне и еще одному пацану, моему другу, так сказали те, кто знает, что говорит.

— Почему? — все-таки поинтересовался я. — Почему не «Хлопцы»? Не «Фраера», в конце концов?

Кисловодский пацан, у которого я спросил об этом, посмотрел на меня с жалостью.

— Ну чего? — переспросил он. — Какие фраера? Тут нет фраеров... Про приезжих не говорим. А пацанов много, настоящих. И потом, — вдруг добавил он, — это, как тебе объяснить... название ресторана просто. Че ты так серьезно к жизни относишься?

Я подумал, что он, конечно, прав. После того как я тут, в Кисловодске, увидел вывеску «Ресторан-кабаре „Шахматный домик“» мне не надо было относиться к происходящему здесь серьезно.

Это было недалеко. Ресторан «Пацаны» оказался в 10 минутах ходьбы от нашего пансионата, где мы остановились на одну ночь. Здесь, у «Пацанов», были бревенчатые беседки, в которых сидели несколько, собственно говоря, пацанов, их девчат и их, между прочим, детей, а также большой зал, где не было ни души, потому что не было кондиционеров.

Я заказал воды.

— Какой? — спросила меня официантка. — «Севен-ап», «Фанта», «Кока-кола»...

— А лимонад есть? — поинтересовался я.

— А?! Так вам нашей, грушевой?! — просияла она.

Я с трепетом ждал, что она сейчас принесет воды, которую пьют или, вернее, которой запивают пацаны, и откроет ее по-пацански.

Снесет, может, рукой горлышко. Или пробкой скovyрнет пробку, я сам так умею. Может, пацаны какие подойдут, поинтересуются, все ли нормально. Ну, хотя бы ритуально. В конце концов, и официантки тут не должно было быть — по правилам. Должны быть официанты, пацаны, которые поинтересовались бы у нас, какую еду мы будем: нормальную, по понятиям, или, например, европейскую.

Но она принесла вкуснейшего лимонада, главная прелесть которого, очевидно, заключалась в местной минеральной воде, из которой он сделан. В остальном состав его был следующим (я не поленился снять наклейку с бутылки, она легко подалась, и даже сохранил: краситель — колер сахарный, регулятор кислотности — кислота лимонная, ароматизатор идентичный натуральному «Груша», подсластитель «Мармикс-200», консервант — бензоат натрия). Там же было написано: «Прямой контакт с генеральным директором по качеству продукции возможен по адресу: ...».

Вообще-то это было очень по-пацански: после такого перечня давать телефон гендиректора по контактам. То есть они дают своего, мы — своего, они забывают стрелку и выясняют, не многовато ли намутили бензоата натрия или все-таки в самый раз?

Я заказал шашлык из баранины, съел его, мой друг тоже поступил как-то по-мужски.

И мы уже были готовы посмотреть футбол у себя в пансионате, — как вдруг выключился свет.

Причем, похоже, не только у «Пацанов», а по крайней мере во всем микрорайоне. На нас вдруг обрушилась настоящая кавказская ночь — хоть глаз выколи, хоть печень. Прекратились все разговоры, смолк детский смех. Никто, впрочем, не вскрикнул.

Пропали официантки. Я представил, что все-таки какие-то дядьки из пивного бара «Мужики» решили прояснить отношения с «Пацанами». Вот сейчас они бесшумно и неотвратно подъедут или, вернее, подойдут к дверям... нет, все-таки подъедут: я увидел огни сразу двух машин, они уставились фарами прямо в нашу беседку, осветили пару соседних... Я замер. Но это оказались наши пацаны: они просто пришли на помощь, посветили нам.

Появилась официантка и сказала, что, к сожалению, все свечи отдали детям, так что, если нас устраивает, остались фары.

Я попросил ее вызвать такси. Она вернулась расстроенной: «Что-то ни одна фирма не отвечает. Похоже, все такси вызывают сейчас». Я спросил ее, а может, во всем городе нет электричества? Или на всем Кавказе? Что вообще происходит? Кто в городе?

Она сказала: «У клиентов проблем не будет».

Подъехала еще одна машина. В ней сидели двое. Они сказали, что лучше мы поедем с ними, а то с такси что-то совсем не то.

— Все у вас в порядке? — спросил один, пока мы ехали в полной темени к нашему пансионату.

Я заверил его, что все очень даже нормально. Он успокоенно кивнул. Тут вдруг отовсюду засиял свет. Электричества не было, видимо, только в нашем микрорайоне.

— Это не против вас света не было, чтоб вы понимали,— сказал другой на прощанье.— Это просто по жизни не все еще в стране налажено. Но мы наладим.

Я поблагодарил его. Но себе я лучше налаживать буду сам (URL:<http://www.kommersant.ru/doc/1394303>).

У Андрея Колесникова вообще такой стиль — он все пропускает через призму легкой иронии, включая собственные мысли и поступки. Поэтому известный цикл его отцовских колонок про сына и дочку в «Коммерсантъ Weeking», несмотря

на очень личную фактуру, также пронизан фирменной авторской иронией и самоиронией. Вот, например, колонка от 25 февраля 2011 г.:

Андрей Колесников о Ване и Маше

В школе у моих детей есть, конечно, друзья. Причем они постоянно меняются. Еще вчера лучшей Машиной подружкой в ее четвертом классе была Варя (все имена изменены в общих интересах), а сегодня ее просто не существует.

То есть она, по-моему, куда-то уехала. И с глаз долой, из сердца вон. Примерно так. Может, я ошибаюсь в деталях.

У Вани все иначе. У него, во втором классе, все ровнее и спокойнее. Может, потому, что он уже четыре года, еще с детского сада, занимается восточными единоборствами и к жизни и к людям вообще относится по-другому. Иногда я ловлю его на том, как он смотрит сквозь детей и, по-моему, не замечает их. И я только не хотел бы, чтобы он когда-нибудь так же посмотрел сквозь меня. Хоть раз в жизни. Хоть один только раз.

Но он любит людей, это я знаю. И люди его — тоже. Потому что попробуй плохо относиться к человеку, который хорошо занимается джиу-джитсу. Причем еще и с таким удовольствием.

У него, как и у Маши, при этом есть друзья, за которых он в огонь и в воду, и на ледяную горку, и в кино.

И все это касается не только школьных подруг и знакомых.

Я Ване и Маше говорю:

— Мы идем в кино?

— Конечно! — кричат они. — Только давай пойдем, а не как обычно.

— А как обычно? — переспрашиваю я, хотя не хуже, чем они, знаю ответ. А лучше.

— Обычно ты спрашиваешь нас: мы идем в кино? Мы кричим «да-а-а!». А ты потом тихо говоришь «нет», потому что у тебя появились неотложные дела.

Маша, по-моему, готова заплакать от рассказанной ею истории. Ей, по крайней мере, очень хочется заплакать. Но она, видимо, пока не считает нужным — потому что в результате воспитательной работы, которую они ведут со мной, сохраняется шанс пойти в кино.

— Да, — добавляет Ваня, — а нас можно отложить.

Он мгновенно усугубляет эту историю до шекспировской бездны.

И мы идем смотреть «Путешествие Гулливера». Причем по пути к нам присоединяются еще несколько детей. Вернее, их присоединяют за одну школьную перемену (вернее, за две) Маша с Ваней. В основном это одноклассники, некоторые с родителями. За одной девочкой мы заехали. В конце концов, в кинозале мы занимаем целый ряд. Целый ряд почти одних детей, жаждущих посмотреть «Путешествие Гулливера», запасшихся всем, что было в фойе опасного для жизни: чипсами, кока-колой, попкорном...

В ряду остались только два свободных места — как и во всем зале, по-моему. И тут, когда фильм уже начался, они пришли — эта пара не таких уж молодых людей. Вернее, она-то молодая, а он скорее уж лет десять как просто половозрелый. Хоть уже и темно было, но я разглядел, что других достоинств в нем, похоже, и нет. А я краем глаза сканировал пространство, потому что на мне же дети. Целый ряд.

И я заметил, конечно, что он пьян в дым, в песок, в дугу... Как могли его пропустить? Не захотели связываться? Предпочли переложить эту ношу на зрителей?

Он сразу начал очень громко разговаривать. Нет, он даже не матерился. Он просто выяснял с ней отношения. А они были запутанными. И он наконец, похоже, нашел время распутать их, потому что он же понимал, что она от него не вырвется: он надежно занял крайнее место в ряду, припер, запер ее и всех нас.

Плохо было слышно то, что происходит на экране. Да, было видно, но я, например, уже не смотрел туда. А он рассказывал ей, почему она, дура, не права по жизни. Потом он как-то вдруг ушел в детские воспоминания, просто ухнул в них с головой.

Я сказал ему, чтобы он замолчал. Сорвалась сразу же еще какая-то женщина из середины зала:

— Да невозможно же! Да кто же это такой!

Ей он пообещал сейчас показать.

Между тем он стал говорить тише. Но его глухой ропот был еще невыносимей. Впрочем, он продолжался не больше полминуты. Он перешел на свой обычный бас. Наверное, он в какой-то момент не понял, почему он шепчет. Он, конечно, забыл все события минутной давности.

Дети сидели не шелохнувшись. Я не знаю, обращали они на него внимание или нет. Не могли, конечно, не обращать. Мне казалось, они и на меня обращают внимание.

И я встал и пошел к нему. И чем дальше я шел, тем отчетливей понимал, что пойду до конца. За мной были мои и не мои дети, которые потом будут гордиться мною. А я?.. Что я?.. Я должен сделать свое дело и сойти со сцены.

Или пусть меня унесут.

Очень уж он был здоровый.

Я подошел к нему. Нагнулся и тихо, чтобы не мешать людям, которые пришли смотреть кино, сказал то, что и говорят в таких случаях:

— Ну что, выйдем?

Правда, в этом случае преследовалась еще одна цель: мне надо было вывести его из зала.

— А? — он поднял на меня глаза с огромным трудом.— Выйти? Зачем?.. А-а-а... Да понимаешь, не встану я...

Тут вдруг сознание стало стремительно возвращаться к нему:

— А че-то ты... я смотрю... А может, и встану... Ща...

Он подумал и понял, видимо, что все-таки не встанет.

— Ну и молчи тогда,— сказал я.

— Ну и помолчу,— вдруг ответил он, но потом понял, видимо, что сказал что-то не то все-таки, и как-то безнадежно махнул на меня рукой.

Как ни странно, меня это задело чуть не больше всего. Но тем не менее меры были приняты, причем к исполнению, и я спокойно сел на свое место.

То есть что значит спокойно?! Под торжествующие взгляды детей, причем не только моих! Причем мои дети смотрели торжествующе на других детей!

В общем, мы торжествовали.

И тут он опять заговорил. Да ведь громче прежнего! У него открылось второе дыхание.

И вот пока я решал, что делать (а например, можно ведь было и охрану вызвать, чтобы его просто вывели), его девушка, воспользовавшись его мгновенным замешательством, выпорхнула из нашего ряда и улетела к выходу. Ей в этот день повезло. А так ей, конечно, не позавидовать.

Он понял это, схватил рукой воздух, понял, что это не она, и нашел все-таки в себе силы встать (а говорил, что никак... значит, другая причина была, во мне!), и, шатаясь, побрел к выходу.

Он бы нашел его в темноте, но он вдруг остановился и стал натягивать на себя куртку. Очевидно, в его корявое сознание проникла мысль о том, что он идет на улицу, а на улице может быть холодно.

И он еще минут пять пытался сначала надеть, а потом застегнуть куртку, и так ему было тяжело, что я даже подумал, не помочь ли ему... Но он справился.

На экране Гулливер, писая, тушил корабли.

А я снова начал вести отцовскую колонку.

Потому что еще неизвестно, что тяжелее: вести ее или не вести.

Подпись: Отец Андрей Колесников (URL:<http://www.smlife.ru/society/5416-andrey-kolesnikov-o-vane-i-mashe.html>).

Самоирония прослеживается практически во всех колонках Колесникова, и несмотря на то, что читателям очевидно, что он намеренно иронизирует над собой, возможно даже утрирует ситуации, о которых он рассказывает, но именно этот тон и манера несерьезного разговора о серьезных вещах делают его любимым автором у огромной аудитории вот уже долгое время.

А. Н. Тепляшина о самоиронии автора в своих колонках пишет следующее: «И если оставить на время в стороне вполне обоснованные подозрения, что в этом „я“ его колонки немалая доля актерства, придуманного и выверенного „имиджа“ в расчете на определенную аудиторию, можно с уверенностью сказать: коми-

ческое снижение своего „я“, самоирония — сильный прием, подкупающий читателя» [Тепляшина, 2006, с. 197].

Жесткая ирония, переходящая в откровенный сарказм и сатиру присуща перу кolumnиста газеты «F5», писателя-фантаста, юмориста, журналиста, публициста Леонида Каганова. Леонид пишет на злободневные темы в стихах. Контраст между формой (часто это стихотворные оды) и смысловым содержанием рождает жесткую насмешку автора в отношении какого-либо социального явления или известной персоны. Налицо беспощадность и резкость, с которой бичуется то или иное социальное зло. Для чего это делается? Это — способ борьбы с глупостью, лицемерием, двуличностью и прочими явлениями нашей жизни путем высмеивания их. И это очень действенный метод. Недаром Вольтер писал в свое время об огромной силе, заключенной в смехе, направленном на какое-либо социальное зло: «Что сделалось смешным, не может быть опасным».

Приведем в пример стихотворную колонку — политическую сатиру на Юрия Лужкова и Сергея Собянина и ряд высокопоставленных московских чиновников (F5. 2011. 27 ноября). Колонка начинается с краткого инструктажа для читателей — лида, опубликованного редакцией перед самой колонкой: «Уже которую неделю москвичи и блоггеры из других мест следят за инициативами нового мэра столицы. И все больше удивляются. Идей накопилось такое количество, что Леонид Каганов решил: пора писать оду»:

Идеи нового мэра

«Шухер, препод! — крикнул кто-то. — Быстро сели!» Все затихло, прекратился гул смешков. Дверь раскрылась. С черным кожаным портфелем появился бывший мэр Москвы Лужков. Как обычно, был он строг, хотя и весел. Но при нем никто и пикнуть не посмел. «Кто дежурный? — он спросил. — Вставайте, Ресин! Почему сухая тряпка? Где наш мел? А пока дежурный сходит нам за мелом, — продолжал неспешно бывший мэр Лужков, — я прошу вас, пусть поднимут руку смело те студенты, кто к экзамену готов...»

Гробовая тишина сверлила ухо, вся студенческая группа замерла. Было слышно, как летает в зале муха. Или, может быть, не муха, а пчела. И вздохнул Лужков, почесывая пузо, и обвел аудиторию рукой. «Что ж такое? Пятый курс! Студенты вуза! Дисциплины, извините, никакой! Вы же даже не владеете азамми! Учишь, учишь, приводя себя в пример... Как вы будете сейчас сдавать экзамен? Я не знаю!» — огорчился бывший мэр.

В это время в кабинет с кусочком мела вышел Ресин, как выходящий на крыльцо. Он пиджак слегка испачкал в пятнах белых, но зато имел довольное лицо. «Это мел? — спросил Лужков. — Вот это — весь он? Как достал? Смотри, не лги!» — добавил он. «Эта, там... — забормотал, смутившись, Ресин, — я там мела заказал пятнадцать тонн... Взял на кафедре кредит под ваше имя... И доверенность за подписью жены... Полвагона взял декан, но фиг бы с ними, ведь они еще остались мне должны. Мел спихнул с аукциона, чек подделал, возбудил сам на себя пятнадцать дел, и закрыл их. И принес кусочек мела! Вы просили? Вот, держите, это мел! Я и денег вам принес. Не то чтоб подкуп, а процентик от обратки...» — Ресин сник. «Это пять, — сказал Лужков, — давай зачетку. Вот единственный нормальный ученик! Извернулся, но в итоге сделал дело! Что он выгадал при этом — не вопрос. Было сказано: достать кусочек мела. Дело сделал? Дело сделал! Мел принес!»

«Ну, начнем! — сказал Лужков, достав билеты и раскладывая ровно как пасьянс. — А пойдет у нас к доске... Пойдет к доске-то... И пойдет у нас к доске... Пойдет у нас...» Все затихли, понимая степень риска. Понимая, как опасно первым лезть. И скользил лужковский палец вниз по списку. И в итоге раздалось: «Собянин! Здесь? Без вещей идем к доске, билеты тянем. Незнакомое лицо и без примет. Я не видел вас на лекциях, Собянин! Вы надеетесь халявно сдать предмет? Вы, надеюсь, почитали хоть в конспекте? Так. Билетик номер два из старых тем: пробяки в городе на Ленинском проспекте, что предпримем для решения проблем?» И услышал: «Это где? Не знаю. Надо... Если все ряды забиты — прямо все? А, придумал! Дам водителю команду, чтобы двигался по встречной полосе!»

«Детский сад! — вздохнул Лужков. — Рисуите схему! Что построим, где попилим, чем возьмем? Вы, Собянин, хоть разок учили тему? Или думаете только о своем? Что молчите? Так теперь молчать и будем? Вы хоть знаете какие-то слова? Ни себе, ни, так сказать, простейшим людям! Хорошо, вопрос билета номер два: нет парковок на Тверской, но мощный трафик, как мы справимся с проблемой городской?» И услышал: «Запретить парковки нафиг. Пусть не ездят на машинах по Тверской!» «И еще, — сказал Собянин с оживленьем, — поносить бы все палатки и ларьки! Зря стоят они, мешаются движенью, покупают в них продукты дураки. Место заняли, а платят лишь немножко! Потрясти ларьки бы надо по уму! Эта крошка, ну, которая картошка, горожанам абсолютно ни к чему! А еще бы потрясти все рынки крепко! И дотации обрезать у спецшкол!»

«Что за бред! — вскочил Лужков, теряя кепку. — Тут не таяет и на двойку, прямо кол! Мелко! Грубо! Примитив! Смотреть противно! Что за методы? Ведь двадцать лет прошло! На экзамен вы пришли в штанах спортивных, предлагая по ларькам трясти бабло! Надо ж с пользой украсить себе чего-то, но улучшить чем-то город, хоть не хоть! Нет, Собянин, никакого вам зачета! Прямо стыдно мне за нашу молодежь!» (URL:<http://f5.ru/kaganov/post/310874>).

Не менее злободневная тема, чем отставка московского мэра и ряд коррупционных скандалов, с ней связанных, — это внедрение новых образовательных стандартов в старшие классы российских школ (F5. 2011. 21 февр.). Обсуждая вроде бы школьный стандарт, Леонид Каганов обличает целый ряд незаживающих язв на теле нашего общества: коррупция, взятки, мигранты, состояние отечественной медицины, злоупотребление служебным положением сотрудников силовых ведомств и т. д.:

Чему учить в школе

Все мои пути проходят, может, сильно вдалеке от школьных парт. Но, как всех в стране, меня тревожит наш образовательный стандарт. Граждане, спросить хочу: доколе? Ну давайте объясните мне: почему детей мы учим в школе всякой феерической фигне? Школьный аттестат раскройте: мы же гоним детям чушь и скукоту! Где науки, что помогут выжить? Где предметы, что спасут в быту? Мне уже годочков будет скоро больше курса евро у ларька. Но вот теорема Пифагора так не пригодилась мне пока! Помню, на балконе делал полку, взялся поработать головой. Вычислил по формуле. А толку? Оказалось, сам балкон кривой.

Все, что я зубрил, попало мимо. Лишь окончив школу, понял вдруг: до чего ж они неприменимы — знания естественных наук! Ты берешь квадратные трехленты и сдаешь дипломные листы, а твои познания Вселенной, как и прежде, девственно чисты. Как девчонку пригласить на танцы? Как сказать менту, что он не прав? Как послать корректно дагестанцев, за парковку требующих штраф? Как отправить деньги с проводницей? Как проверить, что таксист маньяк? Как врача благодарить в больнице? Что нести — конверт или коньяк? Нужно ли выкидывать консервы, если срок — февраль, а он — сейчас? Как определить, что автосервис тупо на бабло разводит нас? Если бывший тесть родного брата отбирает дачу через суд, сколько судьям нынче денег надо? И через кого туда несут?

Вот какие нам нужны предметы! Вот примерный список дисциплин! А без них сегодня школьник — это лох, а не успешный гражданин. Так что, извините, не до смеха, это настоящая беда. Физика, язык, Толстой и Чехов — очень хорошо, да не туда. В общем, всё, что предлагает школа, в корне реформировать пора! Нам необходимы: жвачка, кола, калькулятор, Библия, физ-ра, плюс нужны уроки сноуборда (в наше время без него никак) и — патриотическая гордость: гордость за отечество и флаг.

Здесь, окинув тему свежим взглядом, я озвучу базовый секрет: обучать истории не надо — для патриотизма это вред. Там такие черные страницы и в таком хтоническом говне, там не то что Родиной гордиться — хочется родить-

ся на Луне. Каждый, кто историю осилит, патриот, простите, никакой. Это я причем не о России — это принцип общемировой. Мы-то — ничего на общем фоне, лишь с пиаром нам не повезло. Пару танков в Чехию загоним — и по жизни мировое зло. Я не спорю, ну конечно, было много неприятного у нас. Но из немцев не варили мыло. И почти не применяли газ. И по Хиросиме даже рядом, даже за околицу в овраг, не швыряли ядерным зарядом: хочется, но — фу, нельзя никак. Чтобы подготовить патриота, мы должны заставить каждый класс изучать историю чего-то, что творится где-то не у нас.

Но, конечно, основная доля всех патриотических идей — это достижения в футболе. И еще немножечко хоккей. Почему же детям в наших школах не преподают такой предмет, как урок хоккея и футбола с основными датами побед? Это ж всеобъемлющая сила, что гораздо лучше, чем вожди, граждан на бульвары выносила с криками «Россия впереди!!!». И еще проблем, конечно, много (так уж повелось с далеких пор) с тем, что в школах не хватает Бога — больше всё Паскаль да Пифагор. А исправить школьные изъяны очень трудно требовать от тех, кто произошел от обезьяны и не в курсе, что такое грех. Пусть зубрят до выпускного класса, кто такой Христос и кто Аллах. Главной школьной формой будет ряса, а звонок давать в колоколах.

Наконец, чтоб крепче в детском мозге закреплялись знания из школ, я бы ввел в российских школах розги. Но сначала их в Госдуме ввел ([URL:http://f5.ru/kaganov/post/340123](http://f5.ru/kaganov/post/340123)).

По мнению А. Н. Тепляшиной, сегодня «комическое как эстетическая форма критики присутствует в подавляющем числе публицистических текстов. В мире практически все социально осмыслено, все значимо, все подвергается критической дешифровке, оценке. Комическое представляет собой разновидность оценки». И далее важный вывод: «Важно всегда помнить, что комический аспект рассмотрения предмета отнюдь не означает, что он менее важен по сравнению с другими; подобный подход порой позволяет видеть проблему даже более полно, так как представляет амбивалентный анализ» [Тепляшина, 2006, с. 199].

Игровая колонка

Задуманная автором игра слов (каламбур) здесь перерастает в игру смыслов. Заголовки игровой колонки осуществляют рекламную функцию, т. е. нацелены на привлечение и удержание внима-

ния. Логичное полотно повествования довольно резко прерывается парадоксальными высказываниями, которые, кажется, здесь не к месту и вообще, что называется, «из другой оперы». Автор стремится удивить читателя, заставляет его не просто взять лежащую на поверхности мысль, а разгадать ребус. Получить информацию к размышлению и заодно развлечься — посмеяться, удивиться, возмутиться, перечитать, не веря своим глазам. В игровой колонке Андрея Миронова, заместителя главного редактора газеты «Невское время» (2010. 26 марта), колонка держится на приеме олицетворения. Автор подсчитывает, сколько времени у него уходит на бюрократические проволочки при решении насущных вопросов, и выводит персонажа — «милашку бюрократию», которую сравнивает с любовницей из-за огромного количества внимания и времени, которое она к себе требует. Заголовок «У меня завелась любовница» очень броский, особенно для постоянных читателей, которые знают, что этот автор — отличный семьянин, многодетный отец.

В конце колонки, когда мысль уже ясна, автор загадывает читателю ребус, признаваясь в сердцах, что эта «красавица» его «за...». Разгадать этот ребус нетрудно, а завуалированная площадная лексика — еще один элемент игры с читателем, который, расшифровав крепкое словцо, должен буквально-таки считать мощную эмоцию автора:

У меня завелась любовница

В последнее время мне везет на романтические свидания с нашим государством, с этой обольстительной милашкой бюрократией.

Она то является мне соблазнительно неприступной девушкой из районного отделения УФМС, ради встречи с которой я два с половиной раза отстоял пятичасовую очередь в томные покои, где она принимает документы на загранпаспорт. То звучит взволнованным голосом моей мамы, которая рассказывает о незабываемых поездках во Всеволожск, где она всю зиму развлекается оформлением давно оформленного дачного участка. То мелькает перед глазами циферками и буквами из завораживающей формы для заполнения налоговой декларации с французским именем Триэн Дэфээл (3-НДФЛ).

Она всячески ищет встречи со мной. И хочет узнать обо мне все — даже то, что уже и так давно знает.

Я, например, не понимаю, зачем ей в который раз хочется получить документально подтвержденные данные о моей прописке, работе, детях, семейном

положении. Ведь, казалось бы, для оформления загранпаспорта достаточно одного-единственного документа — паспорта гражданина РФ.

Я не понимаю, зачем ей самые подробные данные о моих заработках и состоянии здоровья. Ведь, казалось бы, для получения налоговой льготы достаточно договора на оказание медицинских услуг, чеков и тех сведений, которые ей и без того аккуратно поставляет бухгалтерия моего работодателя. Я не понимаю, зачем ей все это. Но я не могу ей отказать. И бегу, позабыв семью и работу, на встречу с моей ненаглядной.

Как от истинно любящей женщины, от нее никуда не деться. И никакой интернет, никакие базы данных тут не помогут — наши отношения ни за что не перевести в электронную плоскость, в популярный ныне режим романа по интернет-переписке. Потому что ей так важно живое общение... Только так она чувствует себя нужной и любимой.

«Запрись в монастырь — одиночество напомнит о ней, открой трактир у дороги — каждый стук двери напомнит тебе о ней...» — говорил, вздыхая, трактирщик из «Обыкновенного чуда». Он-то, малый бизнесмен, знал, что означает этот стук в дверь его трактира — принимай гостей из налоговой, пожарной, санитарной инспекций.

Ее любовь бескорыстна. Но содержать красавицу все-таки приходится: каждое свидание — как поход в хороший ресторан. Ну и, разумеется, 13 копеек с каждого заработанного рубля. Это как алименты. Хотя у нас нет общих детей и мы никогда не были женаты. Но, честное слово, я бы с радостью платил ей не 13, а все 14 процентов подоходного налога. Только бы никогда ее больше не видеть. Потому что она меня за...! (URL:<http://www.nvspb.ru/stories/u-menya-zavelas-lyubovnica-42065>).

Я не буду приводить целиком другую колонку автора под названием «Просто колонка», смысл которой сводится к изложению случайно услышанного разговора милиционеров, сетующих на то, что «у сотрудников милиции на поверку прав меньше, чем у всех остальных». Дальше автор рассуждает о стереотипах, которыми мы наделяем всех вокруг, — бизнесменов, которые «наприхватизировали», начальников-«бездельников», «раздолбаев-подчиненных» и т. д. Колонка близилась к своему логическому завершению — выводу, какой-то объединяющей все рассуждения яркой идее. Но вместо этого она завершается так:

Здесь по закону жанра должен последовать глубокомысленный вывод, мораль, на худой конец обобщение. Но... Увы, ничего такого у меня нет. Просто я думал обо всем этом, когда наступила моя очередь писать редакторскую колонку, а моя любимая коллега Ира Ляхова очень не любит, когда я пропускаю свою очередь — ругается... Не знаю, может, ей просто нравится читать то, что я пишу... (URL:<http://www.nvspb.ru/stories/prostokolonka>).

Этот неожиданный, даже слегка хулиганский пассаж — игра с читателем. Автор колонки поспешно снимает маску серьезно-го оратора и с помощью метода самоиронии заставляет читателя переключиться, расслабиться, удивиться, рассмеяться — игра с читателем вроде бы окончилась, автор рассказал об истинном намерении своего публицистического пассажа, но игра только началась. А ну-ка, читатель, отгадай, какой на самом деле автор?

Этот автор вообще работает в подобной манере, и мне хотелось бы привести еще один пример весьма удачной, на мой взгляд, игровой колонки. В ней есть и игра слов, и игра смыслов, и заигрывание автора с читателем, когда первый якобы откровеннее некуда показывает внутреннюю редакторскую кухню и то, как он готовит на ней свои «информационные продукты» (в том числе и колонку). Редактор интригует читателя и тем, что он хотел написать о своей жене (Невское время. 2008. 29 апр.), но так и оставляет на этом месте многоточие. Отгадки всех загадок, сознательно добавленных автором в текст, даются во второй части колонки под названием «Справка» — оригинальный ход автора, на мой взгляд, опять-таки несомненно игровой:

Встал не с той НОГИ

В редакторских колонках (в хороших редакторских колонках, как мне тут объяснили) на самом деле все только об этом и пишут. Это только кажется, что раз редактор — значит, он в минуты томного досуга любит поразмышлять о балансе авторитарного и либерального, личного и государственного. Что раз редактор — значит, ему так и нейметса написать про «про», «эсэнгэ», «эрэф», «мид», «мэрт», «еэс», «нато», «обээсье», «пасе», «довсе» или, на худой конец, про какую-нибудь чушь вроде «асеан» или «гуам».

На самом деле нам, редакторам, все это глубоко по барабану. Просто приходится искать опять-таки баланс — между редакторским и человеческим. Мне вот, например, как человеку, может, хочется пива выпить и про жену написать, которая... А редактор (я, то есть) обрывает на полуслове: э-э, брат, ты загнул — поди-ка в буфете чайку возьми да садись писать свой баланс.

...Так вот. Встал я, значит, не с той ноги. Обычно встаю с правой, а тут всю ночь эти паразиты из ОБСЕ снились — так встал с левой. Они, паразиты эти, видите ли, удумали меня в моем же сне (!) демократии учить. Какая, говорю им, к черту, демократия, если у ваших друзей, там, за оке-

аном, вместо свободного и прямого волеизъявления граждан всеми выборами какие-то «выборщики» заправляют? Эх... Да что им объяснить?..

Проснулся, в общем, не в духе, встал, левую ногу в тапочек кое-как сунул... Да так и побрел на кухню в одном тапочке — кофе варить. Там — жена (та самая, про которую мне написать хочется). Как вчера на работе, спрашивает, какие новости? А какие могут быть новости, если я накануне чуть не до полуночи всю эту натовскую скверну каленым редакторским железом выжигал?..

Да вот, говорю, «вчера высокопоставленный представитель российского МИД заявил, что единственным адекватным ответом на планы размещения элементов американской ПРО в Восточной Европе может стать мораторий РФ на ДОВСЕ». (Я вообще дома в последнее время все больше подзаголовками разговариваю, а если шутить пытаюсь — так заголовками).

Ну, жена, понятное дело, забеспокоилась. А куда ж, говорит, ПАСЕ смотрит? Наивная... Как будто не понимает, что «ЕС и его стратегические союзники заинтересованы не только в дезинтеграции СНГ при одновременном расширении влияния ГУАМ, но и в последовательном...» Ну да ладно... Пока кофе варится, побрел обратно в спальню...

А там, под диваном, — тапочек правый, забытый валяется. А в нем... — нога! Но не моя, правая (это бы еще полбеда), которая с ударением на второй слог произносится, а та, швейцарская, «левая» — которая почему-то с ударением на первый, да еще заглавными буквами пишется. Смотрю — она, НОГА эта, опять имущество РФ арестовать удумала!

Ну, думаю, поперло — будет сегодня чем открываться! (Ну, то есть чем на первой полосе вас, читателей, угостить.)

Перекусил наспех, оделся, вышел из дома. По дороге на работу вспомнил: вот те раз! — сегодня же моя очередь редакторскую колонку писать! А о чем?..

Долго выбирал между ПРО и ДОВСЕ. Да только поди тут, обрети баланс редакторского и человеческого... В общем, решил — все, хватит: сегодня напишу про то, как я встал не с той НОГИ.

СПРАВКА «НВ»

«эрэф» — РФ (Российская Федерация) — мы.

«еэс» — ЕС (Европейский союз) — они; лженаучное географическое общество, которое ставит своей целью доказать, что Европа заканчивается раньше, чем начинается Урал.

«нато» — НАТО (Североатлантический альянс) — они; военный блок, в который входят (или скоро войдут) все страны, кроме России и Китая, а также КНДР, Ирана и прочих «стран-изгоев», но ориентированный при этом исключительно против «стран-изгоев».

«мид» — МИД (Министерство иностранных дел) — если «мид эрэф», то «наше» ведомство, отвечающее за контакты с «ними»; если «мид», но не «эрэф», то наоборот.

«мэрт» — (Министерство экономического развития и торговли) — бывает только у «эрэф».

«обээсье» — ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) — создана для того, чтобы обезопасить Европу от сотрудничества с Россией.

«пасе» — ПАСЕ (Парламентская ассамблея Совета Европы) — то же самое, что и «обээсье», только еще хуже.

«про» — ПРО (противоракетная оборона) — американская система, которая в случае чего (!) не позволит «нам» разбомбить «их».

«довсе» — ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе) — подписан для того, чтобы «мы» не могли стягивать свои войска к границам, а «они» чтоб могли (что при наличии элементов «про» в Восточной Европе совсем уж никуда не годится).

«эсэнгэ» — СНГ (Содружество независимых государств) — что-то вроде «эсэсэсэр», только без прибалтов и без толку.

«гуам» — ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия) — пятая колонна в рядах «эсэнгэ».

«асеан» — АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) — то же самое, что «океан», только пишется неправильно.

«нога» — НОГА — швейцарская фирма, которая считает, что «мы» ей все время что-то должны (URL:<http://www.nvspb.ru/stories/vstalnestoinogi>).

В заключение разговора об игровой колонке мне хотелось бы еще раз процитировать А. Н. Тепляшину, которая рассуждает о том, какими навыками должен обладать настоящий колумнист. «Умение видеть скрытое, анализировать, находить свежие аргументы и приходиться к неожиданным выводам, не просто информировать, не просто красиво писать о чужих проблемах и делах, не ограничиваться набором стандартных сравнений, логических цепочек, умозаключений, блестяще владея талантом юмориста или сатирика, но искать новый подход к знакомым вещам и известным темам — в мире колумнистики навыки бесценные» [Тепляшина, 2006, с. 188].

* * *

Хочется надеяться, что такое, пусть и весьма условное деление авторских колонок на основные типы поможет студентам четче понять авторский замысел, формат и традиции издания, для ко-

того пишет определенный автор, а также сформировать личные предпочтения. Если среди приведенных примеров вы не нашли «своего автора», которого хотелось бы отныне регулярно читать, то хотя бы получили представление о современном состоянии такого молодого, но перспективного интерпретационного жанра отечественной журналистики, как авторская колонка.

Контрольные задания для студентов

1. Найдите в западной прессе (в оригинале или перевод) колонку — комментарий различных событий действительности (культурных, политических, социальных, спортивных и т. д.)
2. Найдите в отечественной прессе колонку подобной проблематики.
3. Сравните найденные вами материалы, выявите тематические и художественные особенности каждого.
4. Постарайтесь определить тип найденных вами колонок, сравнить с другими известными вам типами колонок.
5. Подготовьтесь к обсуждению найденных вами колонок на аудиторном занятии.

РАЗДЕЛ II

Практикум

Как уже было замечено в первом разделе, научить студентов писать хорошую колонку теоретически — не самый легкий труд для преподавателя, поскольку она вобрала в себя сразу несколько различных жанров и не имеет устойчивой формы. Более эффективный способ — показать учащимся «внутреннюю кухню», на которой готовится данный медиапродукт.

В отечественной журналистике за два десятилетия сформировался целый ряд хороших, талантливых колумнистов. И изучать этот жанр можно, регулярно читая и разбирая их произведения. Но самостоятельно проанализировать подобные произведения начинающему журналисту будет непросто в силу того, что колонка — жанр интерпретационный, и каждый читатель улавливает только те ее смыслы, которые ему открываются с высоты собственного жизненного опыта, личных установок, определенного кругозора и даже сиюминутного настроения. Для процесса обучения было бы полезно, если бы один из колумнистов рассказал студентам на примере своих работ, как они устроены. А именно: что послужило поводом для разговора с читателем, почему выбран именно этот тон, какая мысль легла в основу выступления и какие размышления автор оставил пунктирной линией, чтобы его виртуальный собеседник додумал их при желании сам.

Поскольку далеко не каждый автор захочет (да и сочтет возможным) публично препарировать свои произведения, то в основу данного практикума по авторской колонке положены работы автора этого учебно-методического пособия. Все они были опубликованы в период с 2007 по 2011 г. в ежедневной общественно-политической газете «Невское время» под рубрикой «Авторская колонка».

За три года работы руководителем отдела информации газеты «Невское время» я, как и все редакторы редакции, выполняла функции голоса газеты, ее узнаваемой единицы. А отклики и письма читателей, а также комментарии к колонкам на сайте «НВ» позволяют полагать, что у меня, как и каждого автора издания, сформировался определенный круг постоянных читателей.

Поэтому приведенные колонки будут рассматриваться мною не только в событийно-временном контексте, но и с учетом того, как тот или иной текст был воспринят аудиторией и какие подчас вызвал неожиданные отклики. Также в фокус моего внимания попадут повод для выступления или причина выбора темы, основной нерв истории, подтекст, композиция.

И еще один момент, который мне хотелось бы сразу оговорить. В предыдущей главе я предложила некую типологию, согласно которой разделила все авторские колонки на десять основных видов: колонка социальная, злободневная, исповедальная, провокационная, колонка к дате, колонка-анонс, колонка-критика, гендерная, ироническая, игровая колонка. В название каждого типа я вынесла доминантный признак колонки, однако он не исключает наличие в тексте и тех признаков, которые стали основополагающими для колонок других групп. Например, злободневная колонка может быть одновременно и ироничной, и социальной. Но названа мною злободневной из-за того, что поднятая в ней тема являлась актуальной в период создания колонки, была на слуху в обществе и вызывала у читателей самый живой отклик и интерес. То же относится и к исповедальным колонкам. Исповедальность в них — не самоцель цель публикации, а лишь метод, при помощи которого автор поднимает какую-то тему (она может быть и социальной, и злободневной, и критиче-

ской), но при этом является не сторонним наблюдателем, а пропускает ситуацию через себя. Особенностью исповедальной колонки становится предельная искренность повествования автора, подчас — автобиографические сведения.

СОЦИАЛЬНАЯ КОЛОНКА

Особенность всех социальных колонок, которые будут приведены ниже, заключается в том, что за каждой рассказанной историей стоит конкретный человек со своей конкретной историей. Каждая из них, с одной стороны, типичная — похожих случаев можно найти много, а с другой стороны, индивидуальная. Уникальные обстоятельства в тривиальном, на первый взгляд, сюжете, акцент на той или иной детали приближают героя публикации к аудитории, делают «своим» его самого, а его «беды» — близкими и понятными. Цели могут быть разные: вызвать сочувствие к людям, оказавшемся в подобном положении, проанализировать чужой опыт, оценить последствия равнодушия и черствости как образа жизни, разрушить определенные стереотипы восприятия, пересмотреть какие-либо сложившиеся в обществе стандарты, а в идеале — достучаться до тех, кто в состоянии что-то в этом мире изменить. Если свести суть колонки к простейшему смыслу, то произведением этого типа автор как бы говорит читателю: «Сейчас я поделюсь с вами историей из жизни, которая не оставила меня равнодушным. Общество должно знать об этих проблемах и прикладывать усилия, чтобы изменить ситуацию».

1. Хорошо...

Вчера я была по делам в гостях у соседки, которая несколько лет назад пережила трагедию. Сына, талантливого мальчика, сбила машина на пешеходном переходе. Он выходил из трамвая, а «Волга» не остановилась. 20 метров тянула его за собой, мальчик выжил вопреки всем законам природы, но стал... другим.

С ним занимаются разные люди: массажисты, реабилитологи, логопеды. После двух лет, проведенных в инвалидном кресле, он смог подняться и пойти. Ходит как ребенок с самой серьезной формой ДЦП, то есть еле-еле. Еще он на-

чал говорить, правда, его язык понимают только мама и бабушка. Но ему очень хочется общаться.

Я сидела у соседки и обсуждала с ней наши дела. Мальчик открыл дверь и ломаными зигзагообразными качающимися движениями добрался до дивана и упал на него. Я ему улыбнулась и сказала: «Здравствуй, Миша!» Он что-то ответил. Я узнала в этом гортанном клёкоте приветствие. Он смотрел на меня и криво улыбался. Я смотрела на него, замечая, как он вырос... На вид ему лет 13–14, он почти уже юноша.

И вдруг он протягивает ко мне руку. Она барахтается в воздухе, пытаюсь нащупать цель. Цель — мои ноги. Он кладет свою руку мне на ногу и начинает гладить вверх-вниз по гладкому капрону. На лице расплывается счастливая улыбка, с губы капает на пол слюна, а из гортани вырывается звук, который я понимаю. Он говорит: «Хорошо». Я не отдергиваю ноги, не убираю его руки. Пусть ему будет хорошо, чем я могу еще помочь? Мама нервничает, стыдась за сына и боясь, что я буду брезговать. Но я спокойна. Когда я еще смогу сделать хорошо человеку, которому почти всегда одиноко, тяжело и плохо?

Хорошо... Тому пьяному на «Волге», который угробил мальчика и отмазался, сейчас, наверное, тоже хорошо. По-настоящему хорошо, я думаю. Очень странно развивались события той страшной весной. Водитель был пьян и резв, он не заметил ни трамвая, ни людей, выходящих из него. Жители дома, окружившие плотным кольцом место дикой трагедии, еле сдерживали себя от самосуда. Еще бы, мальчик был вундеркиндом, уже в 8 лет рассказывал наизусть целиком сказки Пушкина. А потом выяснилось, что у «Волги» были «непростые» номера, и экспертиза показала, что водитель... не был пьян, а просто много выпил валерьянки. И был суд, который признал виновным не водителя, а... бабушку. Оказывается, первой в тот злополучный вечер должна была выйти из вагона трамвая пожилая женщина. Представляете? Если без обиняков — именно ее должна была сбить несущаяся на всех парах «Волга». А что, бабушку не жалко? Пожила свое и будет?

Водитель выплатил какую-то формальную сумму на «лечение ребенка». Видимо, он счел это достаточной индульгенцией за свой грех и пропал из жизни искалеченной семьи навсегда. Ни разу не появился в больнице, ни разу не купил дорогих лекарств сверх той суммы, которую определил суд, не помог с перевозкой ребенка из больницы в больницу. Собственно, он и не обязан. Суд все решил. Все по закону. Да и какое ему дело до того, что спустя полтора года от мамы Миши ушел второй муж — сломался, не смог так жить дальше. Две женщины остались со своим горем один на один: бабушка несет свой крест — если даже в суде ей намекнули, что по закону под колесами должна была очутиться она, можете себе представить, какое чувство вины гложет ее изнутри? Мама мальчика — еще молодая женщина — свой...

Нет, безусловно, государство заботится о Мише — лекарства и специалисты в рамках положенного, санаторий каждый год. Но у Миши нет больше будущего. И хотя его мама бодрится, она не любит говорить о том, что будет по-

том, — меня не покидает ощущение того, что они остались в этом мире один на один со своей бедой.

Хорошо, что месяц назад депутаты Законодательного собрания предложили лишать прав тех водителей, которые не уступают дорогу пешеходам. Ведь кривая статистики сбитых пешеходов год от года неуклонно ползет вверх. Хорошо бы, приняли этот закон... Хорошо бы, виновные водители платили бы пожизненные «алименты» тем, чью жизнь искалечили навсегда.

— Хо-ро-шо, — еще раз клокочет Миша, прерывая мои нестройные мысли. Я терпеливо жду, когда он закончит знакомиться с моими ногами, потом, завершив с соседкой разговор, с непринужденной улыбкой встаю и направляюсь к входной двери. А дома, закрывшись в ванной комнате и включив в раковине воду, долго и тихо плачу от чувства безысходности и тоски (2008. 28 июня).

В этой истории несколько смысловых доминант. На поверхности лежит основной конфликт истории: столкновение «злодея» и «жертвы» (жертв в данном случае — ведь страдают ребенок, его мама и бабушка) заканчивается победой несправедливости. Виновный откупается от тюрьмы деньгами и связями и остается на свободе, а покалеченный ребенок остается инвалидом на всю жизнь. К сожалению, такие случаи в мегаполисах происходят нередко. И описанные напрямую страдания ребенка и его семьи никого бы уже не удивили. Поэтому акцент с основной сюжетной линии истории был сознательно смещен автором на деталь второстепенного плана, которая сделала восприятие конфликта намного острее. Стержнем рассказа становятся три «хорошо». «Хорошо» из уст ребенка — это антифазис, фигура речи, указывающая на то, что это слово употреблено в противоположном значении. Водительское «хорошо» — это тоже нехорошо. Это оценка его поступка, истинный смысл которой — упрек и осуждение. И третье «хорошо» — инициатива депутатов, призванная ужесточить наказание водителей за наезд на людей на пешеходных переходах. Здесь слово «хорошо» используется в своем прямом значении. Цель материала — способствовать изменению существующего положения дел. Второй смысловой пласт колонки — это трагедия ребенка-инвалида, его изолированность от общества. В частности, показывается она через скрытый от глаз посторонних, локальный конфликт — когда природа на уровне инстинкта сохраняет взрослевшему человеку функции, которые он не может

реализовать в силу телесных и умственных увечий. Автор выносит эту смысловую линию на суд читателей как свою собственную боль, не имея готовых рецептов решения проблемы.

Материал вызвал сочувственные отклики со стороны читателей и предложения помочь семье, в том числе и в вопросах организации досуга больного мальчика.

2. Если люк оказался вдруг...

Собственно, этот телевизионный сюжет я вспомнила потом. Вспомнила до мельчайших деталей. Прямо так и стояли перед глазами две картинки одновременно. Первая, реальная — светловолосая женщина Алена с опухшими от слез глазами, которая с трудом выдавливает из себя страшные слова... «Никита так боялся воды... Нашли его через 40 минут... Вытаскивали тело вместе с милиционером...» И еще одна фраза, от которой мурашки по телу: «Игрушки-то чем помешали? Кто-то, кто обслуживает этот люк, методично ходит к нему и равнодушно выкидывает детские игрушки, как будто бы ничего не произошло, как будто бы не было этого проклятого люка, как будто бы не было на свете моего ребенка».

И вторая картинка, виртуальная. Корреспондент хроники происшествий, молодой человек, стоит у совсем другого люка, практически у проезжей части, с нарочито сдвинутой в сторону крышкой и рассказывает, что 2-летний ребенок гулял один без присмотра родителей в двенадцатом часу и провалился в люк, в котором захлебнулся. И дальше стандартная фраза: следствию еще предстоит выяснить, что стало тому причиной: несчастный случай или умышленные действия родителей, которые таким образом избавились от ребенка.

Когда я смотрела этот сюжет, я и предположить не могла, что услышу всю эту историю в мельчайших подробностях еще не раз и не от одного человека. Что увижу сама этот люк, седые волосы Анатолия, молодого еще отца Никиты, и заплаканные глаза Алены. И ужаснусь — дико ужаснусь от действий людей, которые прячутся за вывеской большого предприятия, предоставляющего населению коммунальные услуги. Но все по порядку. Анатолий — одноклассник моего мужа, и они часто на площадке перед банком по вечерам возятся со своими машинами. И дети туда приходят с папами, и мой сын в том числе — там большая заасфальтированная площадка, им есть где побегать и покататься на самокатах. Да и помогать отцам копаться в железках мальчишкам тоже очень интересно. Туда же по вечерам приходят их жены — общаются, смеются, ждут, когда их мужья разберутся со своими железками, чтобы вместе дружно затем отправиться домой. У Анатолия и Алены Левовых уже была дошкольница-дочка, и пару лет назад они оба мечтали о сыне. Словом, Никита был долгожданным и вниманием родителей не был обделен.

В тот страшный день, 15 июля, они так же все вместе гуляли на площадке у банка, папа ремонтировал машину, Никита крутился рядом. Алена отлучилась на 15 минут в магазин через дорогу напротив купить ребенку сок, тут же были еще друзья. А дальше произошло что-то, что не укладывается в мозг. Ребенок исчез, просто пропал. Восстанавливая детали трагедии, родители помнят каждую минуту. Было восемь часов вечера, Алена стояла у пешеходного перехода на другой стороне улицы и пропускала машины, чтобы перейти дорогу. Она видела Никиту, который играл рядом с машиной отца. Со стоянки в этот момент стала отъезжать другая машина, на минуту она закрыла Алене просмотр, потом медленно вырулила на проезжую часть и уехала. Ребенка на месте больше не было. Через секунду папа, опустивший капот машины, стал оглядываться в поисках ребенка. Дальше все как в тумане. Бежали за этой машиной, записали наспех ее номера, думали, что ребенка украли, запихав в машину, обползали под всеми автомобилями, вызвали милицию — тщетно. Ребенок провалился как под землю...

— Знаете, а ведь его нашел я, — рассказывал позже нам с мужем приятель Вова. Пошел на газон покурить и одной ногой едва в люк не провалился. И вдруг увидел там что-то на дне... Не было этого люка вообще видно, хоть убейте! Не было. Сверху он порос уже дерном и травой, и отверстие в люке шло наискосок вглубь земли... Тут же подбежали Алена с участковым, до этого они уже минут 20 обшаривали все вокруг. Уже и машина вернулась, которая уезжала со стоянки. Женщина, что была за рулем, подтвердила, что, выезжая со двора, видела мальчика, — он играл в траве на газоне...

Участковый составил протокол, сфотографировал этот люк-невидимку, приехала следователь по делам несовершеннолетних, убедилась, что потерпевшие — приличная семья, с нормальным доходом, в доме чисто, мама кондитером в Смольном работает, папа — водитель в солидной фирме. И на этом все. Милиционеры по-хорошему посоветовали не связываться со всемогущей люковой организацией, в забытом, судя по всему, люке которой не должно было быть воды... А то, мол, глядишь, они дело так повернут, что еще и объясняться придется «где следует» по поводу халатного отношения к ребенку.

И ни разу не возник вопрос о том, что вообще-то и по совести, и по закону виновный должен был выйти из тени, кем бы он ни был, хоть папой римским, и признать свою вину за гибель ребенка. Тем более что и маме Никиты и его 6-летней сестренке однозначно требуется помощь психологов. Но вместо этого кто-то невидимый через час после трагедии заделал наглухо люк, а потом стал методично выбрасывать с этого места детские игрушки. Кто-то большой и сервезный, с деньгами, со связями, с властью, подло и молча спихнул всю ответственность на обезумевших от горя родителей, показал телевизионщикам заведомо другой люк, наврал время происшествия и сгинул, стал таким же невидимым в этой истории, как и невидимый его объект люк-убийца (2008. 16 сент.).

Как и предыдущая колонка, данная публикация основана на реальных событиях. Вопреки обыкновению, эта колонка еще ближе к жанру статьи, поскольку в ней открываются действующие лица истории — все имена реальные, равно как место и время действия. Главным поводом для разговора стал особый цинизм, с которым организация-монополист, что называется, перевела стрелки на родителей. Дабы избежать законной ответственности, организация-владелец люка пошла на подтасовку фактов, выставив убитых горем родителей в глазах окружающих плохими родителями, чем нанесла этим людям двойной удар. Я разговаривала со свидетелями истории, с мамой и папой погибшего ребенка, сопоставляла факты. Но поскольку родители погибшего ребенка категорически отказались добиваться правды и судиться с могущественной организацией (им и в милиции посоветовали не связываться), я не была уверена в том, что буду писать на эту тему статью из соображений этики. Однако спустя какое-то время ко мне обратилась сама мама пострадавшего ребенка и попросила о помощи. Выяснилось, что Алена приехала в Петербург из деревни, где у нее остались родители и прочие родственники. Люди увидели по телевидению сюжет, в котором Алену с Анатолием обвиняли в халатном отношении к ребенку и намекали на то, что от ребенка пытались избавиться. В глубинке рейтинг доверия к «человеку в телевизоре» очень высок, поэтому от оболганной семьи отвернулись все, начиная от родителей и родственников, заканчивая последним деревенским пропойцей. Конечно, колонка журналиста не вернула этой паре ребенка, но восстановленные в ней детали происшествия и свидетельства очевидцев возвратили семье хотя бы доброе имя, потому что к газетному слову в деревне относились с не меньшим пиететом.

Итог истории таков: люк наглухо заделали (хотя бы не страдают другие люди), родители погибшего ребенка оправились от горя, спустя два года у них в семье родился еще один сын.

3. Когда кредит — жестокое заблуждение

В праздник весны и труда неожиданно позвонила давняя подруга-одноклассница. У всех на уме весна, а она предлагала труд. Спрашивала, не надо ли кому помыть окна, сделать уборку в квартире или еще что-нибудь общественно-полезное за небольшую плату. Меня эта ситуация, признаться, очень удивила. Марина всегда была женщиной без проблем — жизненных, личных и материальных.

— Кризис? — осторожно поинтересовалась я.

— Скорее кризис брака, — обреченно вздохнула она.

...Мы сидим в парке на лавочке, и я поверить не могу своим ушам: Марина должна банкам в общей сложности 180 тысяч рублей! Я знаю людей, для которых кредиты превратились в болезнь. Эти заядлые кредитоманы заткнули за пояс по количеству своих долгов и шопоголиков, и алкоголиков, вместе взятых. Но моя школьная подруга не из их числа — она практичная, взвешенная, трудолюбивая, разумная.

Оказалось, что два года назад Марину внезапно бросил муж. Собрал вещи и ушел жить к любовнице, оставив бывшей жене ребенка и свой невыплаченный кредит за машину. Поскольку муж унес из дома стиралку и холодильник, брошенной жене пришлось взять еще один кредит, чтобы купить бытовую технику.

— Я была в таком состоянии, — рассказывает Марина, — что просто не понимала, что делаю. Мне надо было срочно уехать из города куда глаза глядят. Я взяла отпуск, затем кредит на 50 тысяч и отправилась вместе с малышом в Сочи отдыхать. Я ни о чем не думала, только о том, что нужно переключиться любой ценой, иначе я просто сойду с ума. Дома я находиться не могла — у меня начинались галлюцинации, жуткие сны или, наоборот, бессонница, позже — полная апатия, потеря аппетита и ориентации во времени и пространстве. Это был не просто стресс — это был очень сильный удар.

Марина очнулась от своего состояния через полгода. Взяла себя в руки, устроилась еще на две работы (помимо основной) и стала выплачивать все свои три кредита и проценты по ним. Сумма долга пусть медленно, но сокращалась. Она была уже меньше 100 тысяч. Но через полгода грянул кризис. Сумма кредитов после девальвации рубля значительно увеличилась, и вслед за этим пошли крутиться счетчики — увеличивались проценты, пени, проценты на невыплаченные проценты и пени, проценты за обслуживание пластиковых карточек. День просрочки — громадный штраф. Так и набежала сумма в 180 тысяч рублей.

Сегодня Марина работает на трех работах: с 6 до 9 утра моет полы на одном предприятии, потом едет на свою госслужбу в канцелярию суда, а поздним вечером отстает полсмены продавцом в ночном магазине. Но даже трех ее зарплат никогда не хватит на то, чтобы развязаться с этими кредитами. У нее получается лишь гасить проценты.

— Если открутить жизнь назад, я бы ни за что не взяла этих кредитов — сегодня я не понимаю, что на меня нашло. Мне даже кажется, что это была не я, поскольку не могла отвечать за свои действия в том состоянии. Жаль, рядом не нашлось человека, который бы меня остановил...

Зато прекрасно понимает, что нашло на Марину, моя хорошая знакомая, успешный петербургский адвокат. По ее словам, живи Марина на Западе, она бы ни за что в подобных обстоятельствах не стала пожизненной рабой кредитов. Потому что там ее адвокат и психоаналитик без труда бы доказали в суде, что она приняла решение о взятии кредитов под воздействием заблуждения. У нас в законе, оказывается, тоже есть такая норма — 178-я статья Гражданского кодекса, но на практике она в таких случаях не работает. Труднее всего юридическим образом доказать, что человек принял решение, будучи в заблуждении относительно последствий или не осознавая реального положения дел. Для этого назначается судебно-психиатрическая экспертиза, и если человек уже пришел в себя, то есть психически адекватный, то вопрос о заблуждении, как правило, решается не в его пользу. Но ведь, согласитесь, человек, у которого болит душа, и душевнобольной — это две большие разницы.

В нашем обществе не принято при сильнейших эмоциональных потрясениях — смерть близкого, потеря ребенка, развод и т. д. — обращаться к психоаналитику. У нас принято поплакаться в жилетку друзьям или из последних сил самому всплывать со дна, из своего индивидуального ада. Поэтому вся надежда потерявшего почву из-под ног на тех, кто рядом, кто не даст наломать дров. Увы, государство пока не научилось поддерживать, подстраховывать и предостерегать своего убитого горем гражданина от подобного рода «заблуждений» — не каждый ведь сам догадается, что у него, простите, «едет крыша» и пора обратиться к психотерапевту. Не протянет руку помощи оно и потом, когда последствия необдуманных поступков уже прочно сковали человека невидимыми путами по рукам и ногам на долгие годы (2009. 4 мая).

Сюжет этой колонки основан на реальных фактах. Основной замысел — показать, насколько становится уязвимым человек, испытавший сильный стресс. В России не предусмотрена психологическая помощь людям, пережившим личные потрясения. Хотя именно сильные стрессы толкают многих на необдуманные поступки. Так они становятся легкой добычей манипуляторов и мошенников. Основная цель — поднять вопрос о помощи людям, переживающим горе — развод, смерть близкого человека, травму, меняющую жизнь коренным образом, — на уровне государства и завести разговор о вышеназванной бездействующей статье Гражданского кодекса. Параллельная тема — кредитная ка-

бала. Еще одна цель — на примере конкретной истории предупредить других людей о возможных последствиях сыра, взятого взаймы у мышеловки.

Откровенно говоря, иных целей, в частности благотворительных, автор перед собой не ставил. И конечно, не ожидал, что эта колонка вызовет такое сочувствие к героине, что несколько читателей предложат ей финансовую помощь. К автору колонки обратились два разных человека и попросили координаты Марины. Как потом мне рассказала героиня материала, два человека ей безвозмездно оказали финансовую помощь. Этим средств хватило, чтобы полностью рассчитаться с одним из двух банков-кредиторов, и героине удалось постепенно вылезти из финансовой ямы.

4. С нами Бог и пальто «Большевички»...

Сегодня на 7-й странице мы публикуем материал о том, как наша сотрудница Татьяна Хмельник стала жертвой нападения и, проявив упорство и бесстрашие, задержала преступника. Эта история побудила меня продолжить разговор, попытаться проанализировать: что с нашим обществом не так, почему едва ли не каждая вторая женщина рано или поздно становится жертвой агрессии?

У меня много подруг, но все они хотя бы один раз в жизни, выражаясь протокольным языком, становились жертвами противоправных действий. Цели и невинности остались, что называется, чудом. Когда в лифте собственного подъезда меня, 15-летнюю девочку, возвращавшуюся из школы, загнал в угол некто и приставил к животу заточку, надежды на чудо было мало. Мысль на удивление хладнокровно пульсировала в мозгу: бежать некуда, ждать помощи не от кого, сейчас он начнет меня резать, и мне будет больно, очень и очень больно. Мне повезло — меня спас Бог и толстое стеганое пальто фабрики «Большевичка». Заточка, которой он беспорядочно тыкал мне под ребра, распорол верхний шерстяной слой и увязла в ватине. В это время открылся лифт, причем на единственном этаже, где была распахнута кодовая дверь, отгораживающая лифтовую площадку от длинного коридора с квартирами, — люди ждали врача. Увидев путь к спасению, я использовала свой единственный шанс. Толкнула своего обидчика что было сил и за секунду, что он потерял равновесие, вырвалась, съехала спиной по стене лифта и проскочила буквально на корточках в открытые двери лифта. Бежала по коридору и звонила во все квартиры. Он не рискнул меня догонять. По звонку соседей в милицию его взяли прямо во дворе дома.

Несмотря на то, что я отделалась лишь испугом, порезом на лице и пропоротым пальто, по своим ощущениям я стала жертвой насилия. Нужно ли рассказывать, как неприятно было заходить в этот лифт в течение минимум года? Увы, никакой психологической помощи я не получила — ни в школе, ни в детской поликлинике, ни в правоохранительных органах. Напротив, я без конца давала во всевозможных инстанциях вынимающие душу показания.

Позже я анализировала, чего мне не хватило, чтобы не попасть в такую историю? Меня учили в школе жарить блины и кроить кухонные фартуки, но ни то ни другое в жизни мне не пригодилось — фартуков полно в магазинах, а блины любит печь мой муж. И, пройдя через эту историю, я с годами все более отчетливо понимаю, что девочек (да и мальчиков, впрочем, тоже) в школе нужно учить не столько домоводству, сколько азам самообороны, информировать о том, с чем может столкнуться подросток, как эффективнее позвать на помощь или нейтрализовать агрессора психологически, как не стать жертвой. Чтобы потом на суде никто не сказал попавшему в беду ребенку: «Ты сама спровоцировала агрессию, у тебя поведение было „виктимное“».

Хотя и этих мер по большому счету мало, для того чтобы люди на улицах своего города, в своих дворах и парадных чувствовали себя в безопасности. На милицию надежды мало, на помощь окружающих — тоже. На одну мою подругу напал наркоман среди белого дня и вырвал сумку со всеми документами. Она не смогла его догнать — была на 8-м месяце беременности. Отдельный рассказ, как она восстанавливала документы, чтобы рожать там, где она планировала, а не в спецбольнице, куда свозят всех барышень на сносях и без документов — бомжих, цыганок и т. д. Другая моя подруга, напротив, в два прыжка догнала своего обидчика, который вырвал у нее прямо из руки у собственного подъезда дорогой мобильник. Она его прижала к забору коленом, крепко вцепилась пальцами за горло и потребовала назад украденную вещь. Увы, он успел сбегать к поделнику, который убежал. От состояния ярости, в которое пришла моя подруга, она едва не задушила вора. Очнувшись, лишь когда он стал плакать, хрипеть, извиваться, кашлять, молить о пощаде. К тому моменту во дворе собрались зеваки, в том числе и мужичины, которые, вместо того, чтобы вызвать милицию и помочь девушке скрутить негодяя, стали его жалеть (!). Она отпустила пойманного преступника, когда окружающие пристыдили ее за столь агрессивное поведение и попросили для него пощады.

Р. С. Недавно прошла информация о том, что всех туристов Петербурга будут снабжать со временем специальными устройствами с тревожной кнопкой. В случае опасности нажал — и на пульт дежурного мгновенно поступает радиосигнал. Через пять минут турист спасен от злодея. Что ж, нам, петербуржцам, в таком случае остается только порадоваться за туристов и дальше уповать лишь на свои силы, на Божью помощь и на какое-нибудь удачно подвернувшееся под руку средство обороны от маньяков и грабителей типа пальто от фабрики «Большевичка»... (2009. 12 авг.)

Информационных поводов для разговора, начатого в этой колонке, у меня было два. С одной стороны, реальное происшествие с моей коллегой (она в этот номер написала репортаж). С другой стороны, необычная инициатива депутатов — снабдить каждого туриста Петербурга индивидуальной тревожной кнопкой. А между ними ряд невыдуманных историй с большим количеством художественных деталей. Вывод, который читается между строк: государство не способно защитить от агрессии и насилия не только иностранных туристов, но и своих граждан. Всё, на что могут надеяться люди, — это на чудо, на подручные средства и собственную волю к победе. Нас не учат навыкам самообороны в школах, уличная милиция не способна обеспечить людям истинную безопасность. Параллельные темы, которые обозначены в колонке «пунктиром», таковы: в нашем обществе часто муссируется мысль о том, что женщина, подвергшаяся насилию, виновата сама (спровоцировала агрессора), что в корне неверно. И вторая — мощный отпор преступнику может обернуться сочувствием со стороны случайных наблюдателей по отношению к агрессору, а не к жертве. Способ привлечь внимание к теме — акцент на яркой детали — в данном случае пальто фабрики «Большевичка», которое не смог пропороть маньяк и которое всплывает в тексте несколько раз как символ случайности, спасающей от произвола.

5. Худая среди толстых, толстая среди худых

Как-то среди ночи в моей квартире раздался телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу взволнованный голос моей близкой подруги. «Инка, похоже, у меня анорексия, мне страшно, я не знаю, что делать и к кому обращаться! Желудок перестал принимать пищу...» В голове всплыла картинка нашей последней встречи: домашняя Саша в маечке на голое тело. Но вместо женственных форм подозрительно заострившиеся плечи подруги, два комплекта ключичных костей и рельеф стиральной доски в области груди вместо молочной гладкости молодого еще тела.

Тогда на мой вопрос о нездоровой ее худобе я услышала лишь отмазку, мол, влезу в узкие джинсы в горошек из такого-то бутика, больше худеть не буду. И вот тебе результат!

Когда я положила трубку, план был ясен: Сашу надо было срочно спасать, и уже не путем ночных телефонных уговоров и попыток накормить ее по-человечески, а уже с профессиональной помощью психотерапевтов.

Еще несколько лет назад Саша была дамой совершенно нормальной для женщины наших широт комплекции. Она была из тех, кого ласково называют пышечками, — то есть не болезненно толстая, но и не по-мальчишески худая. Женственная, сексапильная, про таких часто говорят: «Все при ней». И все было бы хорошо, если бы не ряд обстоятельств. Муж, который на 10 лет старше, оставил ее ради совсем юной, худенькой барышни. Ладно бы просто ушел, так ведь брякнул напоследок, что жена излишне «обабилась» и стала по-женски непривлекательной.

Шопинг — лучшее утешение женщины, но с Сашей он сыграл в этот момент лишь злую шутку. Подруга искала утешения, пытаясь измениться, сформировать новый, модный, а главное, молодежный гардероб, но все девичьи модели из ряда бутиков в модных торговых центрах попросту не налезали на ее великолепное тело. Вырисовывалась странная картина: никто ее толстой не считал, но 50-го размера в модных магазинах практически не было. Последней каплей для моей подруги стал магазинчик женской одежды, куда ее попросту не пустили. Продавщица, оглядев Сашу с ног до головы при входе, преградила путь со словами: «Девушка, не тратьте время, ваших размеров у нас не бывает».

Именно этот «мелкоразмерный шовинизм», который вполз, как туман, в нашу обыденную жизнь с экранов телевидения, с обложек модных журналов, почему-то прижился в нашем обществе. И теперь диктует, а скорее навязывает всем окружающим подчас нереальные (особенно для зрелых женщин) каноны и стандарты красоты. Именно он пробил жуткую брешь в самооценке моей подруги, и она, равно как и тысячи других женщин «нестандартных» (а по сути, обычных) размеров, почувствовала себя женщиной второго сорта.

Получив от ворот поворот в салонах для стройняшек, моя подруга отправилась в салоны для толстушек. Но и здесь ее ждало разочарование. С 50-м размером в салоны одежды для более пышных дам тоже смысла нет соваться. К слову, названия у большинства этих магазинов такие, что, подозреваю, женщины идут туда лишь от крайней нужды. Какой бы ни была фигура дамы, ее душе, поверьте, все равно претят унижительные названия типа толстяков и толстушек, больших людей, мадам Грицацуевых и прочих, содержащих тонкие намеки на толстые обстоятельства. Кстати, цены на вещи тут, похоже, умножаются на коэффициент самого размера. Одним словом, моя подруга оказалась не у дел — худая среди толстых, толстая среди худых. Покупка вещей стала для нее почти пыткой.

И если бы она одна была такая. Сотни женщин сегодня мучаются в поисках одежды адекватных размеров. И думая на эту тему, я до сих пор не могу понять этого парадокса. С одной стороны, мы пытаемся загнать наших женщин в прокрустово ложе модных стандартов худосочности, искус-

ственно урезая линейку размеров в популярных магазинах. С другой — на каждом шагу насаждаем культуру фаст-фудов, от питания в которых рискуешь очень быстро из модных магазинов перебраться в рыночные ряды с дешевыми китайскими и турецкими нарядами а-ля «чехлы для танков». Как мы дошли до такой жизни, что женщины с нестандартными фигурами подчас чувствуют себя не то чтобы вторым, а даже третьим сортом? Так, одна моя знакомая, заходя в магазин женской одежды, сразу подходит к полупрозрачным девочкам-продавицам и громогласно вопрошает: «На слонов у вас шьют?» Конечно, эпатаж этот наносной. В магазинах дорогого женского белья ситуация еще хуже.

Что касается моей подруги Саши, она недолго болталась между двух огней. Усилием воли посадила себя на одну капусту и гречневую кашу, а то и вовсе заменяла еду на кофе и сигареты. При малейшем переедании ее желудок срабатывал на «сброс». За полгода она добилась «святой» цели — похудела на 5 размеров. И теперь во всех модных магазинах ей приветливо улыбаются — размеры ее одежды всегда есть в наличии. Но ее личные размеры, увы, совершенно перестали интересовать противоположный пол.

После того ночного звонка многое, к счастью, изменилось. После работы с психотерапевтом Саша начала потихоньку есть и, к радости окружающих, стала немного округляться. Из угловатого подростка снова стала превращаться в женщину. И первые победы не заставили себя ждать. Совсем недавно мужчина в метро, долго и с интересом наблюдавший за ней, подошел и сделал необычный комплимент: «Поразительно, несмотря на вашу очевидную худобу, вы все же кажетесь мне удивительно привлекательной и даже сексуальной женщиной» (2009. 17 сент.).

Повод для разговора на эту тему — последствия, к которым приводят женщин навязанные нашему обществу стандарты глянцевого красоты. Рассказ основан на переживаниях, которыми делились со мной на протяжении длительного времени реальные женщины. Цель колонки — разрушить определенные стереотипы, принятые за норму как членами самого социума, так и теми, кто диктует моду и формирует нормы потребления. В обществе назрела необходимость пересмотреть навязанные под воздействием массовой культуры «стандарты красоты». Поскольку не может называться цивилизованным социум, где человек подвергается явной и скрытой дискриминации по причине размеров его тела и где его внешность напрямую увязывается с успешностью.

Данная колонка вызвала большой резонанс у женской аудитории.

6. Первый мучитель

Каждый день вурдалаки и упыри по кусочку отгрызают мою душу. Приходят незвано. В человеческом обличье. Называются людскими именами. Пробираются через глаза или уши, выползают между пальцев, бьющих по клавишам, и в конечном итоге пригвождают «осоновым пером» и типографской краской на полосу газеты.

Один такой вурдалак нырнул в мой слуховой проход в буфете: «А вы слышали историю про то, как некий отец закопал живьем свою школьницу-дочку за плохие оценки и невыученные уроки? Бабушка же раскопала и заставила девочку написать бумагу, что она к папе претензий не имеет, ибо он воспитывал как мог». Иду к рабочему столу, в желудке обед, в сердце вурдалак. Все еще машет лопатой, криво умыляясь.

«Воспитывал как мог» — эта фраза все еще пульсирует в мозгу, не отпускает, не дает покоя. За простыми и нейтральными словами зловеющий подтекст, едва ли не корень всех наших больших и малых зол. Утешаю себя: такие изуверства — это крайность, а хороших родителей больше, чем плохих. Но как быть с тонкими педагогическими пытками, которым подвергаются дети со стороны своих новых наставников? Например, когда к первой учительнице со скрытыми садистскими наклонностями попадает сразу 30 учеников?

День рождения 7-летней Вики. В одной комнате играли дети, в другой общались их родители. У всех первоклашки. Живут в одном дворе, но учатся в разных школах и гимназиях — по интересам. Этот праздник стал для меня не меньшим потрясением, чем иные «ужастики» из ежедневной ленты новостей. Только детей, о которых пойдет ниже речь, закопали не сразу. Их будут незаметно зарывать в невидимый глазу песок целых 4 года...

Сын Ирины с каждым днем все неохотнее идет в класс — что такое, ведь первоклашки так любят школу? Мама сходила на открытый урок, понаблюдала, поговорила с учителем, с другими детьми. Поняла, что ее мальчика учительница с первых учебных недель записала «в отстой». Слишком «себе на уме» — мечтателен, редко руку тянет, шутить изволит. Позже стало очевидно: весь класс уже поделен на любимчиков, двоечников и серую массу. И хотя в первом классе не ставят никаких оценок, а лишь веселые штампики — колокольчики, собачки и цветочки, — в тетради этого первоклашки до сих пор ни единого поощрения. Родители удивились: по прописям видно, как ребенок старается, но в безжалостных тетрадках — либо ничего, либо настоящие страшные двойки. Наставница вlepила пары за домашние задания, которые ребенок волен делать исключительно по желанию. Во всяком случае, таковы санитарные нормы. Ирина выпытала из сына механизм получения колокольчиков и двоек. Только представьте: в конце урока учитель ласково подзывает «хороших девочек и мальчиков», они становятся рядком и один за другим идут с тетрадками за своими колокольчиками. А потом также на глазах у всего класса она выстраивает очередь из

«двоечников». И униженные дети гуськом тянутся к ее столу за двойками. Некоторые плачут.

Саша — здоровый мужчина, служил в горячих точках, сына воспитывает как мужика, сейчас трудится на ниве безопасности нашей страны. «У нас, — говорит, — учительница еще хуже. Вчера хотел сыну дать подзатыльник за баловство, а он вдруг на колени передо мной упал и давай креститься: „Не тронь меня, пожалуйста, папочка, Христа ради, не троны!“ У меня рука так в воздухе и зависла — в нашей семье так не принято, откуда такие жесты?» Начали с мамой потихоньку дознаваться у сына, у других родителей интересоваться — что происходит в классе. Учитель заставляет детей на уроках креститься. Объяснила: кто будет получать двойки, тот попадет в ад, а кто пятерки — в рай. При этом необъяснимо жестокая. Одна девочка не расслышала ее вопроса. За это простояла весь урок неподвижно в проходе. Не расслышать учительницу — дерзость великая. Другого мальчика все время тягает за уши. Когда она по ряду проходит, выглядывая себе жертву, малыш зажмуривается от страха и заранее закрывает голову руками. Добро еще не писается в штаны. Девочки, которые не умеют быстро читать, у нее «тупицы», мальчики — «ослы и бараны». Так и живут. Дети на учительницу не жалуются. Боятся и уважают. Они же первоклассники — не зная нормы, принимают за норму это.

А ночью мне снился тяжелый сон: у сухопарой учительницы на лице хитрый ленинский прищур. Жесткими костлявыми пальцами она тянется к уху съезжившегося от ужаса мальчика и... отрывает его. Кровь, крик и... хор. «Она не виновата: обучала как могла-а-а», — дружно затягивают представители родительского комитета, которые до последнего из страха и подобоострастия, а также желания выслужиться перед уважаемым педагогом выгораживают учительницу-садистку перед лицом справедливого РОНО. Проснулась с облегчением — дурной сон. Лишь бы не случилось в жизни его дежавю.

К слову, этот «детско-недетский» день рождения стал для его гостей неким моментом истины. Родители униженных детей окончательно решились переводить своих чад в другие классы. От греха и беды подальше, пока их не засыпали тем самым невидимым песком. Но меня не отпускает одна мысль: двух ребят переведут к хорошему педагогу, а как быть с остальными пятью-шестью десятками душ? И еще: все громче раздаются голоса родителей с просьбой установить камеры видеонаблюдения в классах, ведь родителей дальше порога в школу не пускают. Так, может быть, пришло самое время?

Р. С. Я очень надеюсь, что родители пострадавших детей прервут обет стыдливого молчания и откроют своим завучам, директорам — а если не будут услышаны, то и всему обществу — имена бессердечных и жестоких педагогов, которые по чистой случайности пополнили ряды тех прекрасных людей, которых мы с душевным трепетом и благодарностью называем Учителями (2009. 18 ноября).

Повод для разговора в данной колонке — резкое осуждение любого насилия над детьми со стороны взрослых. Текст написан на основе реальных событий, происходивших в школах Петербурга с конкретными детьми. Тон повествования — предельно эмоциональный. Факты и эмоции создают емкие, запоминающиеся образы. Цель — обратить внимание взрослых и родителей на непедагогические приемы обучения и ненормальные методы воспитания, которым безнаказанно подвергаются дети в нашем обществе. Близкая цель — помочь родителям решиться и не терпеть далее жестокого и непрофессионального педагога. В идеале — убедить родителей не замалчивать подобные факты, если они стали им известны, чтобы не страдали другие ученики. Руководство школ должно знать о таких случаях, а педагогам с проблемами психики или с комплексами, которые они вымещают на детях и родителях, не место в учебных заведениях.

Цель на перспективу — подвести специалистов из Комитета по образованию, руководство государственных образовательных учреждений к поэтапному оснащению школ камерами видеонаблюдения, чтобы учителя не позволяли себе насилие в отношении детей. Композиция — яркое, личностное, эмоциональное начало-встряска, настраивающее на откровенный разговор на острую и болезненную тему. Заключение — конкретное предложение решения проблемы и императив — обращение к родителям.

Колонка вызвала неоднозначную реакцию у публики. Ряд читателей высказался о том, что дети сегодня пошли такие сложные, что иначе с ними никак не справиться, только жесткими мерами. Другие углядели сочувствие со стороны автора отцу ребенка, который не гнушается тем, чтобы «повоспитывать» сына подзатыльниками, и упрекнули автора в потакании семейному насилию. Разгорелась жаркая полемика, которая показала, что «публицистический снаряд» попал в цель. Тема оказалась близка большинству читателей.

7. Мама в мобильном телефоне

Глядя на школьное и дворовое окружение своего сына-семилетки, я вдруг отчетливо поняла: в нашем обществе появился новый тип неблагополучной семьи со всеми признаками внешнего благополучия. В такой «семье» у ребенка есть только издерганная мама, ведущая себя как папа. Чаще всего она «заколачивает» деньги на нескольких работах и в одиночку тянет ипотеку или кредит на машину, а то и все вместе. На няню у такой мамы средств не остается, и ее ребенок полностью предоставлен сам себе. В редкие минуты общения с чадом она лишь чеканит одно за другим важные распоряжения. На эмоции, нежность и ласку нет ни времени, ни лишних ресурсов — сильная мама и на работе, и в быту ведет себя под стать деловым коллегам-мужчинам. Я знаю наверняка, что таких мам сегодня немало, но кошки скребут на душе от того, что на моих глазах разворачивается вялотекущая драма одного славного белобрысого мальчишки и такой вот его «виртуальной» мамы.

Другу моего сына десять лет, они познакомились в спортивной секции. Оказалось, живут в соседних домах. Он всегда один. Один ездит в метро на музыку, на спорт и в бассейн. Один ходит в магазин за продуктами. Из некоторых кружков он возвращается в одиннадцатом часу вечера, один темными дворами плетется домой, а потом долго лежит в своей пустой квартире и украдкой плачет в подушку. Ныть при маме нельзя, потому что «взрослый уже и мужик». У этого 10-летнего «мужика» и правда много дел и хлопот, но даже целый день, насыщенный уроками, секциями, английским, магазинами, чужими людьми, с которыми он общается, не заполняет той ледяной пустоты в душе, того отчаянного — просто вселенского — одиночества, которое испытывает этот мальчик.

Его мама не пьет и не гуляет, она просто работает с раннего утра и до 12 вечера, потому что тянет две полноценные работы, — она бухгалтер сразу двух предприятий. Но ее мальчик такой же брошенный, как ребенок из семьи алкоголиков. К слову, последний еще имеет шанс когда-нибудь через органы опеки обрести новую семью. Первый же любит свою «редкую» маму и понимает, что выбора у него нет. Три года назад его папа ушел в новую семью, а ипотека за квартиру вместе с самой квартирой осталась на ней.

Иногда мальчики вместе возвращаются со спорта, и тогда мы с сыном прощаем нашего самостоятельного друга до подъезда. Я вижу его опущенные плечи и понурую голову. И я знаю, что сейчас наступит самый тяжелый для меня момент. Перед тем как нырнуть в темноту подъезда, а за ним еще в две темноты — своей пустой квартиры и беспросветного своего одиночества, — он обернется на пороге, чтобы сказать «до свидания», и снова вонзит мне в сердце этот невыносимый взгляд брошенной, тоскующей по хозяйину собаки.

Я не раз предлагала ему остаться у нас с ночевкой, но он наотрез отказывается. Во-первых, мама не разрешает — «что это за глупости, не маленький уже нюни распускать». Во-вторых, он боится привыкнуть быть не один, а в-третьих, и это, мне кажется, самое главное, — он все равно будет долго ворочаться в своей кровати, силясь не спать, и дождется-таки уже в полудреме свою маму. И ког-

да она тихо войдет в его комнату и поцелует на ночь, он наконец-то расслабится и уснет до утра глубоким и спокойным сном счастливого ребенка, у которого есть мама. И пусть она живет не дома, а в его мобильном телефоне, она у него все равно есть. И он все еще искренне верит в то, что мама его по-настоящему любит. Просто она не может иначе обеспечить ему достойную, как ей кажется, жизнь с крышей над головой, модной обувью-одеждой, хорошей едой, дорогими игрушками-книжками и популярными секциями-репетиторами (2010. 3 марта).

Как и в предыдущих колонках, за этим газетным материалом стоит реальная семья с реальной проблемой. Цель — привлечь внимание к трудному положению матерей-одиночек, которым приходится либо зарабатывать деньги, предоставив ребенка самому себе, либо влачить жалкое финансовое положение, но уделять ребенку много времени. Проблема очень острая, актуальная для многих. Главная деталь, на которой строится вся история, — мобильный телефон, который заменяет ребенку маму. Второй пласт — конфликт между мировосприятием мамы и ребенка. Мама наделяет его большей самостоятельностью и взрослостью, чем есть на самом деле. Для нее, попавшей в сложные жизненные обстоятельства, сын уже почти мужчина, опора. А по сути он еще ребенок, остро нуждающийся в материнской заботе, ласке, участии; испытывающий нормальные для человека его возраста чувства: страх одиночества, зависть к детям с реальными родителями рядом, потребность «выплакать» негатив. Передо мной не стояло цели дать негативную оценку маме. Такая оценка относилась в целом к ситуации, иначе не было бы следующей мизансцены: «И когда она тихо войдет в его комнату и поцелует на ночь, он наконец-то расслабится и уснет до утра глубоким и спокойным сном счастливого ребенка, у которого есть мама». Однако читатели, решившие оставить комментарии к колонке на сайте, увидели только первый план истории — конфликт «работающая мама — брошенный ребенок». Комментарии были таковы: «Не разделяю мнения автора. Лучше так, чем матери-одиночки, носящиеся со своим чадом как курица с яйцом и превращающие сыновей в функциональных мужей, свет в окошке и слугу на старость». Другой читатель расшифровал и главную идею автора — тяготы выживания не-

полных семей при отсутствии помощи и поддержки со стороны социальных институтов общества, однако его комментарий начался со слов: «Я тоже не согласна с автором». И далее: «Если Вы почитаете сайты, где пишут мамы, занятые воспитанием детей и сталкивающиеся с материальными трудностями, все комментирующие дружно и агрессивно советуют им не ныть, а найти хорошую работу, а лучше две, и самим кормить свое чадо, а не рассчитывать на государство. Вопрос: так что же делать? Жить на пособие или вламывать на двух работах? Третьего в нашем мире, как известно, не дано!»

К слову, когда читатель не соглашается с автором, спорит, приводит свои аргументы — это хорошая оценка работы журналиста и издания. Если журналист нащупал болезную точку, то он получит самые противоречивые отзывы, даже резкие и обидные. В таких ситуациях нужно понимать, что вы не оставили равнодушным своего читателя, а значит попали в цель.

8. Где водится настоящее детство?

Окна моего дома выходят на детскую площадку. Она хорошо оборудована, и обычно здесь огромное количество ребятни самого разного возраста. По периметру стоят скамейки, на которых скучающие взрослые принимают солнечные ванны или читают книгу, а иногда просто болтают. За скамейками плотно растут высокие кусты с протоптанными ходами — идеальное место для игры в разбойников и пиратов. Мне с балкона хорошо видно, как по этим тайным ходам между кустами движется «партизанский отряд», наспех сколоченный из пацанов, которые подвернулись под руку зачинщику игры. Главарь — долговязый конопатый мальчик — ведет за собой толстого мальчика в очках и двух мелких деловитых карапузов. Сейчас тропа их выведет к полянке, где две девочки между деревьями натягивают тент из платков — домик для кукол. У толстого мальчика свисток, а у длинного между пальцев выброшенной вперед руки извивается дождевой червяк. Они идут пугать девочек. Сейчас те завизжат и будет ужасно весело! Но — фальстарт. Визжать начинают бабушки и мамы на лавочках.

— Даня, фу, какой мерзкий червяк! Брось немедленно! — кричит бабушка долговязому мальчику.

— Илья, Кирилл, Тема! — эхом раздаются встревоженные голоса с разных скамеек. — Что вы там делаете, а ну-ка быстро сюда вышли, нечего по кустам шарахаться!

Тут же бодрая бабушка в спортивном костюме подлетает к девочкам:

— Ну-ка поднимитесь с коленок, нечего на траве сидеть, что вы тут на деревья понавязали?

Нет детства в мегаполисе. Детство в большом городе лишено даже малейших приключений. Отравлено надзирательными окриками взрослых, раздавлено колесами спящих по тротуарам авто, скомкано 60-минутными прогулками, пропитано густым, как патока, страхом каждого взрослого за своего ребенка.

Я смотрю на детей, которые гуляют во дворе, и понимаю, почему они все больше пропадают в виртуальной реальности. Стрелялки, бродилки — это синтетический аналог того, что мы имели живьем в своем детстве. Я вспоминаю свои детские «бродилки» и вздыхаю с облегчением: моему ребенку никогда не найти таких развлечений. И слава Богу, говорит мое материнское сердце. Но спроси меня, готова ли я отказаться от всех открытий своего детства взамен на мультики в любой момент и любые компьютерные игры, я скажу однозначно: «Нет!»

Да, когда я объелась синьки (так взрослые называли какой-то синий порошок) на помойке, я долго лежала в инфекционной больнице, но зато на всю жизнь запомнила, что помойка, несмотря на всю ее притягательность, не лучшее место для игр. А в больнице мальчики научили меня делать забавных роботов из синих стирательных резинок за 2 копейки и булавок. Я знаю, что если булыжником долго бить по осколку от разбитой бутылки, то рано или поздно стекло превратится в белую пыль (главное, чтобы осколок не отлетел в глаз). Я знаю, что если взять в руки стекловату, то пальцы долго будут исколоты. Зато стекловата отлично смотрится в «секретиках» — таких микроинсталляциях в земле, когда под стекло, чаще бутылочное дно, кладешь цветочки, бусинки, ягодки, пуговки, фольгу и другие «сокровища». А еще — что взрослый мальчик тебя может похвалить, если ты обползаешь весь двор и наберешь для его рогатки пулек, таких согнутых галочек из толстой алюминиевой проволоки. Потому что войнушка идет сейчас, а патроны у него кончаются и если победят мальчишки из другого двора, это будет позор...

...Вечером раздается звонок. Я сообщаю двоюродному брату, когда мы к ним приедем. А потом берет трубку мой сын, вернувшийся из детского лагеря, и долго по-заговорщески общается со своей троюродной сестрой-одногодкой из маленького черноморского городка.

Перед сном он нетерпеливо спрашивает, сколько дней осталось до нашей поездки «в город, где детям можно гулять самим». И, узнав, что совсем немного, мечтательно говорит, что Вику отпускают одну во двор, что там много детей и что они играют в казаки-разбойники и закапывают в кусты клад, а потом другие дети его ищут. А иногда (и это вообще самое интересное, только никому не говори!) они забираются в соседские фруктовые сады и трясут деревья, а потом с визгом разбегаются. А еще у них во дворе есть большое деревושелковица, и все по очереди залезают на него, чтобы натрусить с веток полные

ладошки черных сладких мягких ягод. И я понимаю, что везу сына не на юг, не на море, не к родственникам. Я везу его в свое собственное детство, которого нет в мегаполисах (2010. 28 июля).

Еще одна тема из разряда «родительских». Здесь на поверхности жизненный конфликт: дети не имеют настоящего детства из-за того, что взрослые не могут обеспечить в больших городах их безопасную игру на улицах. Автор оставил в тексте и много свернутых тем, которые можно развивать и домысливать. Это и низкие сроки для педофилов, и плохая раскрываемость данных преступлений, и нехватка безопасных дворов закрытого типа, куда бы не могли просто так войти посторонние или проехать чужие автомобили. Следствие этих проблем — дети перебираются со дворов в виртуальную реальность. Цель разговора — убедить родителей больших городов по возможности обеспечить своим сыновьям и дочкам детство хотя бы летом, отправив их к бабушкам, в деревню, в детский лагерь, в поход от спортивной секции и т. д. Более глобальная цель — изменение законов об ответственности педофилов, возможно, создание охраняемых народными дружинниками крупных детских площадок в каждом районе, на которых дети могли бы гулять безбоязненно. Решение проблем автомобильного транзита через дворы города. В любом случае, осознание проблемы обществом — уже путь к ее решению.

9. Общество только оценочным психозом

У моей знакомой родилась дочь с шестью пальцами на руке. К школе семью замордовали: дети в садике жестоко дразнились, взрослые осуждали родителей, бабушки во дворе судачили — искали в шестипалости малышки мистический знак... Каждый выносил свою оценку. У нас оценивают всех с рождения и до самой смерти. Причем не со зла, а по привычке. И выглядит это так.

Первую свою оценку человек получает в роддоме. В баллах по шкале Апгар. С ней он начинает свое путешествие в нашем оценочном мире. С каждым годом его все больше и больше оценивают. Везде и всюду. На каждом шагу и всякий кому не лень. Но настоящая школа жизни начинается — простите за каламбур — в школе. Сначала «хорошие» звездочки сменяют «плохие» рожицы с выгнутым в антиулыбке ртом. Тут каждый малыш понимает — он не спра-

вился, он плохой. Потом появляется страх двоек и жажда пятярок. Между этими цифрами подчас одна помарка и две запятые, но в восприятии детей между ними — целая пропасть. «Оценочный психоз тяжелым бременем ложится на юные души школьников и калечит их», — писал об этом явлении видный российский педагог Сухомлинский.

И еще куда бы ни шло, если бы оценки были объективны. Но каждый из нас знает, что это не так. «Садись, три!» — всякий раз краснея, выдавливала из себя оценку знаний моей подруги ее математичка. А потом вдруг взяла и отправила ее на городскую олимпиаду по математике, где девочка заняла второе место. Сейчас моя подруга понимает, откуда «росли ноги» у тех жестоких троек, за которые строго наказывали дома: сын «злойной училки» отставал в развитии, и она люто ненавидела всех одаренных детей.

К моменту поступления в вуз за подростками тянется уже целый шлейф оценок — баллы в аттестате, баллы IQ (интеллект), баллы ЕГЭ...

Люди привыкают оценивать друг друга набором бездушных цифр. Мужчины и женщины, сводя знакомства в Сети, механически перекидываются стандартным набором цифр, без которых невозможна реальная встреча: рост, вес, возраст, доход. Еще до того, как они посмотрят друг другу в глаза, они по бездушным проводам обменяются и более интимной информацией — он ей сообщит длину, она ему объем...

Люди могут не видеться десятилетиями, но, отыскав друг друга в «Одноклассниках», бросаются с азартом выставлять друг другу оценки под фото. Еще удивительней, когда оценки вырисовывает совершенно незнакомый человек. С чего он решил, что это пять или два? Есть с чем сравнивать?

Для психологов уже не новость: у людей, сильно зависящих от мнения окружающих, развивается «оценочный психоз» — паническая боязнь быть раскритикованным и размазанным, подавленное состояние психики, резкое падение самооценки. И как следствие — глубокие депрессии и даже суициды. Далеко не каждый может игнорировать «плевок в душу», повторяя банальный оберег: «Я не сто долларов, чтобы всем нравиться!»

А сами оценщики, развешивая налево и направо ярлыки и раздавая двойки, редко задумываются о том, что они могут быть необъективны. Они ведь свято уверены в том, что их жизненный опыт уникален, вкус безупречен, а знание предмета — всеобъемлюще. Им бы остановиться на миг и, прежде чем в очередной раз походя размазать другого человека, провести инвентаризацию собственного кругозора. Но нет — это очень хлопотное занятие. Гораздо проще по привычке укладывать окружающих штабелями в заранее созданные шаблоны (2010. 6 окт.).

Конкретная история, приведенная в начале колонки, — повод поговорить об оценочном синдроме, которым пронизано общество. Цель — снизить влияние чужой оценки на самооощение

индивида, перестать плодить в людях комплексы неполноценности на основе единых, очень усредненных, стандартов. Цель глобальная — отказ от классических оценок в школе, хотя бы в начальной, поскольку это обстоятельство очень травмирует детей, которые мыслят неординарно, не так, как положено по школьной программе.

Выпускающий редактор номера дал колонке заголовок-приговор «Общество больно оценочным психозом», тогда как мне более подходящим кажется «родной» заголовок «Опять двойка?» Во-первых, потому, что это название — аллюзия к широко известной картине Ф. Решетникова. Во-вторых, потому, что такой заголовок лишен однозначности, а значит позволяет читателю сделать собственные выводы по обсуждаемой теме.

У читателей эта колонка вызвала много мыслей, рассуждений. Зашел разговор о разнице между стандартами, необходимыми для выживания вида, и оценками, которыми пользуется общество, чтобы «заклеивать белых ворон и сжигать чучела». Один из выводов, к которым пришли читатели совместно с автором: оценивание в обществе невозможно отменить, но можно и нужно изменить критерии оценок.

10. Дядя Ваня

Каждый день в шесть часов вечера на большой детской площадке в сквере Льва Мациевича появляется пожилой человек с полиэтиленовым пакетом в руке. Он жестами подманивает к себе мальчиков и девочек постарше, что гуляют одни, что-то шепчет им на уши и раздает у большого куста шиповника конфеты из своего пакета.

Взрослые, пришедшие на эту детскую площадку со своими детишками впервые, с угрюмым неодобрением смотрят на подозрительного, как им кажется, субъекта.

Признаться, когда я впервые увидела здесь этого человека, то тоже долго не могла понять, что происходит. И на всякий случай ни на секунду не спускала с него глаз. Тревожный мозг, закормленный страшными сводками и криминальными новостями, рисовал мне самое драматическое развитие дальнейших событий. Но дети, схватив за руки мужчину с пакетом, уже тянули его на самую середину площадки. Увидев его, окружающие взрослые начали улыбаться, а их

малыши, до сего момента ковырявшие палочкой землю или перетягивающие друг у друга совочки, побросали свои занятия и помчались к нему навстречу. В тот вечер судьба подарила мне шанс увидеть того самого Дядю Ваню, легенды о котором передаются из уст в уста по сарафанному радио всего микрорайона. Просто я не сразу поняла, что это он и есть.

Кто бывает на детских площадках не мимоходом, тот знает, по каким сценариям протекает там жизнь. Либо дети предоставлены сами себе, пока их мамы с упоением обсуждают на лавочках свои мамско-бабские темы. Либо все сами по себе, и каждая мама ходит за своим чадом как привязанная с откровенно скучающим, унылым видом, поглядывая на часы через каждые пять минут. Конечно, бывают и исключения, когда на площадке завязывается «колясочная дружба», и мамы-подруги объединяют усилия, чтобы сделать прогулки малышей дружными и творческими. Но это большая редкость.

И вот, на счастье местной детворы, к ним на площадку однажды пришел Дядя Ваня. Пришел и остался. И теперь с добрым дедушкой играет вся дворовая малышня. Младшие школьники несутся по его команде наперегонки по периметру сквера. Детсадовцы — бегут до куста шиповника, огибают его и снова на старт. Двух- и трехлеток Дядя Ваня берет за ручки и сам бежит с ними стометровку — от начала до конца дорожки. Велосипедистам выдает свое задание, самокатчикам — свое. А потом наступает сладостный миг — все дети собираются в центре площадки и получают от Дяди Вани сладкие призы — заслуженные карамельки, которые он неизменно вынимает из полиэтиленового пакета.

К слову, Дядя Ваня не считает, что делает что-то особенное. Он просто любит детей, уважает физкультуру и спорт и обожает атмосферу всеобщего задора, дружбы и веселья. И, сам того не осознавая, оказывает обществу огромную услугу — делает мир вокруг себя добрей, а детей, несомненно, счастливей. Ведь с ним одной командой становятся все ребята. И те, чьи мамы скучают рядом на лавочках. И те, чьи родители допоздна на работе или вернулись домой уставшими и не могут погулять с отпрысками. И те, чьи мамы с папами уже приняли на грудь и где-то балдеют с собутыльниками, не вспоминая о том, что на улице болтаются их никому не нужные, кроме Дяди Вани, дети (2010. 27 окт.).

И опять в центре истории, о которой идет речь в колонке, реальный человек в реальном дворе Петербурга. При сокращении текста на верстке из повествования выпала важная деталь: дядя Ваня взял под свое крыло всю ребятню двора, когда у него появился собственный внук и он стал выходить с ним на прогулки. Здесь, как и в ряде других колонок, прослеживается тема проживания детей в мегаполисах. В фокус внимания попал человек из ушедшей эпохи. Он не считает, что делает что-то особенное. В

дни его молодости такой был уклад: чужие люди присматривали за чужими детьми во дворах, соседи могли забирать малышей из садика и сидеть с ними до вечера бесплатно. Коляски со спящими младенцами преспокойно оставляли у дверей магазинов, а людей, умеющих организовать дворовую ребятню и занять ее, понимали правильно, уважали и любили. Основной конфликт этой истории — мировоззренческий. Всего несколько десятилетий прошло, а поведенческий код, абсолютно приемлемый для 60–70-х годов прошлого века, сегодня расшифровывается и читается взрослыми совершенно иначе. Недаром рассказ начинается со сцены, которую взрослые в наше время интерпретируют однозначно как сигнал тревоги. Уверена, что дяде Ване и в голову не может прийти мысль о том, что его искреннее желание порадовать детей, его поведение можно воспринять как опасное и странное, а незнакомые взрослые могут его заподозрить не в той любви к детям, которую он испытывает. Цель колонки — рассказать о таком простом и незаметном «герое нашего времени» — человеке, который, не делая ничего особенного, делает очень важные вещи. Возвращает атмосферу дружбы и сплоченности в отдельный двор, учит детей тому, что мы потеряли в 90-е годы.

Читатели были тронуты этой историей, о которой, конечно, стоило рассказать.

11. За гранью добра и зла

Будучи проездом в Москве, я приняла приглашение от подруги детства заглянуть к ней на огонек. Мы не общались полжизни, а несколько лет назад нашли друг друга в интернете. Я знала про Свету немного, но этого было достаточно, чтобы от души порадоваться за нее: огромная квартира в новом доме, состоятельный муж, трое детей и собственное дело — салон модной одежды для домашних питомцев. Мы уже более часа сидели на кухне, пили кофе и приятно ностальгировали, как вдруг в детской что-то произошло.

Сначала оттуда пулей вылетела пожилая дама, схватила в охапку пальто с сапогами и буквально выпрыгнула из квартиры, кинув на бегу хозяйке: «Все! Хватит с меня! Я уволилась! Расчета не надо!» Затем из комнаты выбежала мокрая, как курица, плачущая девочка лет семи и заперлась в ванной. «Он опять сделал пи-пи мне на голову с верхней кровати. Я его нена-

вижу!» — горестно рыдала девочка. Вслед за ней из комнаты выскочил в одной футболке четырехлетний Даня. (Когда я пришла, дети занимались с няней, и мы не успели познакомиться.) Недолго думая, мальчик рванул к маме, присел на корточки и впился ей зубами в ногу до крови. После чего угрожающе двинулся в мою сторону. Но атаковать не успел: Света схватила его и потащила в детскую комнату. После непродолжительной борьбы она заперла его там на замок. Но еще долго оттуда доносились вопли и глухие удары разбивающихся о стену вещей.

Мне было ужасно неловко, я не знала, что сказать, но и уйти не решалась. После долгой паузы Света заговорила сама:

— Его мать — олигофренка, отец — наркоман. Два года назад, когда мы занимались усыновлением, информации о его родителях не было. Но как только стало очевидно, что у ребенка серьезные проблемы с головой, документы о родителях нашлись... За два года мы обошли всех лучших врачей, но любая терапия давала лишь краткосрочный эффект...

Оказалось, что у Светланы только одна родная дочь — от первого брака. Она старшеклассница, прекрасно учится и живет рядом у бабушки. Когда выяснилось, что во втором браке не может быть детей, семейная пара решила усыновить двоих отказников. Лизе, которая все еще всхлипывала в ванной, в жизни повезло больше: ее биологическая мать была всего лишь подростком-пьяницей, и девочка хоть и отставала немного в развитии, но с головой, что называется, дружила. Она быстро адаптировалась в приемной семье.

— Он всех ненавидит, он делает больно и кайфует от этого! Я не знаю, что делать: я боюсь его, боюсь за Лизу, за окружающих людей. У меня дольше недели не держится ни одна няня! — продолжала с надрывом Света. — Я же хотела как лучше! А теперь я не могу от него отказаться! Это предательство! Как с этим жить?!

В поезде мне не спалось. Я переваривала Светино несчастье, вспоминая попутно историю, которую поведала мне пару лет назад одна читательница. Она работала волонтером в детском доме и со временем решила взять в семью 5-летнего братика для своей 3-летней дочки — чтобы им было веселей. «Мальчик психически болен и опасен для общества», — вынесут вердикт спустя три года врачи-психиатры и изолируют его от общества. А до этого будет полная ужаса жизнь, в течение которой приемный сын Ольги трижды попытается убить свою сестренку, будет изгнан из школы за то, что макал своих одноклассников головами в унитаз, замучает домашнюю кошку. Не выдержав этого ада, уйдет из семьи муж.

— Я понимаю, — говорила мне тогда Ольга, — такие случаи, как наш, единичны. Истории с усыновлением чаще заканчиваются обоюдным счастьем для детей и родителей. Но взрослые, которые не справились и попытались отказаться от усыновленного ребенка, становятся в нашем обществе всеми осуждаемыми изгоями. Дети же, какими бы они ни были, всегда остаются при этом жертвами двойного предательства. И ведь с этим труд-

но поспорить! Понимая это и, видимо, боясь позора на всю жизнь, я терпела монстра в своей семье и едва не потеряла дочь. Напишите о моей истории, может быть, кому-то она в критический момент поможет сделать правильный выбор (2011. 9 февр.)

Обе героини колонки — реальные персонажи, с которыми в разное время и при разных обстоятельствах общался автор на тему усыновления. Тон повествования — эмоциональный, но немного отстраненный. Автор попытался не делать собственных выводов, не давать оценку происходящему и советов участницам историй — а быть лишь зеркалом происходящего. Цель — привлечь внимание к непростой проблеме — популяризации идей усыновления. Вопрос слишком тонкий и деликатный, чтобы выступать в роли советчика. Задача автора — показать «изнанку» усыновления, о которой не принято говорить. Дать будущим приемным родителям пищу для размышления: как лучше подготовиться к усыновлению. Возможно, сделать это в несколько этапов — сначала опекунство, потом — полное усыновление. Еще одна цель — показать неоднозначность ситуации, в которую могут попасть приемные родители. А также снизить градус осуждения со стороны общества по отношению к семьям, которые вынуждены были отказаться от ранее усыновленного ребенка.

Колонка вызвала ряд довольно откровенных откликов по существу вопроса. Выяснилось, что люди считают социальную рекламу с брошенными детишками и призывы об усыновлении безответственными и безнравственными, поскольку на нее «покупаются» люди, принявшие сиюминутное необдуманное решение под воздействием эмоций и сильных образов. Люди же, которые реально готовы к усыновлению, не нуждаются в подобной рекламе — они долго готовятся к тому, чтобы стать приемными родителями, и приходят к этому решению сознательно и взвешенно.

ЗЛОБОДНЕВНАЯ КОЛОНКА

В колонках этого типа автор от конкретной истории, высвечивающей конкретную проблему, поднимается на определенный

уровень обобщения. Его целью становится рассказать уже не о событии и человеке, а о положении дел в той или иной сфере, о негативных тенденциях в жизни общества. В таких колонках пристальному рассмотрению подвергаются уже не факты, а явления, которые влияют на качество жизни не отдельного человека и его окружения, а целых групп населения и общественных институтов. Такие процессы в обществе часто протекают незаметно, потому что нет одного конкретного пострадавшего, а есть такое положение дел. Часто люди осознают, что именно является «злом сегодняшнего дня», критикуют эти явления, но не понимают, как с этим бороться, и мирятся с негативными тенденциями, как с плохой погодой. Однако именно в таких вопросах необходимо формировать общественное мнение, потому что, если под воздействием СМИ люди, например, перестанут брать в магазинах полиэтиленовые пакеты, чтобы ежедневно выбрасывать их десятками в мусорное ведро, а перейдут на тканевые сумки для продуктов, можно довольно ощутимо сократить вред, наносимый экологии региона. Именно при обсуждении общественно значимых тем и формировании у населения определенных установок от публициста требуется и эрудиция, и этика, и нравственность, и соблюдение врачебного принципа «не навреди». Послание автора к читателю злободневной колонки можно дешифровать так: «Смотри, какие тенденции негативно влияют сегодня на нашу жизнь. Смотри, кто и как дурит нашего брата. Это надо менять, но мы сможем что-то сделать только сообща. Один в поле не воин».

1. Сладость не в радость

Сегодня каждый дошколенок прекрасно знает, что такое кариес. Это в моем детстве были свои брендовые страшилища — «Баба-яга» и «Бабай», а у нынешних детей главное чудовище — «Злобный кариес». Но в отличие от меня, маленькой, современные «киндреры» прекрасно знают, что такое «чупа-чупс», «эмэндэнс», «сникерс», «киндерсюрприз», «попкорн», «сладкая кола» и т. д., — не будем, что называется, пиарить отечественных и заморских производителей. Поговорим о сути проблемы. А она заключается в том, что рынок настолько насыщен сегодня всевозможного вида сладостями, что рано или поздно педиатры заводят с родителями беседы о том, что надо бы ограничить потребление ребенком сладкого.

К чему ведет «чрезмерное потребление сахара», можно догадаться и без врачей, достаточно послушать страшилки, которые приносит ребенок из детского сада: «У Даши три кариеса, у Полины пять, а Диму мама вообще водила к такому дяде — ему сделали укол, положили спать, а в это время много зубов сверлили». И это не единственное следствие перебора сладкого в ежедневном меню мальчиков и девочек. Медики давно уже бьют тревогу: повышенное содержание сахара в рационе детей приводит к целому ряду заболеваний — аллергиям и дерматитам, нарушению обмена веществ, ожирению, сахарному диабету, заболеваниям желудочно-кишечного тракта и пресловутому кариесу.

Кто виноват? Родители, которые порой проявляют слабость и не могут отказать капризничающему ребенку в покупке очередной сладости? Производители, которые «изгаляются» над и без того манящими упаковками, зачастую связывая в сознании малышей ту или иную сладость с образом любимого героя мультика или сказки?

А может быть, общество, которое потакает массовому закармливанию детей сладким ежегодно в декабре-январе? Наберите в интернет-поиске словосочетание «сладкие подарки», и вам выпадет список из сотни ресурсов с описанием оных и логичным обоснованием того, почему всем на свете необходимо дарить именно сладкие подарки. И знаете почему? Оказывается, это наша вековая национальная традиция!

Я согласна, еще двадцать лет назад сладкий подарок на Новый год был действительно настоящим сюрпризом. Во многих городах СССР в свободной продаже вообще не было иных конфет, кроме как драже и карамели. Ну, может, еще один сорт соево-шоколадных батончиков с приторной белой начинкой. Тогда обычный целлофановый пакет с шоколадом и мандаринами был настоящим дефицитом, а оттого — действительно ценным для любого ребенка подарком!

Сегодня дети упичканы всевозможными лакомствами, что называется, под завязку. У многих из них, признают врачи, сформировалась настоящая психологическая зависимость от сладкого. Так к чему тогда неизменно, из года в год, на всех утренниках и елках выдавать малышне килограммы конфет и печенья? Нам что важнее: поддержать отрасль, в которой трудятся производители всевозможных кондитерских изысков, или здоровье будущего поколения?

А видели бы вы эти душераздирающие сцены в детсадах после утренников. Одним детям совсем нельзя сладкого, и они сидят с кислыми лицами от таких подарков (а по сути, остаются без оных). Другие до икоты объедаются конфетами на глазах у первых. А третьи, которым можно «только одну конфетку!», хитростью, мольбой, слезами и демаршами выдуривают у воспитателей и родителей «ну еще одну — всего одну! — малюсенькую конфетку».

Есть много прекрасных подарков для детей любых возрастов: книги, новогодние маски, конфетти, пазлы, диски с мультиками и развивающими играми, куклы и машины, мягкие игрушки, наконец. Но мы не хотим ничего менять в сложившейся традиции, потому что всем так проще.

А тем временем... уже сегодня полки супермаркетов ломятся от десятков красочных сладких наборов в новых тематических упаковках, а в садиках с родителей собирают на них деньги. Я не хочу, чтобы мой ребенок остался совсем без сюрприза «как у всех», и я снова сдам деньги на вредный «сладкий подарок».

В итоге у него будет мешочек сладостей из садика, два мешочка от маминной и папиной работ, еще один — после районной елки и последний — с коммерческого новогоднего праздника. Благо если гости еще один с собой не принесут. Но счастья и гармонии эти подарки ни мне, ни моему ребенку точно не прибавят. Мы ежедневно будем спорить, сколько было съедено за день сладкого и можно ли слопать еще. Ведь он, как и многие другие дети, за сладости если не родину продаст, то уж душу вымотает точно. Если победит он, будем лечить «новогодний диатез», если я — вести душевспасительные беседы о вкусной и здоровой пище и о мудрости родителей и докторов. А потом еще месяц по совету нашего педиатра постепенно выводить из рациона сладкое (2008. 31 окт.).

Главная идея этой колонки — промывание мозгов со стороны одних групп населения под названием «производители» и «маркетологов» другим группам населения — «детям» и «родителям». Финансовый интерес первых косвенно связан с финансовыми убытками вторых. Причем речь идет не только о цене привлекательных сладостей, которые выклянчивают дети у родителей, но и о цене услуг стоматологов, аллергологов, гастроэнтерологов. Между понятиями «новогодний подарок» и «сладости» давно пора уже убрать знак равенства. Это сделать не так сложно, если заставить людей проснуться и вернуться к истокам традиции. Сладости действительно были желанным подарком для детей в периоды очень скудного продовольственного пайка и отсутствия сегодняшнего изобилия. Сегодня засилие сладостей непонятно какого качества и из чего сделанных — большой социальный вред, наносимый здоровью всего общества.

2. Фальстарт

От частого употребления, как тонко подметил поэт Маяковский, слова ветшают как платье. Только ли слова? На мой взгляд, многие привычные образы постигла та же участь. Вот, скажем, новогодние елки. Нет, на сам символ я замахиваться не смею и не буду, ведь елка в нашем обществе — незлыблемая цен-

ность. Царя сменил вождь, вождя генсек, генсека президент, а елка под Новый год как стояла, так и стоит в домах, садах и школах, в праздничных залах, на улицах и площадях.

Вроде бы все в порядке, все по плану, особенно с городскими уличными елками, но ощущение праздника как-то изрядно вылиняло за последние годы. Смотрю я на эти искусственные зеленые исполины, натканные уже в ноябре по всему городу, и не понимаю, что не так? Почему в душе никакого отклика? А вместо радости лишь желание поскорее отвести глаза? Я не противница того, что город нужно украшать к Новому году, я двумя руками «за», но к Новому году, господи! К Новому году и Рождеству Христову! А не за два месяца до него.

Ведь в начале-середине ноября, когда стали устанавливать первые елки, у нас кое-где трава еще пробивалась из-под слоя разьеженной грязи. А тут на тебе — елка. По замыслу оформителей этот незыблемый символ должен родить в моем мозгу реакцию: «Елка? Елка! Скоро Новый год! Подарки! Праздники! Ура!» Что же на деле? «Елка! Искусственная елка. Новый год не скоро. Зачем она тут? Как немой укор. Как памятник безвинно вырубленным собратьям по лесам, паркам и скверам в этом году... Бедная елка! Бедные деревья! Бедные мы, петербуржцы! Какой там праздник, не до него, дышать нечем...»

Скажем, моя рефлексия — это мои личные проблемы. Но как быть с остальными людьми, которые к ранним уличным елкам не испытывают никакого пиетета. Почему? В чем тут дело? На их взгляд, в фальши. За два месяца до праздника елки выглядят уныло и жалко, глаз к ним привыкает и перестает удивляться, изумляться, радоваться. А заведомый оформительский фальшарт вместо радости предвкушения праздника вызывает у людей неприятное чувство, что разворачивается эта украшательская кампания вовсе не для того, чтобы порадовать глаз горожанина, а для того, чтобы поскорее запустить адскую машину предновогоднего потребления.

Обратимся к художественной стороне вопроса. Увы, большинство горожан сходятся во мнении, что предпраздничное «урбанистическое убранство» слишком официально, скучно, заштамповано и старомодно. И впрямь навязли на зубах уже эти картонные или пластиковые — немислимо огромные и разалаяпистые — колокольчики, бантики, шарики, белочки, зайчики, свечи. Новогоднего настроения от этих украшений — ноль.

Более того, я знаю всего несколько елок, у которых неизменно собираются люди на стихийные народные гулянья. Я имею в виду не вымученные праздники с фанерными сценами и несмешными скоморохами, а истинные гулянья, на которые стекаются со всего города люди, общаются, дурачатся, фотографируются, смеются, пьют шампанское. Одна из таких елок — на Дворцовой площади. Большинство же псевдолесных псевдокрасавиц привлекает к себе внимание лишь вандалов, причем задолго до Нового года. А поскольку праздничные атрибуты стоят немалых денег, городским властям приходится привлекать для сохранения их целостности охранников. Безрадостная картина получается, господа. Под фальшивыми елками с фальшивыми игрушками уныло торчит либо

такой же фальшивый в своей пластиковой добродушности Дед Мороз, либо парень в форме с дубинкой. И не радостью веет от такой елки, а скучной, казенной торжественностью ввиду сезонной надобности.

И боже вас упаси найти в моих размышлениях призыв рубить большие настоящие елки и бездумно распихивать их по всему городу. Ведь истинное новогоднее настроение создают подсветки на мостах, мигающие огоньки на деревьях, крышах, окнах, разноцветные гирлянды над проспектами. А главное — необычные витрины. Там тоже есть елки, но какие это елки! Металлические, джинсовые, квадратные, льняные, кристаллические, подвешенные вверх торшерами, бумажные и тканевые. А также кактусы, разряженные под елки, или даже съедобные «елки» из желе и цукатов.

А на улицах города... пусть и на улицах кое-где будут елки, не обязательно гигантские с железными кратерами для лапника. Лучше бы волнующие воображение, разноцветные, разнофактурные, с модными игрушками и неожиданными причудами. Да, и установленные в местах, где они действительно нужны людям, а не в промзонах, у парковок и автозаправок, как это нынче часто бывает. И хорошо бы, чтобы ложка оказалась к обеду, а не к завтраку. Недели за две до Нового года — самое то. Во всяком случае, на этом сходится большинство опрошенных мною горожан (2008. 20 ноября).

Причиной и главным стимулом создания данной колонки выступил факт установки в городе первых новогодних елок за полтора месяца до Нового года. Критикуя такую поспешность, автор подразумевает, что на это у государственной структуры, отвечающей за новогоднее убранство города, есть свои причины. Во-первых, финансовые. Деньги выделяются на украшение города ежегодно и немалые, а украшения часто устанавливают прошлогодние и позапрошлогодние. Куда уходит финансовая разница? Во-вторых, раннее появление новогодних символов стимулирует усиление потребительской лихорадки. Многим это на руку, а обычным жителям? Вывод каждый читатель делает сам.

3. Одноразовость forever?

Я уже не вспомню, когда в нашем обиходе впервые появилось понятие «одноразовое», но именно тогда началась незаметная глазу ползучая «одноразовая революция». Первыми перевернули наше сознание пластиковые шприцы в индивидуальных упаковках. Вы помните, как раньше кипятились в кастрюлях-биксах большие стеклянные шприцы? А рядом в другой таре — иглы...

Дальше — больше. Мы отказались от авосек, сеток, цветастых болоньевых сумок и перешли на целлофановые пакеты с ручками, которые после магазина выкладываем вместо газеты на дно мусорного ведра. Одноразовая посуда! Милый сердцу «Дзиннь!» на всех загородных пикниках и стихийных праздниках сменил глухой «чпок».

Одноразовыми (до первой стрелки) стали женские капроновые колготки. Сегодняшние гламурные барышни даже не догадываются о том, как их предшественницы по вечерам поднимали побужавшую по капрону петлю тонюсеньким крючком, чтобы заделать незаметно стрелу, избежав грубых стежков ниткой. На уроках домоводства нас учили штопать, перелицовывать вещь, ставить заплатки... Современные вещи летят в помойку, подчас не имея ни пятнышка, ни дырки, ни катышков. Немодно в этом сезоне. Тренд другой — ничего не попишешь...

Обувь, на которую раньше копили, а «урвав», носили десятилетиями (мне две пары таких экземпляров досталось — одна от бабушки, другая от мамы), непременно чинили. Меняли набойки, делали накаты... Сейчас покупают на сезон. Иногда просто для одного-единственного мероприятия.

Одноразовыми стали и такие мастодонты советского быта, как домашняя техника и автомобиль. Чтобы добиться этого, производителям пришлось, конечно, попотеть — нанять самую дешевую рабсилу в Китае, закупить самый низкопробный материал и т. д.

Стиральные машинки и холодильники выпускают с гарантийным сроком 3 года. Редкие экземпляры работают без поломки дольше. Это вам не кургузый холодильник ЗИЛ, который, отпахав без продыха полвека, уезжает в добром здравии пахать на дачу.

Далеко не каждый чинит сломавшийся телевизор, холодильник, стиральную машину. Зачем? Проще купить или взять в кредит новую технику. Никто не осудит.

Автомобили... Вы помните, как раньше мужики собирались в гаражах по субботам и паяли, перебирали, полировали, латали своих «ласточек»? Перемазывали движок, заливали присадки для его лучшей работы, переставляли железко, купленное на разборках, красили кисточкой? Теперь так поступают единицы. Из «лохматок» выжимают последние соки и бросают их при первой же серьезной поломке на пустырях, обочинах и во дворах. За зиму они превращаются в «подснежники». Машины подороже используют до тех пор, пока движок резвый и коробка передач не нуждается в переборке. Потом продают по дешевке (тем, кто хочет возиться, или перекупщикам) и покупают новое авто, такое же недолговечное. Про стационарные и мобильные трубки, про DVD-плееры и прочую мелкую бытовую технику и говорить не приходится. Она идет в расход как перчатки...

Одноразовость вкрадчивым туманом вползла в нашу жизнь и раскошегарила на полную катушку «цикл потребления». Почти всем, кто принял эти правила игры, стало комфортнее и проще жить. Мы с раздражением корим сво-

их стариков: «Да выбрось ты эту шубу и дедовы валенки с галошами, ну и что, что хорошие? Зато громоздкие, старые, неудобные! Зачем тебе эти коробочки и упаковки? Не стирай пакеты, они одноразовые!» И вроде бы все эти перемены к лучшему, ведь если бы вещи носились и использовались долго, чинились и латались, то мелкие и крупные производства простаивали бы, дожидаясь, когда их качественную вещь сносят, ломают, выведут из строя несколько поколений владельцев. Тогда бы с развитием технологий и ростом производственных мощностей замаячила б на горизонте поголовная безработица... А так колесо одноразовости перемелет все: одни бешено производят некачественный, по сути, одноразовый товар, другие бешено его облекают в манящую упаковку, третьи остервенело его пиарят, а «пипл», как известно, все это «хавают». И все при деле.

Но перемелет ли земля в таком количестве все отходы, обломки и ошметки нашей одноразовой жизни? Если в эру до технического прогресса на свалках быстро и мирно разлагалась бытовая органика, то современные пластик, стекло и металл могут отравлять почву десятилетиями. Одноразовой бутылке из-под газировки, выпитой сегодня, суждено просуществовать еще век, пережив и своего создателя, и потребителя. Полиэтиленовому пакету, который после магазина вместе с другим мусором отправится на свалку, жить еще порядка 200 лет (возможно, именно так до наших потомков дойдут сведения о «Пятерочках» и «Лентах», «О,Кеях» и «Магнитах»). Пластмасса же и вовсе будет разлагаться полтысячи лет!

Выходит, что тяга к комфорту и такой удобной «одноразовости» превращает каждого из нас в фабрику по производству мусора. М-да... безрадостная получается картина, и я, признаться, один из ее пазлов... (2009. 24 апр.).

Нет ничего предосудительного в том, что каждый стремится к максимальному удобству и комфорту. Но каждому полезно знать, какой ценой за наш комфорт будут расплачиваться будущие поколения. Если хотя бы кто-то после этого разговора начнет относиться к вещам вокруг себя более осознанно, то это может улучшить состояние окружающей среды. Я знаю многих, кто, осознавая эту проблему, уже отказался от погони за одноразовостью во всех сферах жизни. К слову, в гостиницах российских городов появились обращения к постояльцам, в которых гостей просят кидать полотенца на пол, если ими больше не намерены пользоваться. При этом ненавязчиво рассказывается, насколько меньше идет нагрузки на природу (порошок, электричество, вода), если одним полотенцем пользуются хотя бы два дня вместо одного.

4. Нашего хочу!

В глубококом детстве моя мама несколько лет прожила в Китае. Ее отец был одним из ведущих инженеров-гидростроителей СССР, и в его светлой голове нуждались не только на советских плотинах Сибири и Дальнего Востока, но и в дружественных соцстранах. Так дедушка с семьей оказался в Китае. Возвращаясь из длительной командировки домой в Ленинград, они с бабушкой привезли оттуда кое-какие вещи. Одна из них навсегда врезалась в мою память.

Это была невероятная фарфоровая двойка: заварочный чайник с загнутым на восточный манер длинным тонким носиком на круглом плоском подносе с бортиком. Чайник был желтым, с крошечными малиновыми бутонами на фиштакшковых веточках. Последние изящно вплетались в замаскированные под узор голубые иероглифы. Невероятный чайник! В детстве мне не разрешалось к нему прикасаться — слишком хрупкая была вещица, чтобы давать ее в руки ребенку.

«Это же китайская вещь!» — торжественно подняв вверх указательный палец, сообщала мне бабушка всякий раз, когда я проявляла к нему интерес. К счастью, любоваться чайником на расстоянии не запрещалось, и я часами разглядывала замысловатые загогулины, наслаждаясь невиданной доселе яркостью красок. Позже, оставшись дома одна, я так рассмотрела этот шедевр «руками». На обратной стороне блюда имелся бордовый штамп: «Made in China». И я воображала, какая же красивая, должно быть, жизнь в этой самой «Чайне», где даже чайники — целые произведения искусства! Словом, я четко уяснила с детства: фраза «Сделано в Китае» — синоним высочайшего качества.

Уже не помню, когда и как произошел в моем сознании полный перевертыш. Не помню, сколько понадобилось лет, покупок и разочарований, прежде чем, унимая ревущего ребенка, игрушка которого сломалась через полчаса после ухода гостей, я начала увещевать его все той же бабушкиной фразой: «Это же китайская вещь!» Только с совсем другой, утешительно-примирительной интонацией. Мол, чего от нее ждать? В лучшем случае она быстро сломается, в худшем — вызовет аллергию или будет выброшена после вскрытия упаковки из-за подозрительного химического запаха.

Я знаю, что на этом месте многие захотят мне возразить: не все китайские товары одинаково некачественны. Да, я в курсе, что существует огромная разница между фабричным и кустарным «китаем». Я также прекрасно понимаю, что Китай одевает, обувает, развлекает и кормит едва ли не весь мир. И что перед соблазном воспользоваться дешевой, послушной и безотказной рабочей силой этой страны не могут устоять даже самые известные европейские производители. Безусловно, при этом европейцы контролируют производство, сами чертят схемы и лекала, проводят сертификацию качества и прочее-прочее. А потом судятся с другими китайскими производителями, которые вдруг разработали совершенно такую же модель чего бы то ни было. Бизнес есть бизнес — тут действуют свои законы, и это в общем-то понятно.

Но мне непонятно другое: как объяснить ребенку, почему «все вокруг китайское» и почему мы не можем покупать вещи, на которых было бы написано «Сделано в России».

Сегодня на форумах в интернете люди обмениваются советами, как обойтись без китайских товаров и где искать им альтернативу. «Нет российских носков? Покупайте украинские или белорусские. Если в продаже только китайский текстиль — старательно ищите турецкие рубашки, джинсы и трусы. Ведь получилось же прожить год без китайских товаров у американской тетки!» — консультирует один из пользователей Сети тех форумчан, которые хотели бы поддержать отечественного производителя, но не могут найти его товаров.

...Пока я писала эту колонку, у сына стряслась очередная «трагедия» — вышел из строя купленный вчера водный пистолет. Для отдыха на море это — прекрасная игрушка. Но российских или каких-либо иных аналогов китайским водным стрелялкам на курорте нет. Приходится покупать имеющиеся — с надеждой на то, что такая игрушка прослужит хотя бы неделю-другую.

— Есть хоть что-нибудь на свете, что сделано не в Китае?! — в сердцах восклицает расстроенный сын и доламывает некачественную игрушку.

— Есть, — отвечаю я с улыбкой, — ты сделан не в Китае. Ты и твои друзья. И когда вы станете большими, вы сможете что-то изменить в этом мире. Возможно, даже сумеете сделать так, что ваши дети и внуки не будут задавать вам подобных вопросов. А штампик «Сделано в России» можно будет найти на самых разных товарах отменного качества. Во всяком случае, мне очень хочется в это верить... (2010. 17 авг.)

Эта проблема возникла не за один день, и даже не за один год. Более того, она знакома не только россиянам. Но и мириться с ней совсем не хочется. Тут уж точно в одиночку ничего не сделаешь, хотя люди задумываются над этой проблемой и искренне хотят изменить эту ситуацию. Что мы можем сделать сегодня? Только менять сознание людей, убеждать их в том, что такое положение дел — не норма. И прецеденты уже есть. В частности, американская журналистка Сара Бонджорни поставила эксперимент «Один год без китайских товаров». Его подробности она описала в одноименной книге, которая стала в Америке настоящим бестселлером.

5. Жизнь в кавычках

О времени, в котором мы живем, очень многое могут поведать жесты, которыми люди традиционно обмениваются. Пару веков назад самым распространенным жестом в среде наших предков было крестное знамение. Люди, пере-

жившие войну и блокаду, навсегда приобретали другой жест — сметание со стола хлебных крошек ловким ковшиком из сложенных пальцев, а затем забрасывание их в рот. В пионерскую эру все пионеры ежедневно воспроизводили мах рукой по диагонали над головой — салют. В отвязные 90-е самым популярным жестом стал выброшенный вверх из кулака средний палец руки...

Сейчас мне в глаза постоянно бросается жест, который, на мой взгляд, является символом нашего времени. Как он выглядит? Указательный и средний пальцы руки (или обеих рук), зависнув в воздухе в виде латинской V, делают два стремительных сгиба-разгиба. Это — виртуальные кавычки, в которые следует мысленно взять сказанную только что фразу. Этот жест носит условное название «как бы», а если передать еще и его интонацию, то звучать это будет, например, так: «У нас «кагбэ» решена проблема с безработицей...»

Не знаю, как вас, но меня это «кагбэ» преследует всюду. На каждом шагу в Петербурге стали открываться новые интернет-клубы. Кому они нужны, спрашивается, когда в каждом доме есть скоростной интернет? А если не в доме, то в мобильнике, в кафе, на работе, в ноутбук? Понятно, что это «кагбэ» интернет-клубы — по документам и для всевозможных проверок. А по сути — залы игровых автоматов. Но при всей очевидности подмены прикрыть такое заведение невозможно — пресловутое «кагбэ» дает огромное поле для маневров заинтересованным лицам. Одни играют в то, что у них «кагбэ» безобидный интернет-клуб», другие в то, что они «кагбэ» в это верят.

Несколько лет назад в Петербурге шла кампания по борьбе с поборами в садиках и школах. Все мигом приструнились. И теперь у нас в садиках «кагбэ» нет поборов. Зато есть обязательные платные кружки, которые ведут те же воспитатели и не в дополнительное время, а в часы, отведенные для официальных игр и занятий. И «кагбэ» добровольные спонсорские пожертвования. Прием детей в садики ведется через специальные комиссии, и проблема блата при устройстве в них «кагбэ» решена, но у заведующих есть «мертвые души», «кагбэ» посещающие сад, на места которых и берутся дети очень сильно и щедро желающих.

Еще у нас в городе есть родители, грудные дети которых не переносят молочный белок. Они попросту задыхаются от любого молока — как материнского, так и коровьего или козьего. Родителям таких малышей приходится раз в три дня покупать банку соевой смеси за 500 рублей. Это очень накладно для любой семьи, а уж для находящейся в декрете матери-одиночки практически неподъемно. Правительство Петербурга предусмотрело помощь для семей, где у младенцев такие сложные пищевые диагнозы. В 2007 году вышло постановление о дополнительном ежемесячном пособии для детей с подобными проблемами — с момента установления диагноза и вплоть до трех лет. Но добровольно о существовании такого документа не расскажут ни аллерголог, ни дерматолог, ни педиатр, ни объявление на стенде в детской поликлинике. А если тот или иной родитель узнает случайно и придет требовать справку в собес для пособия, то педиатр начнет юлить как уж на сковородке: «У вашего малыша

стадия ремиссии и оснований для получения пособия — нет». Следуя этой извращенной логике, чтобы «основание» появилось, надо обеспечить ребенку острую стадию. А какая нормальная мама станет кормить малыша заведомо опасным для жизни продуктом, чтобы через пару месяцев добиться права на компенсацию? Получается, что проблема эта «кагбэ» решена, но легче от этого только городскому бюджету.

Порнография у нас «кагбэ» преследуется по закону, но за ее распространение не наказан официально ни один человек. Поэтому, скачивая в интернете детские песенки или мультики, любой ребенок рискует вдруг увидеть такое, что туши свет! В прямом и переносном смысле. Но это не порнография — это «кагбэ» эротика.

Из сотен таких «кагбэ» строится наше настоящее и меняет свои очертания будущее. Время от времени удельный вес лицемерных «кагбэ» собирается в критическую массу и происходят адские события — такие, например, как в станице Кущевская Краснодарского края, где бандиты вырезали двенадцать человек. Иллюзия того, что в Кущевской все спокойно, строилась на десятках таких вот «кагбэ»...

Что мы прячем за жестом, который не позволяет важные вещи назвать своими именами вслух? Свое безразличие? Неверие в то, что что-то можно изменить? Страх? Или просто нежелание выйти за рамки привычных и таких удобных кавычек? (2010. 23 ноября).

Тема коррупции и недобросовестного исполнения своих обязанностей должностными лицами всегда находится на острие журналистского пера. Сегодня она взята на особый контроль и в Кремле. Но искоренить это зло в одночасье невозможно. Где корни этого явления, почему проблемы решаются формально, на бумаге, для галочки — эту тему поднимает в колонке автор. К сожалению, для российского общества пока все еще более характерны родоплеменные отношения, где главным становится не торжество единого для всех закона, а точное знание того — по меткому выражению коллег-журналистов, — «кто кому Вася».

6. Петербург болен зимой. Город терпит...

С тех пор как Петербург завалило снегом, лица горожан изменились. Потухшие глаза, сосредоточенные взгляды, поджатые в гримасе недовольства губы, напряженные мышцы — с таким выражением лица люди обычно терпят глухую головную боль, нотации начальника или стояние в длинной, но важной

очереди. Но сегодня такая мина у жителей северной столицы вызвана неразрешимыми тяготами зимы и стала уже практически «фирменной». Очевидно, что город смирился и терпит.

Это в прошлом году зима застала петербуржцев врасплох, стала новостью для всех, погнала по жилам горячий адреналин напополам с желчью. Это в прошлом году метровые сугробы, нерасчищенные улицы и тротуары, гигантские сосульки и пробитые крыши вызывали бурю народного негодования, активного протеста и горькой иронии. Тогда люди пытались достучаться до власти, всюду писали, кричали, митинговали, возмущались. А многие горожане, не дождавшись милости от властей, вооружились лопатами и вышли на свою войну со снегом. И никто не сомневался, что «уроки зимы-2009/2010» будут учтены властью раз и навсегда. Ближе к весне, когда правительство заваливало своих подданных отчетами о закупленной технике, о выделенных на ее освоение средствах, об уволенных нерадивых чиновниках, петербуржцы еще сердились. Но тем не менее верили в искренность раскаянная власти, равно как и в то, что ею «предпринимаются все меры для обеспечения...» и т. д. и т. п. Но даже самые отъявленные пессимисты и представить себе не могли, что следующей зимой практически весь сценарий вновь повторится точь-в-точь. Казалось бы, прошлая зима так дискредитировала городскую власть в глазах жителей, что в нынешнюю зиму ей придется либо вылизать весь город, либо сделать себе публичное харакрири. Но наступила новая зима, а с нею полное безнаказанное дежавю.

Осознание этого факта настолько невероятно, что у горожан произошло нечто, похожее на паралич гражданской воли. И сегодня — заметьте — люди уже не возмущаются так искренне и сильно, как в прошлом году. До них наконец дошло, что все бесполезно, и остается только смириться и терпеть. И они смирились. Медленно и осторожно семенят нынче понурые петербуржцы по расчищенным, но скользким как каток неровным тротуарам. Медленно и неуклюже продираются к домам по узким «охотничьим» тропам, которые образовались на тех заснеженных тротуарах, на которые за несколько недель так и не добралась уборочная техника. Молча и без возмущенных возгласов, с выражением сдержанной безразличности и полной безысходности наступают они в жидкую жижу по щиколотку между проезжей частью и тротуаром, чтобы перейти дорогу. Это «мертвое петербургское море», состоящее из соли, жидкого снега и грязи, разлилось у всех пешеходных переходов, поскольку в эту прилотовую зону скидывают весь имеющийся снег как и с тротуаров, так и с середины проезжей части.

Но все же мои впечатления о нынешней зиме были бы неполными, если бы я не рассказала читателю о том абсурде, который наблюдаю уже третью неделю. Пробираясь к метро сквозь снежные заносы, я ежедневно вижу работающую дорожную технику на тротуарах и внутренних проездах Богатырского проспекта. Поначалу я даже подумала, что люди и машины дружно убирают снег. Но я ошиблась. Участок за участком люди в рабочих комбинезонах раз-

гребают снег лишь для того, чтобы добраться до асфальта, раскрошить его в труху, соскести и уложить сюда тут же новый асфальт. Этого ремонта (пешеходной части Богатырского проспекта в районе станции метро «Пионерская») жители микрорайона ждали лет двадцать. И нынешней осенью чудо наконец свершилось. Однако зима, как обычно, наступила неожиданно. Но вместо того чтобы остановить бессмысленные работы до весны, исполнители оных стали остервенело их доделывать — и тогда, когда еще только начался продолжительный снегопад, и тогда, когда город уже завалило метровыми сугробами.

Вероятно, бюджетные средства на эти работы необходимо освоить до нового отчетного года, а значит, остановить этот абсурд невозможно. Разве что выносить на рассмотрение в Госдуму законопроект об обратном переносе даты наступления нового года с 1 января на 1 сентября, как это было на Руси несколько веков вплоть до 1700 года. Может быть, когда с освоением бюджетных средств на дорожные работы надо будет уложиться до августа, одной бедой в России станет меньше? (2010. 15 дек.)

Повод для разговора в данной колонке — развал системы городского коммунального хозяйства, который начался в 90-х годах. Очевидно, что чиновники профильных комитетов попросту не могут справиться с проблемой уборки города. Не помогает ничто — ни серьезные финансовые вливания, ни новая техника, ни распекания и выговоры губернатора города, ни отряды работников из стран бывшего союза. Вывод один: не работает система. И петербуржцы за две зимы это прекрасно поняли.

Но смириться и принять такое положение как должное невозможно, поэтому журналисты, подогреваемые гневом горожан, не выпускали эту тему из поля зрения ни на одну неделю. Это как раз тот случай, когда много не бывает. Когда автор понимает, что тема, мягко скажем, не нова, но должен найти новый подход, потому что его читателям необходима и полезная информация, и конструктивная критика ответственных лиц, и эмоции, и сочувствие, и поддержка. В разговор на тему в общем автором был вставлен небольшой сюжет-картинка, который лучше десятков других фактов характеризует отношение к своим обязанностям со стороны коммунальных служб. Укладка асфальта поверх снега — вот факт, мимо которого не прошел бы ни один советский фельетонист. Тема, как и предполагалось, оказалась близка большинству читателей и вызвала много откликов.

ИСПОВЕДАЛЬНАЯ КОЛОНКА

Пищей для размышления в колонках подобного типа становятся не внешние события, а некие движения души на внутреннем плане. Поводом для такой колонки может стать сущий пустяк: случайно оброненная фраза или увиденная на улице мимолетная сценка, обрывочное воспоминание или ряд второстепенных деталей. О том, как из подобных мелких штрихов рождаются яркие образы, писала Марина Цветаева: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Сами по себе подобранные автором детали зачастую ничего не стоят, но, проходя через призму авторского взгляда, мироощущения, размышления, они могут наделяться особым смыслом и рождать причудливые мысленные узоры, новые неожиданные образы, близкие и понятные многим людям. У автора подобных колонок, как правило, нет цели выявить, обличить и высмеять какое-либо социальное зло, у него нет и претензий к социуму и власти. Он рассуждает о жизни, о вечных ценностях, о чувствах, обращая внимание на что-то такое, что невозможно разглядеть на бегу в повседневной суете и что может стать важной пищей для души. В литературе такой метод познания окружающего мира называется творческой рефлексией. На мой взгляд, колонки, которые будут представлены в этой группе, не нуждаются в детальном анализе. У всех у них есть нечто общее. Во-первых, обилие фигур речи и тропов, характерных для художественных текстов. Благодаря этим выразительным средствам языка тексты приобретают многоплановость и многозначность. Во-вторых, благосклонность читательской аудитории. Читатели оставляют комментарии такого плана: «Спасибо автору», «Нет слов...», «Решила позвонить сегодня маме и помириться». Внутреннее послание автора такой колонки к читателю можно упростить до формулы: «Я открываю перед тобой душу и буду рад, если ты найдешь в этом что-то важное для себя».

1. Вверх по лестнице, ведущей вниз

«Инна, срочно спустись на вахту — к тебе пришла бабуля с палочкой, которая не может подняться на 3-й этаж!» Кладу телефонную трубку, сбегаю по ступенькам. Потер-

тый шерстяной костюм, на пиджаке воротник из лисицы, выеденный молью, а возможно, даже погрызенный собаками. Своей смертью эта лисица умерла бы, наверное, лет 30 назад...

Она начинает говорить, и ее образ становится четче. Далекая пенсионерка неожиданно превращается в... коллегу по цеху. Передо мною бывший журналист-фотокорреспондент, некогда сотрудница пяти газет, блокадница, коренная петербурженка из тех, что «будьте любезны... простите великодушно... не изволите ли...». Ей есть что рассказать этому миру, она безумно хочет внимания, как в былые времена, но ее эпоха ушла. Кругом молодые и энергичные, все несутся по делам, торопятся. Я переминаюсь с ноги на ногу — сдача номера, время не ждет, и вдруг я чувствую ее волнение. Она суетится, спешит что-то сказать, запинаясь... И вовсе не оттого, что пришла в редакцию — она здесь раньше работала, — а оттого, что вернулась в свою молодость, пусть ненадолго, но снова в самый поток жизни. И сейчас она больше всего боится, что ее не дослушают и вежливо отошлют, как, наверное, это делали в других местах уже десятки раз.

Почувствовав это, я замираю и понимаю, что буду слушать сколько нужно. Я оставляю свои попытки к бегству, и в моих глазах появляется что-то такое... Словом, она сразу понимает — это зеленый свет, и сейчас нужно говорить, говорить, говорить без остановки, пока снова не замигает желтый. Я не перебиваю, просто слушаю, склонив голову, и впитываю как губка. Теперь я знаю, как из 22 человек, живших в коммунальной квартире, их осталось только трое — остальные умерли от голода; как один ее сосед съел Мурку — она была упитанной, потому что проблем с продовольствием у кошек не было — крыс пруд пруди. После этого у него начался кровавый понос, пока везли в больницу, скончался.

Свет еще зеленый в моих глазах, она вдыхает больше воздуха и продолжает: потом их втроем с мамой и бабушкой эвакуировали, и там, под Кемерово, было еще хуже — поселили на ферму к нацменам, судя по ее жесту — натягивание уголков век, — это был какой-то азиатский народ, скорее всего горные шорцы. И относились к ним еще хлеще: хлеба давали не 200 граммов, как в блокадном Ленинграде, а 150, и то только ей, молодой, за то, что хворост для них заготавливала в тайге. А потом она ушла с этого хутора — прошла за сутки 90 километров, — чтобы найти в соседнем городке, где добывали уголь, хоть какой-то угол и пропитание для мамы и бабушки и работу для себя. Нашла...

В моих глазах еще зеленый, я смирилась, но уже вздыхает вахтерша — эти разговоры по определению бесконечны, и ей они мешают работать. «А приходите ко мне в гости — так хочется кому-то все рассказать!» — вдруг пресекает свой рассказ моя собеседница. В глазах надежда. Я вежливо улыбаюсь: «Спасибо!» Она уходит, благодаря на ходу. «Если, — говорит, — моя заметка подойдет, я не откажусь от гонорара, хотя пенсия у меня хорошая, не подумайте, я не нуждаюсь».

Я иду в кабинет — по лестнице вверх, она к выходу — по ступенькам вниз. Как символично. В параболе моей жизни кривая подходит к пику, к самой вершухе. В ее жизни — уже давно перевалила его и неудержимо стремится вниз. Я иду в людской поток и уношу в душе кусочек ее пронзительного одиночества. Зараза более стойкая, чем грипп. Когда-нибудь я тоже буду снизу вверх заглядывать в глаза какой-нибудь молодой журналистке и, пытаюсь заглушить тоску по молодости и острое ощущение своей никомуненужности, стану торопливо ей рассказывать, что я тоже была когда-то журналисткой, неплохо писала и даже была на хорошем счету. И меня, возможно, выслушают из вежливости. А потом аудитория неминуемо закончится. И она — молодая, смешливая, дерзкая — вспорхнет легко по лестнице вверх, в гущу событий, в самое сердце информационного потока, оставляя меня, заболевшую ностальгией по молодости, на лестнице, ведущей вниз.

В руке мятая папка, в ней старые черно-белые снимки, исписанный неровным почерком листок, на ней — домашний телефон... А может, решиться и сходить в гости? (2008. 31 июля).

Название колонки — это прямая аллюзия на роман американской писательницы Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». И хотя роман про школьные будни, по утверждению автора в предисловии, в его основу легли «беззвучные крики людей (в письмах), которые надеются, что их услышат». Местом действия становится реальная лестница, которая трансформируется в метафору жизни. Кто-то еще только поднимается вверх, кто-то уже не может подняться и идет вниз. Есть лишь миг, лишь одна ступень, на которой случайно пересекаются незнакомые люди, идущие в разные стороны. У них много общего, но жизнь диктует свои правила, и скорее всего, испытав на миг острый интерес друг к другу, они снова разойдутся уже навсегда. И каждый пойдет своей, предначертанной ему одному, дорогой.

2. Ностальгия

О феномене социальных интернет-сетей, пожалуй, не сказал только ленивый. Противники этих ресурсов называют их убийцами времени. Сторонники, напротив, способом расширить свои рабочие и бытовые связи. Для многих анкета на этом сайте становится едва ли единственным способом познакомиться и даже создать семью. Для меня же сайт «Одноклассники» стал бездонным колодезем собственной ностальгии.

Вряд ли меня поймет тот, чьи основные вехи биографии касаются одного и того же места на земле. Роддом, садик, школа, институт, работа — все люди, которые окружали его в этих местах, до сих пор, как правило, так или иначе присутствуют в его жизни — кто-то живет в соседнем доме, с кем-то сталкиваешься по работе, а иного случайно нет-нет да и встретишь в транспорте или на Невском. Я всегда была лишена такой возможности — потянуть за ниточку, тянущуюся из детства. Мои родители в молодости уехали на всесоюзную ударную стройку Колымской ГЭС, и в родной Петербург мы вернулись лишь тогда, когда я пошла в 11-й класс. По сути, все детство прошло на далекой, суровой и заснеженной Колыме. Вернувшись в Питер, выдирали ее с корнем. Несмотря на всю красоту родного города, здесь все было не так: не наметало сугробов величиной с твой рост, не случалось нормальных морозов, люди запирали двери на замки, а водителю «полутки» нужно было заплатить. Там тоже почти ничего не осталось. В начале 90-х, после того как в мой поселок не пришло топливо для котельных (ледокол то ли не дошел, то ли был разворован в пути) и поселок полностью разморозило, люди стали бросать насиженное место и тысячами разъезжаться кто куда.

Казалось, детство утрачено безвозвратно. Почти нереальными казались мизансцены из той жизни. Например, тетя Клава, сторож в артели старателей-золотодобытчиков, которая со смехом рассказывала моим родителям, как напугали ее однажды в ночи хлопки, словно выстрелы. А оказалось, мишка на склад со сгущенкой и тушенкой забрел. «Вышла на шум, смотрю, — говорит тетя Клава, — а он банку подкидывает, двумя лапами ее в воздухе глушит, она лопается, и содержимое ему в пасть выплескивается. Ну, думаю, проказник, напугал. Выставила ему жбан с пищевыми отходами за смену, и сарай закрыла на висячий замок, чтобы снова не забрался и спать мужикам в соседних балках не мешал». И не с кем теперь было вспомнить «страшилки» своей юности — как две девчонки на дискотеку в прозрачных колготках пошли, а от мороза капрон сплавился и к коже намертво прилип.

В общем, все те люди, что сформировали цветной kaleidoscope событий под названием «мое детство», исчезли навсегда. Остались где-то далеко нереальными картинками, как старый фильм, который записали когда-то и положили пылиться на самые потаенные полочки души. А тут вдруг раз — и «Одноклассники!» Каждый месяц жизнь мне возвращает потерянное. Виртуальные сети приносят мне — нет, не мертвеца, хотя и такое, увы, бывает — они приносят мне мальчика или девочку, а теперь уже здорового мужика или взрослую женщину, как правило, маму одного-двух детей, из моей школы. Фигуры памяти оживают, становятся выпуклыми, в душе появляется неопишемое волнение. Значит, все это был не сон, не другая реальность. И сегодняшняя жизнь — естественное продолжение тех ярких сюжетов, которые начались в детстве. Иногда случаются и очень трогательные моменты. Так, получаю письмо от женщины моего возраста с незнакомыми именем и фамилией, а она пишет так, как будто мы вчера расстались: «Привет, Инночка, как дела? Как твоя жизнь?» Ее

лицо мне смутно знакомо, но кто она? Я не могу успокоиться, а прямо спросить — неловко. Перерываю весь домашний фотоархив, и — о радость узнавания! — вот она, сидит в платье в горошек в первом ряду моей детсадовской группы. Детский сад! Можете себе представить? Четверть века мы друг о друге ничего не знали и знать не хотели, а тут она мне через тысячи километров из далекого Магадана: «Привет, Инночка! Как дела?» И так буднично, так непринужденно. И что забавно — на «вы» мы действительно не переходили, так что все в порядке, мне остается ответить: «Привет, Лариска! Как ты? Муж? Семья? Дети? Кем работаешь?»

А на днях меня нашла девочка, с которой мы сидели весь первый класс за одной партой. Оказалось, что судьба два года назад забросила ее в Петербург... Думаете, мы будем встречаться? Пожалуй, нет. Опыт показывает, что на одном-двух письмах переписка заканчивается, ибо больше сказать друг другу нечего. Выходит, это все не нужно, пустая трата времени? Для меня ответ однозначен — нет. От того, что все эти люди снова заполнили собой пустующее пространство моей жизни, на душе тепло и светло. И хотя, просматривая фотографии одноклассников и мест, где я выросла, я поддаюсь необъяснимому сплаву чувств — светлой грусти, волнения, радости, любопытства, а порой и свербящей в груди тоски, они мне все равно нужны. Хотя бы потому, что все эти люди заполнили много лет существовавшую брешь в общем панно моей жизни (2008. 11 окт.)

Несколько лет назад темы стремительного роста популярности социальных сетей и влияния их на жизни рядовых граждан обсуждались в обществе очень активно. Эта колонка — еще одно личное мнение в копилку высказываний о социальных сетях.

3. «А за ним бежали гунны и кричали...»

Белобрысый школьник сидел и с увлечением читал интересную книгу. Какой-то приключенческий роман. В комнату вбежала его мама и велела срочно одеваться — они опаздывали на концерт. Он пробежал пару строк до конца листа и запомнил номер страницы. Загибать углы было некрасиво — книга была чужая. Поэтому он решил для верности запомнить фразу, на которой остановился. На ней же заканчивалась страница. И вернуться к чтению с этого самого места, лишь перевернув страницу.

Фраза была такая: «А за ним бежали гунны и кричали...» Она намертво впечаталась в сознание мальчика, и теперь он ни за что не забыл бы то место, на котором резко прекратил читать, но...

...Когда они вернулись, книга перекочевала к старшему брату, потом ее попросил сосед, потом ее отдали хозяину, в библиотеке такая же книга оказалась у кого-то на абонементе. В общем, он так ее и не дочитал. Со временем сюжет

растаял в памяти, как рафинад в стакане горячего чая. Остался лишь приятный привкус какого-то приключения. Потом он забыл имя автора. Но глущее любопытство, что же кричали эти самые гунны, осталось.

Прошло время, мальчик окончил школу, но память все еще держала эту завешуюся намертво фразу и не отпускала. Откровенно говоря, он уже забыл, за кем бежали гунны и кто такие эти самые гунны. И даже причину погони он не мог воссоздать в воображении. Но вот желание узнать, что же они кричали, не проходило.

Прошло несколько десятилетий с того момента, как мозг сделал мысленную закладку, состоящую из семи слов: «А за ним бежали гунны и кричали», а ощущение недочитанной книги так до конца жизни и не покинуло моего отца.

Он поведал мне эту историю, когда я была совсем еще маленькой девочкой. И с тех пор, читая приключенческие книги, я всегда подспудно ждала, я очень надеялась, что где-нибудь в конце страницы я увижу заветные семь слов, после чего с невероятным трепетом переверну страницу и прочитаю наконец, что же кричали эти несчастные гунны! Я брошу все, я наберу номер из семи цифр и буду, захлебываясь от волнения, кричать в трубку: «Папа, папочка! Я знаю, что кричали твои гунны! Они кричали...» Но, увы, я не успела этого сделать. Папы не стало, а я так и не узнала, что же кричали эти чертovsky гунны...

...Недавно мой сын научился читать, еще неуклюже, еще по слогам. Но он уже с любопытством рассматривает полки с книгами. Их страницы наполнены невероятными историями сказочных смельчаков, индейцев и пиратов, разбойников и золотоискателей. Скоро он окупнется в этот потрясающий воображение мир. А я спустя какое-то время расскажу ему эту историю. И, читая приключенческие книжки, он будет внимательно следить за поступками гуннов, если оные случатся среди героев выбранного им чтива. И, может быть, однажды, спустя многие годы, в моем доме раздастся телефонный звонок. Я уберу за ухо седую прядь и приложу к нему трубку. И из ее динамика взрослый солидный голос моего сына звонко и возбужденно прокричит мне те самые заветные слова, которые за всю нашу жизнь так и не прокричали замолчавшие с закрытием книги загадочные гунны. Только бы он успел... (2009. 14 окт.).

На первом плане — несущественный факт личной биографии очень важного для автора человека. Постепенно этот факт, в основе которого небольшая деталь, становится некой семейной историей — ниточкой, которая связывает воедино несколько поколений семьи. На втором плане размышления на вечные темы — семейные традиции, любовь, сохранение памяти, быстротечность жизни, реальные жизненные ценности.

4. «Держи лентяйку в черном теле»

Я долго над этим думала. Я искала ответ на эти мучительные «почему». Почему я все время тороплюсь и при этом все равно опаздываю? Почему позволяю себе то, что не позволила бы раньше? Почему я не делаю уборку каждую субботу, как это было принято у нас в семье? Почему регулярно не готовлю домочадцам завтраков, обедов и ужинов? Почему не каждый вечер читаю сыну на ночь книжку? Почему чаще делаю то, что хочу, и гораздо реже то, что нужно? Почему спать хочется больше, чем работать? Почему я не сдерживаю всех своих обещаний? Почему засыпаю над книгами? Почему часами сижу в интернете, когда вокруг столько незавершенных дел?

Я не была такой раньше. Определенно не была! Помнится, готовилась к вступительным экзаменам в университет по 18 часов в сутки. Не гуляла с друзьями, не смотрела ТВ, не ходила в кино, не слушала музыку, не нежилась на пляже... Я училась столько часов подряд и могла отказать себе во всем остальном. Во всем, чего так жаждала каждая клеточка моего тела, каждая фибра моей молодой души.

Что изменилось потом? Неприятно сознавать, но это факт: в мою жизнь вкрадчивым туманом вползла распущенность. Да, я стала распущенна. Но не так, как женщина, стоящая в кожаной мини-юбке на обочине оживленного проспекта. По-другому. Я стала взрослой. Стала зарабатывать сама. У меня появились возможности. Я перестала зависеть от родителей. Перестала бояться сделать что-то не так. Я стала решать все сама. И вот тут-то все и началось.

Я стала давать себе поблажки. Сначала маленькие. Потом больше. А затем лень развилась в душе большой наглой рыжей кошкой. Я перестала так напрягаться, как раньше. Ведь я взрослая. Никто не отругает меня за невымытую посуду. Я могу себе преспокойно это позволить. Сколько хочу. День. Два. Три. Могу лечь поздно. В час. Два. Три. И встать поздно. Могу опоздать. Я взрослая — меня не поставят в угол. Теперь я могу диктовать своему ребенку условия. В своей жизни главной стала я. И моя жизнь от этого пострадала.

Я стала разговаривать на эту тему с разными людьми из своего окружения. И почти все мне признались, что они чувствуют эту распущенность в себе и что она растет с годами. Ведь становится все труднее и труднее заставить себя сделать то, что «ломает» делать. Все чаще мы с усилием «выковыриваем» из жизни лишь то, что действительно крайне необходимо сделать, или лишь то, что очень-очень хочется. Многие обязанности мы снимаем с себя и доверяем сделать за деньги специально обученным людям. Или приборам. Куда делась самодисциплина, ответственность, строгость по отношению к себе?

Меня очень волнует этот вопрос. И мне кажется, что где-то именно в эти годы, после 30, он начал волновать моего отца. Во всяком случае, когда я еще училась в школе, очень хорошо училась, делала уроки, занималась спортом и танцами, много читала и никогда не опаздывала в школу, он принес и положил мне на письменный стол вырезанное из газеты стихотворение Николая Забо-

лоцкого. Мне понравился образ, стиль и мощный слог. Но тогда я не оценила его по-настоящему. Сейчас, когда я чувствую, как моя распушенность пускает корни в мою волю, когда я понимаю, что она начинает контролировать и перекраивать мою жизнь, я вспоминаю строфы этого стихотворения и повторяю их про себя как молитву, способную обуздать это растущее, незаметное глазу зло. «Не позволяй душе лениться, чтоб в ступе воду не толочь, душа обязана трудиться, и день и ночь, и день и ночь!» — звучат в голове слова, и я в который раз беру себя в руки и заставляю делать то, что не хочется, но надо. «Не разрешай ей спать в постели, при свете утренней звезды, держи лентяйку в черном теле и не снимай с нее узды!» — и я принимаю новый день с его заботами и хлопотами, не пытаюсь спрятаться от него (всего на полчаса!) в уютных объятиях сна. «Коль дать ей вздумаешь поблажку, освобождая от работ, она последнюю рубашку с тебя без жалости сорвет», — и я, вместо того чтобы поболтать по телефону с подружкой, иду и читаю ребенку на ночь книгу. «Она рабыня и царица, она работница и дочь, она обязана трудиться. И день и ночь, и день и ночь!» — и я продолжаю писать этот текст, несмотря на то что на дворе глухая ночь. Потому что завтра должна сдать колонку редактору этого номера (2009. 15 дек.).

Это колонка пришлась по вкусу в основном людям старшего поколения. Полагаю, им часто случалось преодолевать себя, работать над собой, не останавливаться на достигнутом и не позволять себе распутиться. Вопросы, которые поставлены в колонке, волнуют огромное количество людей среднего возраста. Многие из них характерны для периода, который психологи называют «кризисом среднего возраста». Поиск ответов на неудобные, но волнующие вопросы вместе, возможность задать себе подобные авторским вопросы, найти на них ответы или понять, что ты не один ощущаешь в себе подобные перемены, — вот нить интереса, которая связывает воедино автора и читателя, сочувствующего его мыслям.

5. Очень светлая темная история

В субботу позвонил консьерж и предупредил: света завтра не будет весь день — профилактические работы. Делать нечего: рано утром накипятили воды, заварили чай в термос, нашли огарки свечей и расставили их в стратегически важных точках квартиры. И приготовились к скучнейшему дню в своей жизни. На улице мороз. И ребенок, как назло, немного расклеился: в гости

не пойти, гулять нельзя, друзей не пригласить. Вот ведь ситуация! Трудно было представить, чем можно наполнить целый выходной день, не имея под рукой телевизора, компьютера, музыкального центра, пылесоса и кухонной плиты. Как дотянули до темноты, помню плохо — делали уроки мелом на мольберте, поставив его вплотную к окну, пару часов подремали, пару часов послонялись, лениво обсудили школьные дела. Когда за окном стемнело, домой вернулся глава семьи. С теплой курицей-гриль и комплектом длинных витых свечей.

Мы достали из кладовки старый бабушкин канделябр — босоногую девушку-богиню с беззащитно-голыми бронзовыми плечами и вздернутыми наверх тонкими руками. На них она держала витиеватую четырехрожковую конструкцию. Стерев с богини полувековую пыль, мы утяжелили ее ношу четырьмя длинными свечами. Этот необычный пылающий факел водрузили посреди круглого обеденного стола. На обоях заплясали отблески пламени, XXI век отступил.

Глядя на бабушкин канделябр, мы стали вспоминать и ее саму, и те удивительные истории про жизнь и любовь в блокадном Ленинграде. Мы по очереди рассказывали семилетнему сыну, как его прабабушка умудрилась выжить в такую же холодную зиму — не только без света, но и без тепла и еды. С грудным ребенком на руках и пожилой мамой, с сестрой и ее трехлетним сыном. И все выжили, потому что складывали пайки в единый котел, потому что бабушка задолго до самых голодных дней стала — на всякий случай — сушить сухари. За работу на рытье окопов ей давали больше хлеба, и она насушила мешок. Своего грудного ребенка и трехлетнего сына сестры кормила грудным молоком. А самое яркое впечатление — когда брат через своего друга, воевавшего под Ленинградом, умудрился передать им килограмм шоколада... Ребенок слушал нас заворожено, забыв про привычные пожиратели времени — компьютер и телевизор.

В тот вечер мы долго и с азартом играли во все настольные игры, которые только нашлись в доме, — в «Эрудит» (когда игроки из случайных букв составляют свои слова и собирают из них на поле кроссворд), в домино и в старое бабушкино лото с деревянными бочонками. Затем мы пили чай из термоса и не спеша беседовали обо всем. Камерность этой идиллии нарушили электрики — за дверью было слышно, как они решительно протопали к электрощитку, что-то там перещелкнули, и...

И в квартире, где происходило настоящее таинство общения, ожил оборвавшийся утром нерв жизни: заныли, завывли, загудели и зашипели всевозможные бытовые приборы, едва уловимо затрещали лампочки. Зазвонил телефон. Когда я положила трубку после продолжительной беседы, то нашла свою семью в разных комнатах. Муж уже разгуливал по виртуальным развалам всякой всячины, сын смотрел любимый сериал, где так тупо смеются за кадром, а на кухне с потухшей, едва дымящей, ношей на голове, стояла, ослепленная электрическим светом, старая бронзовая богиня. Ее обнаженные плечи и грудь были полностью залиты разноцветным воском. Откровенно говоря, сейчас она выглядела жалко и нелепо. Я

осталась на кухне одна — все смотрела и смотрела на эту «богиню». И мне не верилось, что всего час назад она объединяла вокруг себя всех домочадцев, даря им теплый живой свет, а их душам — теплый живой отклик (2010. 26 янв.).

В центре внимания — вечные ценности: семья, неформальное человеческое общение, душевная близость, семейные традиции. И технический прогресс, отрицательной стороной которого становится разрозненность людей, замена реального общения виртуальным, одиночество неодиноких людей, духовное разединение через потребительскую гонку. Нерв истории строится на олицетворении подсвечника в виде девушки-богини с живой девушкой-богиней, которая способна сотворить чудо единения семьи в современном мире. Если, конечно, в нем временно нет электричества.

б. Идеальный момент

Такой снежной зимы в Петербурге не было давно. Снега навалило столько, что до весны теперь только и разговоров о сугробах и сосульках, о скользких непролазных тропках и о буксующих автомобилях, о парализованных дорогах и промокших ногах. Стало уже общим местом ругать на кухнях и на форумах коммунальщиков и чиновников. И мне иногда становится даже неловко посреди светской беседы «об этом ужасном снеге» заикнуться о том, что мне по душе все щедроты нынешней зимы — и снег, и морозы, и плотные туманы.

Каждый вечер, когда сгущаются сумерки и зажигается теплый свет в окнах окрестных домов, вся суэта и проблемы угасшего дня отходят для меня на задний план. И я радуюсь этой зиме: и снегу, и легкому морозцу, и еще чему-то, сама не знаю чему. Я семеню по узкой тропке среди высоких лежалых сугробов во дворах, разгребаю сапогами снежную кашу по обочинам дорог, балансирую на скользких тропках, но нисколько не обижаюсь ни на небесную канцелярию, выдавшую белых хлопьев сверх всякой меры, ни на коммунальные службы, не умеющие справиться с этим щедрым подарком, ни на судьбу. Моему сердцу трепетно и весело продираться сквозь снежные заносы. Наверное, это из детства. В моем детстве снега было всегда по пояс. Как грязь в грязелечебнице. Или как сена на сеновале. А еще в моем детстве были целые поля не попруженного человеческого ногой, девственно чистого снега. А еще он был искрящийся — переливающийся как россыпь драгоценных камушков, особенно в свете вечерних фонарей.

Вот как сейчас перед глазами стоит картина. Мы с папой идем навещать в больницу маму. Нанесло свежего мягкого снега и потеплело — минус 20 всего. Для Колымы это благодать. Больница на самом отшибе поселка, и там мало

следов на снегу. Идем по расчищенной дорожке, а вокруг все переливается. Сами снежинки крупные, и ощущение такое, словно сказочный олень стукнул своим волшебным копытцем, — и на снегу мелким бисером рассыпались настоящие сокровища. Но главное сокровище — папина рука. Мы идем и молчим. Я чувствую себя сказочно богатой: вокруг блестящая россыпь неземной красоты, которую нельзя собрать и спрятать, нельзя отнять и поделить. Зато можно взять глазами — сколько хочешь! И сохранить в душе навсегда. И в любой момент достать и разглядеть. И вспомнить все: мягкий оранжевый свет фонарей, и тропинку к больнице, стоящей на отшибе, и папину теплую руку, и то, что мы идем к маме. И молчание. Не напряженное, а такое — необыкновенное молчание. Когда так хорошо на душе, что сказать ничего не можешь, потому что голос подкашивается от счастья и становится какой-то не твой, гнусаво-визгливый немного. Поэтому даже лучше молчать. И вот ты идешь и понимаешь, что этот момент — идеальный. Вот именно этот — идти к выздоравливающей маме, держать за руку папу, взаимно молчать, улыбаясь украдкой в теплые шарфы, и собирать глазами россыпи снежных алмазов (2010. 17 февр.)

На первом плане — тема снега. В этот период в прессе снег стал уже едва ли не метафорой социального зла. В противоположность этому, автор смотрит на снег совершенно с другой стороны. На его взгляд, снег может приносить не только неудобства и страдания. Он же, если взглянуть на это явление под другим углом, может стать источником красоты и вдохновения, природным богатством и частью незабываемого пейзажа. Главная же тема колонки — все те же общечеловеческие ценности: единение с природой, семейное счастье, воспоминания детства, забота, теплые отношения, эмоциональная близость — все то, что делает людей счастливыми. И искусство видеть позитив в том, в чем большинство видит только негатив.

7. Жил-был песец

Жил-был песец. Он был необыкновенно красив: голубоватая матово-дымчатая вуаль покрывала сверху белый нежнейший пух его подшерстка. Жил-был он давно — лет двадцать назад. Я не знаю, как его изловили: в капкан в тундре или он сразу родился на «живодерноводческой» фабрике. В любом случае жизнь у песца была недолгой. Для чего он родился? У него, наверное, были свои планы на жизнь. У тех, кто обрабатывал его шкурку, свои. У тех, кто сшил из нее шапку, свои. А у моей мамы, которая эту шапку купила, тоже свои. Я помню, как она вдохновенно красовалась после этой покупки: и так в зерка-

ло на себя посмотрит, и эдак. Но носить ее не носила. Шапки для носки она себе на спицах вязала. А эту берегла. До лучших времен.

Когда мы из длительной колымской командировки вернулись обратно в Петербург, здесь как назло зарядили теплые зимы с дождями и мокрыми снегами. И мама так ни разу эту шапку и не надела — боялась, что питерские погоды нанесут непоправимый ущерб роскошному голубому песцу с необыкновенной дымчатой вуалью.

Каждое лето мама перетряхивала любимую шапку, просушивала на солнышке, вкладывала вовнутрь несъедобные для моли тряпочки, чтобы держать форму. И на всякий пожарный погружала свое сокровище в тряпичный мешочек с россыпью сушеной лаванды.

Перед тем как провести весь этот важный ритуал, мама подолгу примеряла своего песца. Смотрела на себя со стороны, склонив голову то на один, то на другой бок, как бы оценивая отстраненно, хороша ли она в мехах. «Да, хороша!» — кивала она одобрительно своему отражению в зеркалах и молча убирала эту ценную вещь, любовно и бережно кутая ее сначала в марлю, потом в специальный мешок с лавандой, а затем уж в плотный полиэтиленовый пакет.

Шли годы. Спинка песца ветшала на антресолях. Его мех никого не грел. Разве что мамин самолюбие — она-то знала, что у нее есть натуральная шуба, кольцо с бриллиантом и шикарная песцовая шапка. А носить все это было не обязательно — жизнь ведь длинная, успеется.

В одно из летних просушиваний на балконе к песцовой шапке, лежащей на стуле, прокрался старый мамин кот. Он страдал не то мочекаменной болезнью, не то просто дурным характером, отчего мочился на все подряд. И особенно на все то, чего еще не пометил ранее. «Уделать» песца — утонченное удовольствие, дозволенное лишь избранным», — так, видимо, решил мамин кот и, изловчившись, осуществил задуманное. Мама горевала. Заливала шапку французскими духами, долго держала ее на семи ветрах. Духи выветрились — духан остался. Мама ждала, когда неявный уже кошачий запах растворится окончательно, и все надеялась, что успеет еще поносить эту шапку в свои «лучшие времена». Но жизнь оказалась короче, чем она думала. Шапка пережила и кота, и маму ненашенной. Лучшие времена так и не настали.

Когда я разбирала вещи, оставшиеся в пустом доме от родителей, я нашла эту некогда шикарную песцовую шапку. Она слегка пожелтела и скукожилась, хотя запах почти что выветрился. Сегодня она снова висит на балконе. Как обычно, проветривается. Иногда я с грустью смотрю на нее и думаю: как ее употребить? О том, чтобы носить, не может быть и речи. Просто выкинуть в помойку — не поднимается рука. Потому что тогда вообще нет никакого смысла ни в жизни самого песца, ни в мамином аскетизме, ни в сбереженных ею возможностях выглядеть шикарной женщиной.

Детский кружок мягкой игрушки — единственное, что мне приходит на ум. Может быть, там этот песец все-таки выполнит свое нехитрое земное предна-

значение? А иначе вообще нет никакого смысла ни в маленькой его жизни, ни в маленькой его смерти (2010. 25 февр.).

В данной колонке автор размышляет над быстротечностью жизни, над смыслом и ценностью жизни, над взаимоотношениями человека, природы и вещей. Трагическое и комическое часто идут рядом, и в этом тексте они, постоянно переплетаясь, рожают причудливый узор отношений между человеком и вещью, животным и вещью, животным и человеком. Главная деталь — шкурка песка, через призму отношения к которой показаны характер и жизнь важного для автора человека, которого не стало.

8. Сто пятнадцатый, вас на вызов!

Мне кажется, что я вот-вот пойму для себя что-то очень важное. И это «что-то» сделает меня счастливее. Но чтобы поймать из эфира жизни это «что-то», мне нужно немного тишины. Но с этим-то и проблемы. Тишина нынче — на вес золота.

Рано утром мою несостоявшуюся тишину — ту самую, что так хороша в момент пробуждения, — рвет в клочья громогласный брутальный мужик из будильника мужа. Он убивает ее воем сирены и требовательным окриком: «Сто пятнадцатый, вас на вызов!» К слову, «сто пятнадцатый» давно стал членом нашей семьи. По утрам его зовут на всю квартиру через каждые десять минут — ничего не поделаешь, ни один другой будильник не способен прогнать сон моего супруга. После него эстафету убийства тишины подхватывает кошка Фрося. Вообще-то она задумывалась Творцом как идеальная машина для убийства грызунов, но в ее плюшевом квартирном рае они не предусмотрены, и она душит тишину не острым, как кривая турецкая сабля, когтем, а канючащим и плачущим голодным «мяу». Далее — моя очередь добивать тишину. Свисток чайника, шум воды и много-много фраз-гвоздей, которыми приходится прибивать каждое неуместное утреннее желание спешащего в школу ребенка. Есть ведь правильная схема утра: умывание, завтрак, одевание, сбор торбы и дорога туда, где нашим «тишинам» нет места. Но малыши не ищут тишины, они, как резвые щенки, несутся навстречу свежим впечатлениям и новым звукам этой жизни.

А у меня тем временем голос ведущей новостей заглушает все бытовые шумы. Потом — рев нетерпеливых клаксонов на перекрестках, нудное до тошноты «уважаемые пассажиры...» на эскалаторах в метро. Сонм «плакальщиков» и бодрых торговцев «всем необходимым в хозяйстве» не дает сосредоточиться на чтении. В потоке людей, спешащих по ули-

цам из одних муравейников в другие, тоже нет тишины. Импульсивные и громкие переговоры на бегу начинаются задолго до рабочих кабинетов. На службе не урвать за целый день ни мгновения тишины. Трезвонит городской телефон. Он требует особого внимания — на том конце может быть «Глас народа!» Разрывается рабочий мобильник, ему вторит личный. Коллеги в кабинете обсуждают новости, выясняют отношения, планируют будущую работу... Нещадно гудит процессор, из курилки доносится смех, за окном сигналят скопившиеся в пробке автомобили — жизнь мчится на всех парах. Свист стоит в ушах от ее скорости.

В редкие мгновения «для себя», отвоеванные у жизни, я читаю книгу о загадочных процессах, что текут, невидимо глазу, в головном мозгу каждого. Теперь я знаю очень многое о том, какие гормоны дарят радость и предвкушение счастья, какие отвечают за удовлетворение и чувство спокойствия. А какие — за стресс, депрессию, усталость и страх. Я знаю, что человек усилием воли может запустить в собственном мозгу механизм выработки «хороших» гормонов. По сути, в моих руках — инструкция по выращиванию счастья. Но это пока лишь теория. Для практики не хватает совсем малого — немного тишины, чтобы можно было сосредоточиться и сделать шаг не по проторенной тропинке, а в другую сторону. Это не гарантия счастья, это просто шанс изменить жизнь к лучшему.

Я надеюсь застать тишину перед сном. Но засыпаю раньше, чем смолкнет какофония звуков, льющихся с экрана телевизора. Все тише становятся крики, мольбы, выстрелы и визг тормозов, хохот и взвинченный шепот. Муж досматривает кино, а я уже смотрю ленту на своем стареньком внутреннем проигрывателе. Сначала там много помех и сора из впечатлений дня, а потом мне снится камерный зал кинотеатра с бархатными креслами. Все молча и церемонно рассаживаются, многозначительно отключают мобильники и погружаются во внутреннюю тишину с помощью приятных глазу картин на экране. Там красивый, неторопливый, негромкий мир. Что-то среднее между заповедной Землей и Пандорой из «Аватара».

Отдаленное пение птиц, умиротворяющий шум водопада, шелест листьев и... вдруг тишину разрывает громкий хруст попкорна. А после невидимый человек (но явно в форме и при погонах) истерично кричит на весь зал: «Сто пятнадцатый, вас на вызов!»

Ну, здравствуй, утро нового дня... (2010. 1 апр.)

В колонке поднимается тема все ускоряющегося ритма жизни в больших городах и как следствие — синдром хронической усталости, который поражает молодых еще жителей мегаполисов. Герой публикации (он же автор) в течение целого дня ищет хотя бы момент тишины, но не находит его. И так каждый день. Вопросы — ради чего мы живем, как оставаться счастливым при таких

давящих на психику обстоятельствах, как научиться отдыхать и расслабляться — возникают как риторические. Каждый человек ищет ответы на них самостоятельно. Есть люди, которые вообще не видят в таком ритме жизни никакой для себя и для общества проблемы. Именно такие читатели, обсуждая колонку, стали делать предположения о том, что в данном тексте речь идет о семейных проблемах — в частности, о негибкости мужа, который не хочет сменить рингтон. Но колонка, таящая в себе множество смыслов, тем и хороша, что дает каждому читателю свою пищу для размышления. А выводы читателя, пусть даже противоречащие первоначальному замыслу автора, — это его святое право.

9. «В ваше царское время...»

Накануне 9 Мая на семейном совете было решено проигнорировать в эти «длинные выходные» грядки и парники, баню и шашлыки. Ибо невозможно покинуть город-герой в эти дни ради дачного эпикуреизма. Ведь мы, родители, воспитываем сына, душа которого сейчас, как губка, впитывает все те жизненные впечатления, которые он пронесет с собой через всю жизнь. Поэтому мы отправились с ним на Невский проспект — смотреть шествие ветеранов.

В вагоне метро неподалеку от нас сидела седая, как лунь, строгая сухопарая старушка. Плащ на ней был наглухо «задраен», вплоть до самой шеи, лицо сосредоточено, фигура собрана. Напротив нее стоял мужчина средних лет в костюме, обнимая за талию смешливую вихрастую спутницу в драных джинсах. Они всю дорогу шушукались и были, казалось, полностью поглощены друг другом. И вдруг бабушке стало душно, после чего она одну за другой расстегнула все пуговицы плаща и решительным движением сняла его с себя. Вся грудь этой хрупкой женщины оказалась увешана орденами и медалями. Я видела, как изменилось лицо мужчины, который обнимал вихрастую девушку. Видела, как он отстранил от себя свою удивленную даму. Видела, как сделал шаг навстречу этой горделивой седовласой женщине, на груди которой мерцало главное созвездие вселенной ее жизни. И видела, как он внезапно опустился перед нею на колени. Поцеловал ей руку и долго-долго что-то тихо говорил, глядя снизу вверх преданными, полными восхищения глазами. Я следила за его губами, но ничего, кроме «спасибо» разобрать не могла. Она слушала его с мечтательной улыбкой, иногда задумчиво кивая гордой седой головой.

Я перевела взгляд на сына. Он оторвался от игры в мобильном телефоне и тоже во все глаза смотрел на необычное действие. Нагибаюсь к нему и тихонько шепчу на ухо: «Просто запомни эту сцену. Сфотографируй глазами и

сохрани на всю жизнь». «Зачем? Это же неприлично!» — шепчет он мне удивленно в ответ. «Затем, что наступит день, и ты поймешь, что этот миг — твое богатство. Ты будешь рассказывать об этом дне своим младшим друзьям, детям, а может быть, и внукам. Ты будешь гордиться тем, что видел настоящих ветеранов Второй мировой войны». Ребенок пожал плечами, еще пару секунд понаблюдал, а затем снова погрузился в свою игру. И тут я вспомнила себя в детстве.

Я также пожалала плечами и потащила папу дальше искать грибы, когда мы наткнулись на какие-то кости в колымской тайге, неподалеку от полуразвалившихся старых барачков. Он остановил меня и, указав рукой на череп с аккуратным круглым отверстием и на длинные прямые кости, лежащие рядом, сказал: «Запомни эту картину. Запечатлей в памяти на всю жизнь. Наступит день, когда ты все поймешь и будешь рассказывать своим детям и друзьям о том, что ты видела на Колыме». Я очень хорошо запомнила ту жутковатую картину. А позже поняла, что стала свидетелем целой исторической эпохи. К счастью, ушедшей... Теперь мне страшно представить, что не услышь я тогда папу — прошла бы мимо. И обокрала бы себя на всю жизнь, как это случилось однажды с моим отцом...

Ему было 8 лет, он бесшабашен и весел, уже октябренец! В гости к его бабушке пришла пожилая дама с театральными манерами — в поеденной моля шляпе и длинном немодном по советским меркам пальто. Они сидят на кухне и полусшепотом вспоминают за чаем какой-то пансион благородных девиц, какие-то альбомы, балы, поездки на воды. Шушукуются и прыскают в сморщенные ладошки. Подружка бабушки принесла к чаю шоколадных батончиков, и бабушка запрочитала: «Антонина Николаевна, какая роскошь! Помилуйте, не с нашими „деклассированными“ пенсиями!» А та залилась подевичью краской и успокаивает подругу: «Я, Катерина Григорьевна, немного бутылочек в парке собрала, и вот хватило на наши любимые. Не тревожьтесь, душа моя, не обременил меня этот гостинчик». Когда подружка бабушки после церемонного чаепития ушла, та подозвала моего отца и сказала, переходя на шепот: «Запомни этот момент, ангел мой! Запомни, но не рассказывай никому до поры до времени. Эта барышня в царское время на придворных балах блистала! Она видела их Высо... всех их видела! А какие в наше царское время были...»

Здесь папа неизменно обрывал интригующий свой рассказ и начинал сокрушаться: «Не дослушал, — раскаивался он спустя десятилетия, — ни разу не дослушал до конца! Дразнить начинал, самоуверенный болван, несчастную свою бабушку-дворянку. Бегал и кривлялся, манерно вытягивая слова: „В ваше царское время, в ваше царское время!“ А она моментально осекала, прикусывала язык и сникала. Так в дураках и остался, так и унесла она с собой целую эпоху. А мне теперь и рассказать-то нечего своим потомкам — ни про утраченные семейные традиции, ни про ушедшее из жизни бабушки счастливое царское время» (2010. 12 мая).

И снова в фокусе внимания — вечные ценности. Семейные традиции и духовные ценности, преемственность поколений и родство душ, уважение к истории своей страны и к памяти своего рода. В основе композиции этой колонки — рефрен «запомни». Запомни эту сцену, картину, момент — так передаются из поколения в поколение важные детали и обстоятельства жизни семьи или общества определенного периода, которые не может в силу своей молодости дешифровать и определить как важные младший человек в роду. Но якорь заброшен в память, и рано или поздно этот миг будет вытащен из копилки воспоминаний повзрослевшего ребенка, переосмыслен и передан как некое семейное знание последующему поколению. Эта колонка вызвала самые теплые и позитивные эмоции у читателей. Один из комментариев позволю себе привести полностью: «Господи, Инна, да вы ж самую суть затронули, что меня тревожит ужасно все последние года! Мне за 40, и давно нет родителей и более старшего поколения. И всё — повисли не заданные вопросы, не выслушанные в детстве рассказы. Ужасно чувствовать себя не помнящей родства. Спасибо Вам! Очень тронули своей статьей».

10. Списанные из жизни

Я не перестаю удивляться одному феномену: мир сегодня, кажется, до краев уже наполнен шмотками, тряпками и вещами, которые с умопомрачительной скоростью сменяют одна другую и легко летят в помойку, получив ярлык «хлам». Этот процесс прост и безболезнен до тех пор, пока вдруг среди этих тряпок, шмоток и вещей не появляется Вещь. Не просто кусок материи, а настоящая Вещь, которая незаметно вошла в твою жизнь и стала ее частью.

На эти мысли меня натолкнул заяц из искусственного меха, который приоткрылся на днях у мусоропровода моего дома. Вытертые розовые уши уже не держали форму, а беспомощно свисали с двух сторон. Один глаз у него отвалился, обнаружив черную дыру, второй все еще радостно и слегка удивленно смотрит на новый мир. По сути, этот заяц был действительно хламом, но эта картина встрепенула мое сердце, всколыхнула память, и та услужливо выдала подробности одного дождливого вечера, когда я впервые осознала, что вещь может приносить душевную боль.

Я до сих пор себе говорю: это была лишь горстка опилок, наполовину превратившихся в труху, кусок вытертого желтого плюша и несколько черных

пластмассок-пуговок. Но, несмотря на это, тот дождливый осенний день навсегда врезался мне в память. Я возвращалась с работы. И вдруг у подъезда я увидела его. На лавочке у дома грустно сидел желтый плюшевый медведь, безжизненно притулившись головой, наполовину отчлененной от тельца, к стене дома. Он был чертовски одинок, этот плюшевый медведь, рожденный в счастливую эпоху развитого социализма. На этой лавочке часто сидят «не-нужные» — либо местный одинокий алкаш Гена, либо бабушка с забинтованной ногой и толстенными линзами, у которой недавно умерли все, кто у нее был, — внук от передозировки, сын от инсульта. В этот раз лавочка была пуста, не считая этого медведя. Преданного, как оказалось позже, мной. «Как он тут оказался?» — судорожно думала я, глядя на умирающего на скамейке «не-нужных» плюшевого друга моего мужа. Этого мишку подарили ему в три года, и они неразлучно провели вместе все детство.

Я замерла в оцепенении и смотрела на него. Смотрела и не решалась забрать. Просто понимала, что уже поздно, что его уже почти нет.

Поднявшись в квартиру, я с порога прокричала про медведя. Навстречу мне вышла свекровь. Она тяжело ковыляла по коридору, виновато улыбаясь в ответ на мой гневный вопрос: «Зачем?» Мы пили с ней чай молча. За окном шел дождь. Опилки намокали, плюш медленно расплзлся на клочки. Я не посмела ее упрекнуть.

— Она хотела тебе угодить, — сказал мне вечером муж. — Ты пару дней назад заметила во время уборки, что медведь этот уже очень старый, что он весь разваливается, к тому же пылесборник и рассадник пылевых клещей. Вот мама и вынесла его из дома, еле сдерживая слезы. Она думала, что ты будешь рада...

Я все понимала, но не могла смириться с этим фактом. Я просто не предполагала, что мама возьмет его и вышвырнет так жестоко. Так, как будто наказала, словно выгнала из дома, под дождь, на эту грустную скамейку «писанных из жизни».

Утром медведь лежал в грязной луже, беспомощно раскинув лапы в стороны. В груди у него была воткнута палка с гвоздем. По луже расплывались опилки.

Внутри у свекрови (нет — мамы!) тем временем превращались в опилки кости. Она была уже смертельно больна. Миелома — коварная болезнь: она съедает изнутри кости, постепенно превращая их в труху. Она выбрасывает человека на койку — койку писанных из жизни. Быстро и бесцеремонно.

Я ее очень любила. И тогда, когда я увидела этого желтого медведя, с расплзшимися швами, выкинутого доживать свой недолгий век на бездушную улицу, у меня сжалось сердце в жутком предчувствии. В этом жесте было столько неизбывной тоски и столько смирения перед лицом неизбежности. По-другому она не могла это выразить. Она была удивительной женщиной. Даже зная, что умирает, она ни разу не озвучила этого. Ни разу за все годы своей болезни она не сказала: «Дети, я скоро умру». Она просто виновато улыбалась (2010. 2 июля).

Эта колонка, настолько личная и выстраданная, что мне хотелось бы ее оставить без комментариев. Скажу лишь, что она была выдвинута редколлегией на голосование как лучший материал номера. По своей выразительности данный текст был расценен не как журналистское произведение, а как «художественная литература».

Колонка к дате

Как правило, издание имеет в зависимости от своей периодичности определенное чисто постоянных колумнистов. И пишут они не тогда, когда к ним пришло вдохновение, а либо с определенным интервалом, либо по графику. Ни один человек, даже если он очень плодотворный, не может постоянно производить одинаково качественный продукт, да еще и по графику. Поэтому рано или поздно у публициста возникает такой момент в профессиональной жизни, когда нужно сдавать колонку, а идеи о чем писать — нет. Вот тогда на помощь приходит календарь памятных дат и праздников. Ближайшая интересная дата может навести пишущего человека на определенные размышления или воспоминания, плодом которых становится «колонка к дате». Бывает и противоположная ситуация, когда есть дата, но нет публициста, который хотел бы по данному конкретному поводу что-либо «навать».

1. Сердечное спасибо

В День семьи принято говорить дежурные фразы о росте демографии и счастливом детстве. Все это так: земля вертится, нацпроект работает, люди рожают. И это хорошо. Но мои мысли в этот день неизменно улетают далеко-далеко — в 2002 год. Так уж сложилось, что в День семьи я вспоминаю человека, который прямого отношения к моей ячейке общества не имеет, но без которого ее попросту бы не было...

...Огромный рост, слегка сутулые широкие плечи, светлые волосы, ясные глаза. Лицо то уставшее бело-серое, то кирпично-красное от напряжения. Вдумчивый, слегка извиняющийся, сердобольный взгляд. Да. Именно сердобольный. Боль сердца ему знакома как никому другому. Он ее не чувствует. Он ее видит. Каждый день. Снаружи и изнутри. Вечером, сняв зеленый халат волшебника,

он, вжав голову в плечи, усталой походкой уходит в свой дом. И уносит туда свой груз: мешочек счастья, мешочек горя и огромный мешок надежд...

— До свидания, Вадим Леонидович, — говорю мягким голосом и смотрю на него снизу вверх, как на полубога.

— До завтра, э-э-э... до свидания, — отвечает он, слегка растерянно. Он не помнит, как меня зовут. Мое имя для него — ДМЖП 8 мм. Это название и размер порока сердца моего двухмесячного сына.

А на завтра... Минуты тянутся как часы. Я нарезаю круги по рекреации и смотрю на белую дверь в конце длинного коридора. Оттуда должен появиться он. Я его жду, замирая от ужаса и сгорая от надежды. Еще одна вечность, и он выйдет из операционной, чтобы огласить мне вердикт. Или приговор. Раздаются спешные шаги, полы халата развеваются от быстрой ходьбы — он несется навстречу мне как мальчишка, не соблюдая приличий. На лице непередаваемое выражение — оживление и восторг. Возбуждением дышит каждый мускул его лица. Он выбрасывает вперед руку и, оставив зazor с 10-копечную монету между большим и указательным пальцами, выпаливает мне с видом десятилетнего пацана, поймавшего самую большую в своей жизни шуку:

— Там была вот такая огромная дыра!

Я смотрю на него молча. Я улыбаюсь и не пытаюсь унять слез счастья-страха-боли-надежды-облегчения, которые медленно и беззвучно катятся по моим щекам. Он, конечно, не Бог, но только что держал его за бороду. Вопросы излишни. Я вижу, я знаю, я чувствую сердцем, что он справился.

Он справляется со своим волнением и добавляет уже более спокойно:

— Заплата встала нормально, герметично, проводящие пути не задеты (вздых облегчения, ибо это самое страшное последствие операции на детском сердце). — Пять дней в реанимации, и все будет хорошо!

Как же я хочу его обнять, как же я хочу коснуться этих огромных ручищ, которые сотворили сегодня настоящее волшебство — залатали сердце моего маленького мальчика. Но я не могу. Нельзя. Не положено мамашам кидаться на шею хирургам...

— Пройдет несколько лет, и вы забудете о том, что он мог у... э-э-э... что он болел! — добавляет он мягко и уверенно и, потрепав меня по-отечески за плечо, удаляется в реанимационную палату.

Прошло шесть лет, я и вправду забыла о том, что моего ребенка могло бы не быть. Но я не забыла Человека, который спас ему жизнь. Его имя — Вадим Леонидович Кунгурцев.

И я всего лишь одна из сотен тех счастливых мам, детям которых спасли жизнь на отделении кардиохирургии первой городской больницы. Когда все позади, мы, мамочки, уходим из этих белых палат, искренне надеясь больше никогда сюда не возвращаться. Наши пути и пути наших спасителей расходятся, как правило, навсегда, но желание еще раз сказать спасибо всем людям в белых и зеленых халатах, что были рядом в самый страшный момент, с годами не проходит.

Сегодня День семьи, и даже трудно представить, сколько семей они спасли, вернув каждой надежду и счастье. Спасибо... Сердечное вам спасибо... (2008. 9 июля)

День семьи — совсем молодой праздник. В том году, в котором писалась эта колонка, он отмечался впервые. Более того, 2008 год был объявлен годом семьи. Оставить без внимания этот новый праздник было нельзя. В очередной раз писать про Петра и Февронию не хотелось. В итоге родился этот текст — и по теме, и пропущено через себя, и о том, что важно для общества. А внутри него — маленький очерк о талантливом человеке, который каждый день делает свой собственный, не заметный широкой общественности, подвиг. Цель колонки — еще раз публично сказать спасибо людям, которые этого достойны и не так уж часто слышат в свой адрес эти слова. И еще раз завести разговор о ценностях из разряда вечных — о семейных ценностях.

2. Одной левой

Сегодня Международный день левши, а это значит, что «профессиональный праздник» наступил сразу у 10 процентов населения земного шара. Правда, многие левши даже не догадываются о том, что сегодня их день. Отмечается праздник с 1992 года по инициативе Британского клуба левшей. Любопытно, что внедрить в календарь событий эту дату леворукие решили не для того, чтобы «попиарить» свою инаковость среди обычных людей-правшей, а для того, чтобы привлечь производителей товаров во всем мире к проблемам левшей. Многие скажут, какие у них проблемы? И в самом деле, какие у нас, левшей, проблемы, думала я утром, шурша на кухне?

Утро началось как обычно: я пролила немного кофе, потому что у джезвы маленький носик для вытекания ароматной жидкости находится слева от ручки, а значит, сделан под правую руку. Откровенно говоря, мне всегда очень просто направить поток кофе ровно в середину чашки, оперируя правой рукой. Днем еще ничего, но вот спросонья... эта рука особенно неповоротлива. Затем я собралась почистить картошку, но не нашла в недрах кухонной утвари мой излюбленный ножик для чистки овощей, в котором лезвие заточено сразу с двух сторон. Казалось бы, что может быть проще, ведь подобная предусмотрительность производителей кардинально облегчила бы жизнь «левше обыкновенной», но у нас такую безделицу купить — редкость и большая удача. Мне привезли ее из-за границы лет восемь назад, и с тех пор берегу ее как зеницу ока. Потому что не забуду никогда, как потешался надо мною будущий муж, когда я первый раз чистила в его доме картошку обычным овощным ножом.

Это было шоу похлеще привычного для окружающих аттракциона под названием: «И как это ты пишешь так наизнанку? И надо же — такой при этом красивый почерк!»

Все еще раздумывая над умозрительными проблемами левшей, я пришла на работу, включила компьютер и сразу ощутила дискомфорт: сегодня вышла из послушания моя обычно вполне покладистая мышка. Оторвавшись от новостных лент, я наконец заметила: кто-то из корреспондентов работал за моим столом и машинально переложил мышь под правую руку, забыв вернуть ее на место постоянной дислокации.

Я задумалась, перебирая в памяти целый ворох вещей в быту, которые я вынуждена делать неповоротливой рукой, начиная от вырезания чего бы то ни было «правосторонними ножницами» и заканчивая выливанием детского горшка с «удобным» носиком для слива. Даже маршрутку мне приходится ловить правой рукой. Все эти несподручные действия делают меня на вид рассеянной особой, которая всегда что-то проливает и роняет и выглядит при этом крайне неловкой. Кстати, мне давно пришлось смириться с тем, что у меня никогда не будет своей машины, потому что я, стыдно сказать, неприлично долго ориентируюсь, где лево, а где право. Тестируя меня в юности, психолог сказал: «М-да, у вас очень сильный правополушарный крен, девушка, так что лучше бы вам оставить попытки научиться водить машину: изведетесь сама и изведете окружающих!»

И тем не менее мне грех жаловаться, ведь со мной не случилось самого страшного. Меня не переучивали! Как сейчас помню тревогу моих родителей, когда они поняли, что я левша. Мама часами перекладывала мне погремушку в правую руку, а ее сердито кидала на пол и упрямо поднимала левой. Трудно себе представить, как отразилось бы на моих учебных способностях «затачивание под правшу», но летом 1983 года, как раз когда я собиралась в первый класс, в газете «Правда» вышла полосная статья о вреде переучивания, и я вошла в класс едва ли не под звон фанфар. Меня торжественно усадили одну за парту, чтобы никому не мешала движением своей «нестандартной» руки, а та газетная вырезка долго хранилась у нас дома в папочке с важными документами. Многие ученые, психологи, педагоги занимаются проблемой леворукости, на эту тему написана уйма специальной литературы, но меня потряс один факт: гонение на левшей началось лишь в XVIII веке. До тотального распространения письменности в мире левшей никто не трогал. Самый яркий тому литературный пример — лесковский левша. Другие косвенные тому свидетельства — крестьянский инвентарь леворуких и древние священные рукописные книги, подписанные *sinistra*, то есть в переводе с латинского — леворукий монахом-переписчиком. Да и в Библии есть указание на фаланги леворуких воинов.

Тем не менее у левшей есть поводы для некоторых комплексов. Известно, что во многих письменных источниках и вообще языках за «правым» закреплен позитивный смысл, а за «левым» негативный. Десница — это правая рука. Да и традиции запрещают многое делать левой рукой — приветствовать, креститься, клясться и т. д. Любое такое действие говорит о кощунстве, предательстве.

Но как бы люди ни относились к левшам — с пиететом или жалостью, процент явных левшей в истории стабилен. Они есть везде и были всегда. И, несмотря на заметное доминирование правой, с левшами ничего не произошло. Они не выродились из-за смешанных брачных союзов. Это явление, похоже, неисчерпимо и, что называется, «одобрено природой» (2008. 13 авг.).

Как правило, люди испытывают стойкий интерес ко всему необычному. Поэтому в международный день левши можно просто с юмором и познавательно рассказать о том, как живет левшам среди правой в современном мире. Цель такой колонки — проинформировать публику о том, что есть такая малоизвестная дата, и развлечь, рассказав пару занятных историй.

3. Старость не радость?

Впервые я задумалась о том, что быть пожилым — безрадостная участь, в детстве после мультика «Маугли». Когда Акелла промахнулся... О тяготах этого периода я еще не имела представления. Напротив, мой дедушка, прошедший всю войну, ни разу не промахнулся. Став пенсионером, он перебрался в Москву и рассказывал школьникам про боевые будни. Где-то в тот же период мне стала писать письма прабабушка. У нее был корявый неясный почерк, но весьма ясные мысли. В 80 лет она освоила грамоту (когда иссякли силы осваивать грядки) и затеяла переписку со своими правнуками — это были трогательные и наивные мемуары.

Но Акелла все-таки промахнулся... А за ним начались большие перемены. Потом умер дедушка от инсульта с газетой в руках, прочитав статью о перестройке. Через пару лет умерла и прабабушка, потому что к ней не поехала «скорая». «Сколько, сколько лет вашей бабушке? 83?! Так что вы хотите, какая вам больница? Пусть дома помирает», — увы, именно эти слова услышал мой дядя, пытаюсь помочь своей маме-блокаднице, когда ей стало плохо с сердцем.

Взрослея, я стала сталкиваться с посторонними пенсионерами. Они уже были другие. Все реже читали внукам сказки в парке на скамеечке (скамеечки либо сломали и сожгли, либо облюбовали наркоманы и бомжи), все чаще ругались в очередях, неловко дрались палочками в коридорах поликлиники, выясняя, чей номерок раньше, громко и зло блажили на митингах. Они были желчные и хмурые, недовольные всем и вся. Им было тяжело, но общество попросту от них отмахнулось, как от балласта, огрызаясь на ходу: «А кому сейчас легко?» В новом, бешеном ритме всенародной гонки на выживание скрипучие колеса их старых тележек, набитых просроченными продуктами с Сенного рынка, мешали всем.

Так постепенно молодые и пожилые оказались по разные стороны баррикад. И сформировали друг к другу соответствующее отношение: «Молодежь пошла испорченная, распущенная, не уважает старость» и «Старики мешают молодым жить, ворчат, нудят и всех ненавидят». Забавно, но именно в этот период, а точнее в 1992 году, первое октября провозгласили в нашей стране Днем пожилых людей. Пенсионеры восприняли это как издевку. В обществе выработался устойчивый стереотип — «старость не радость». Более-менее здоровые и активные пенсионеры стали бодриться и молодиться («Детка, не называй меня бабушкой на людях!»). Перед старостью появился панический страх. В стране начала развиваться и процветать индустрия искусственной молодости.

Но природу не обманешь, и осень жизни все равно наступит. И не помогут ни волшебные пилюли вечной молодости, ни подтяжки, ни золотые нити. Единственные нити, которые способны изменить сложившуюся картину, — это узы понимания, уважения и любви.

Одна знакомая пожилая дама — Любовь Ивановна — поделилась со мной: жизнь утратила смысл, когда она вышла на пенсию. Работать постоянно она уже не может — не выдерживает ритма молодых, а вот желание быть нужной людям не иссякло! Даже, говорит, на общественных началах сказки где-нибудь детям пару часов в день в день бы почитала. И пела бы в хоре пенсионеров, и научилась бы вязать крючком, и много еще чего бы сделала... Но приходится сидеть дома. Весь ее дневной моцион — часовая прогулка вокруг дома, и один раз в неделю — променад с подругой-пенсионеркой по Невскому. Ходила Любовь Ивановна в свой районный муниципалитет (Центральный район), интересовалась досугом для пожилых — те лишь руками разводят. Все силы и средства сейчас идут на то, чтобы детей и подростков увести с улиц, все кружки и секции для детей и молодых. Любовь Ивановна украсный человек, но все чаще она хандрит, ворчит и ссорится по мелочам со взрослой дочерью. Почему она не улыбаются, как западная бабушка-туристка? Оказывается, половина наших пенсионеров, по исследованиям геронтологов, больна самой настоящей депрессией. Тут вам и бессонница, и раздражительность, и тоска, и одиночество, и прогрессирование старых болячек, и чувство постоянной неудовлетворенности от жизни. И все оттого, что целый пласт общества выброшен на обочину жизни. И им, черт возьми, обидно и больно.

Вы скажете, а что тут можно сделать, такова старость, ничего не попишешь... А оказывается, можно, и еще как попишешь! В Европе уже давно начали внедрять в жизнь различные программы социальной адаптации пожилых, в том числе и сбор мемуаров. Российские историки и потомки нам только скажут спасибо, если наши пенсионеры сядут за компьютеры или просто за письменные столы и расскажут про то, как они жили и выживали в свою непростую эпоху. Но для начала нужно создать центры досуга для пожилых и проинформировать их об этом. Затем привлечь пенсионеров к жизни общества: где-то шефство над детьми взять, где-то перенять их опыт. И я глубоко убеждена, что не за горами время, когда День пожилых людей превратится в настоя-

щий праздник, потому что их жизнь станет интереснее, насыщеннее, ярче, а их опыт и мудрость — более востребованны. И неважно, что Акелла промахнулся. Ведь мы живем не в диком лесу, а в гражданском обществе, среди умных, образованных и цивилизованных людей, где найдется место всем независимо от возраста и возможностей (2008. 30 сент.)

День пожилого человека отмечается в России с 1992 года, первого октября. В данной колонке дата — это повод еще раз поговорить о проблемах пожилых людей. Об отсутствии регулярного и организованного досуга для пожилых людей, о пренебрежении опытом и воспоминаниями людей, которые застали «уходящую натуру» и могли бы быть полезны обществу своими мудростью и знаниями. Это повод напомнить старикам, что мы их ценим и заинтересованы в их интеграции в жизнь общества. А также повод напомнить всем тем, кто сегодня от них отмахивается с досадой, что все идет своим чередом и «Акелла когда-нибудь промахнется».

4. Живые письма

Не так давно, открыв почтовый ящик, я увидела на его дне письмо. Увидела... и не затрепетала, как раньше. Потому что письма сейчас ходят по подъездным ящикам «ненастоящие». То есть без почерка и без души, написанные не шариковой ручкой, а выплюнутые из бездушного принтера. Не от друзей и родственников, а от безликих инспекторов — Пенсионного фонда, налоговой инспекции, суда.

Еще хуже ненастоящие письма, делающие больно. С каталогами чего угодно — бижутерии, косметики или одежды, — но непременно на имя моей мамы. Моей мамы нет уже два года, но я продолжаю с садистской регулярностью к каждому празднику получать радостные депеши с «лучшим предложением только для вас». Я несколько раз звонила в главные офисы всех этих «пост-шопов» и просила убрать ее данные из адресных баз. Но тщетно. Совсем скоро день рождения мамы, и снова равнодушные улыбочивые менеджеры забывают мой почтовый ящик пожеланиями жить ей долго и счастливо, если она купит у них кастрюлю, серьги или помладу.

Но сегодня конверт на дне ящика оказался «взаправдашным» письмом. С марками. С размашистым почерком, с рисунками от руки. Спустя столько лет в моем ящике снова задышало, забило, затрепетало настоящее живое письмо. Оказалось, подруга, с которой мы обычно обмениваемся сообщениями (так теперь называются современные письма) по электронной почте, наваяла мне настоящее

письмо с курорта. Оно было, по сути, ни о чем — о погоде, красивых рыбках и каком-то испуганном осьминоге, о том, как здорово лениться, валяясь на песке, и улыбаться прохожим мужчинам. Но при этом было самым настоящим: шуршало, пахло шариковыми чернилами, отдавало морским бризом и легким флиртом. И создавало настроение. Даже пара песчинок выпала из сгиба бумаги.

Электронная почта и интернет, конечно, произвели настоящую революцию в сфере обмена информацией. И это очень удобно, не спорю. Но век быстрых посланий, увы, недолог. Редко кто хранит электронную ежедневную болтовню «по мылу» и сообщения в социальных сетях годами. Все они, за редким исключением, со временем удаляются хозяевами навсегда. Получается, раньше разбирали корреспонденцию, а теперь просто чистят почту...

Поймала себя на мысли, что, случись эта электронно-писемная революция лет двадцать назад, у меня бы никогда не осталось писем от друзей с летом той эпохи, когда мы были юны и восторженны, а мир вокруг умопомрачительно менялся. Но, к счастью, в недрах моего письменного (заметьте, ПИСЬМЕННОГО!) стола хранятся сотни затертых конвертов — в них история моих друзей-одноклассников, которая тесно переплетена с новейшей историей нашей страны. Россия только нарождалась, у республик кружились головы от суверенитетов. Люди стали разъезжаться с «дальних северов», боясь, что потом не доберутся до своих родных городов, откуда они поехали на Север зарабатывать. Днепрпетровск, Тбилиси, Магадан, Надым, Спасск-Дальний Приморского края, Ставрополь, Туапсе, Волгоград, Владивосток, Таганрог — вот лишь неполная география моей переписки начала 90-х годов. Из этих писем можно теперь столько всего почерпнуть! Там веерные отключения тепла и света, там митинги, там огород, спасающий от голода, там щенячий восторг от надвигающейся свободы Грузии и Украины... И конечно, дела сердечные — куда же без них в 18 лет...

А еще у меня не осталось бы папиных и маминых писем, которые они мне аккуратно и регулярно отправляли в пионерские лагеря. Живое письмо от подруги с курорта растеребило мою память, и я достала пачки старых писем от родителей, разглядываю их почерки и делаю новые открытия, к сожалению, в режиме монолога. Эти письма оказались полны любви ко мне, а в детстве я из них черпала только новости и ценные указания...

Впрочем, я из тех людей, кто всегда любил письма, писал их и ждал ответа. Я и сейчас их подспудно жду, но бумажные письма нынче не в ходу — все экономят время. Но мне почему-то кажется, что настоящее бумажное письмо, с почерком, набросанное шариковой ручкой, все равно не умрет. Я вдруг подумала об этом, когда сын принес домой конверт, подписанный по всем правилам... его собственным, только-только приобретенным почерком. И торжественно мне объявил, что их научили в школе составлять бумажные письма и подписывать конверты.

— Все писали будущим первоклассникам, — рассказал он, — но мальчику Олегу повезло больше всех: он сочинял настоящее письмо своей бабушке в деревню. Ну, потому, что у нее там нет компьютера (2010. 10 июня).

10 июня 1943 года венгерский журналист Ласло Биро запатентовал шариковую ручку. Для автора колонки этот исторический факт представился неплохим поводом для того, чтобы поднять тему стремительного угасания живой переписки людей с помощью бумаги, ручек и благодаря посредничеству почты. В данной колонке подмечена набирающая оборот тенденция — уход живых писем и приход им на смену виртуальной переписки. Возможно, пройдет десятилетие, и живых писем не будет уже совсем, а люди освоят еще не известные нам сегодня способы быстрой и достоверной передачи информации.

Колонка-критика

Колонка-критика отличается от злободневной и социальной тем, что здесь есть конкретный объект критики. И если бы на критику газет было необходимо реагировать (как это было в период функционирования партийной советской печати), то эти газетные выступления не остались бы без ответа и мы бы с вами сегодня знали либо истинные мотивы людей, о поступках которых идет речь в колонках, либо принимали бы официальные извинения по поводу «доставленных неудобств».

1. Холодная война

Я понимаю, почему в начале января мерзли жители Европы: остановка поставок газа — ЧП мирового масштаба. Ясно, что людям от этого не легче, но причина была очевидной и из ряда вон выходящей. Но я не понимаю, почему этой же зимой в собственном доме, оснащенном всеми необходимыми коммуникациями, регулярно мерзнет моя семья. Мерзнет в детском саду мой ребенок и его друзья. Мерзнет соседка — бабушка-блокадница. Я искренне не понимаю, почему плановые работы по замене теплосетей в Красногвардейском районе проводятся именно зимой. Когда в прошлые зимы случались ЧП, рвались трубы, не выдержав напора горячей воды, тогда да — мы понимающе обкладывались одеялами и подушками, зажигали на кухне газ и включали в спальне электрический обогреватель и ждали, когда доблестные ремонтные бригады залатают брешь.

Но я искренне не понимаю, почему нынешней зимой начиная с конца ноября каждый месяц на двери моего подъезда появляются объявления об отключении отопления и горячей воды на день, а то и на два для планового ремонта теплосети. Какая умная голова запланировала эти ремонты на протяжении всей зимы? В обслуживающей организации диспетчер дружелюбно объяснила: деньги на ремонт теплоцентрали город выделил лишь осенью, поэтому придется потерпеть.

Хорошо. Мы потерпели в конце ноября, когда температура была хотя бы плюсовая. Думали, ну теперь уж точно зимой будет тепло и без проблем. Но когда в общей сложности на четыре дня отключили горячую воду и отопление в середине декабря, эти плановые мероприятия, честно сказать, показались уже форменным издевательством.

У жильцов дома сдали нервы, они обратились на телевидение со своей проблемой. После того как в эфире питерского канала показали это коммунальное не то бедствие, не то разгильдяйство, воду и тепло вернули в тот же вечер, но за тревожный звонок от жителей администрация района наказала... районную обслуживающую организацию. Руководители оной обиделись — ведь не они придумали эти плановые работы — и выместили зло на местных сантехниках. Сняли премию. А те, в свою очередь, тоже обиделись — ведь они-то уж совсем ни при чем — и договорились между собой «неэффективно» обслуживать жалобщиков, то есть жителей той самой квартиры, из которой люди обращались на телевидение.

В итоге в дураках остались жильцы, которые исправно платят по всем квитанциям, терпят летом три недели неудобств, а потом еще и зимой, потому что кто-то так запланировал ремонт, не считаясь с их планами.

Я готова понять логику коммунальных служб: деньги выделили поздно, надо освоить их во что бы то ни стало, зима не сильно морозная, переживут как-нибудь денек-два.

Но я все-таки не понимаю, почему планы тех, кто меня за мои же деньги обслуживает, важнее моих планов на достойную жизнь? Причем настолько важнее, что меня даже не соизволят заранее поставить в известность о том, что в моем доме все зимние месяцы будут регулярно отключать тепло и горячую воду. Если бы я знала, я бы приняла меры — заранее установила бы электронную гретель. Или поехала бы на эти «холодные» сутки в гости к родственникам с ночевкой. В конце концов, выбралась бы именно в эти дни на экскурсию, скажем, в Пушкиногоры... Но нет. Они имеют право, у них есть инструкция, и, несмотря на то что жители и так взвинчены и находятся со своей обслуживающей организацией уже, что называется, на ножах, крупная топливно-энергетическая компания как ни в чем не бывало продолжает серию зимних плановых ремонтов, согласованных с администрацией района. Последний был на прошлой неделе — день, ночь и еще полдня. Как обычно, все дико замерзло.

С одной стороны, очевидно: это частная проблема жителей одного из районов города, но, с другой стороны, она очень хорошо иллюстрирует нашу общую

российскую проблему — неуважения различных служб к людям, своим потребителям или клиентам, за счет которых эти организации в общем-то и существуют (2009. 28 янв.).

Поводом для выступления в колонке стали плановые ремонтные работы, которые велись в некоторых кварталах города всю зиму. В эти дни люди на несколько дней оставались без отопления и горячей воды. Организация, к которой мы обратились за комментарием по этому поводу, уверила сотрудников редакции, что это — в порядке вещей, сославшись для вящей убедительности на внутренние инструкции, согласно которым на трое суток разрешено отключать отопление, если мороз на улице не превышает 5 градусов. Причем жители узнавали об отключении отопления и горячей воды по факту. Объект критики — администрация вышеназванного района и тепловая организация-монополист, которая была названа в анонсе к этой колонке. Тон — возмущенный, воздействие — прямое. Цель — вынудить данные организации считаться с интересами жильцов.

2. Как девочка переболела свинкой

Давайте поиграем в игру? Я расскажу вам историю, а вы вынесете свой вердикт — либо «верю», либо «не верю». Итак, жила-была в Ростовской области 13-летняя девочка, которую звали, скажем, Маша. И была у девочки заветная мечта — иметь собственную морскую свинку, которую можно было бы холить и лелеять. Но вот беда: в ее станице, что находится на отшибе небольшого областного городка, эти чудесные животные не продавались ни в зоомагазине, ни на рынке, словом, нигде.

Однажды Маша смотрела телевизор и увидела аттракцион невиданной щедрости — сам президент России исполнил мечту написавшей ему письмо бурятской школьницы. Девочка просила платье, как у Золушки. А получила не просто наряд, но и билет на Кремлевскую елку. Поскольку в программе «Новости» не может быть неправды, девочка Маша, свято уверовав в то, что президент прислушивается к чаяниям российских детей, написала ему письмо. В нем простодушно рассказала, что семья у нее хорошая, мама с папой все время работают, жить тяжело, но не критично. Все бы было ничего, но в ее станице нет морских свинок, а где их брать — неизвестно.

И отправила письмо в Москву.

В специальной структуре «Управление президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан» сигнал-обращение из ростовской станицы

получили и, не читая, отправили в администрацию Ростовской области, прикрепив к нему соответствующую бумажку и поставив большую красную печать. В администрации ростовского губернатора Чуба тоже было управление по работе с обращениями россиян, поэтому там письмо приняли, прикрепили к нему еще одну бумажку, поставили печать и, также не читая, отправили его в инстанцию ниже — то бишь главе районной администрации, в ведении которой и находилась Машина станица.

Глава района тоже обращение не прочел, но у него для этих целей были специально обученные люди, которые не просто прочитали депешу ребенка, но и проявили удивительную активность. Перво-наперво они послали своих чиновников в школу, где учится «такая умная девочка». Те вызвали на ковер директора школы и стали распекать, как это вы так девочек своих тут воспитываете, что они письма президенту шлют и дурацкими просьбами его от дел отвлекают. Перепуганный директор вызывает саму Машу и учителей, и все вместе мордуют несчастную девочку, ставя ей на вид ее жутко эгоистичный поступок.

Девочка в слезы, чиновники района с чиновниками от школы вызывают на ковер родителей, и давай их плющить, чтобы те официально писали отказ от свинки. Девочка плачет — я, говорит, думала, мечта моя исполнится, но раз такое дело, то не надо мне свинку, больше никогда ничего, клянусь, не попрошу. Родители, глядя на такое издевательство над дочкой, не выдержали и вместо отказа от свинки написали обращение в местную газету, а тетя девочки Маши не выдержала — эх, была не была! — и отправила еще одно письмо на сайт президента Медведева. И рассказала в нем всю историю, как ее племянница послала письмо главе государства и что из этого вышло. В школе скандал, ребенок запуган и унижен, а учителя и чиновники из местной администрации требуют от нее письменно отречься от морской свинки.

И — о чудо! — волшебный сайт снова сработал. Во всяком случае, спустя несколько часов после виртуального обращения к высшей власти России к дому тети подкатили чиновники из райцентра на служебном автомобиле — на сей раз с извинениями и двумя свинками.

Вот такая история. Верите? Сомнений нет: верите! Ибо где еще могла произойти такая история, как не в России. Так и тянется рука подписать историю: Салтыков-Щедрин, «История одного города», очередная, но не последняя глава. Только город, чиновники которого вместо того, чтобы молча девочке свинку купить, да еще всех журналистов района на торжественное вручение позвать (мол, вот как у нас выполняются поручения президента Медведева), назывался не Глухов, а Каменск-Шахтинский. А станица, в которой живет перепуганная владелица двух морских свинок, называется Калитвенской.

На этом можно было бы поставить точку, но мучает меня один вопрос. К чему нашему прогрессивному президенту целая армия пронизательных помощников — политехнологов, имиджмейкеров, консультантов и советников, когда все дело могут испортить несколько ретивых, до одури зашоренных, дремучих региональных чиновников, которые в своем подобострастном рвении

угодить вышестоящему руководителю не учитывают прописных истин. Ребенок есть ребенок, он не может думать по-взрослому, совершать правильные и политкорректные поступки.

А еще я думаю, что девочка Маша, «переболев свинкой», получила прививку на всю жизнь. Чего, увы, нельзя сказать о районных функционерах российских глубинок. И это очень печально, господа (2009. 21 февр.).

История про девочку Машу, которая попросила у президента морскую свинку и через какое-то время получила сразу две, широко освещалась в СМИ. Но мало кто в стране знал, как развивались события в Каменск-Шахтинском. На тот момент в отделе информации «НВ» работала девушка-корреспондент родом из этого города, и все перипетии истории нам рассказывали ее родственники, имеющие какое-то отношение к семье девочки Маши. Поэтому возникла идея рассказать всё, как было на самом деле, но не в виде серьезной статьи, а в иронично-игровой форме, как того просили сами комично-трагичные обстоятельства истории. Объект критики — районные чиновники, школьное руководство и прочие облаченные региональной властью люди, которые с неумным раболепием пытаются угодить вышестоящему начальству, доводя ситуацию до абсурда. В заголовок вынесен каламбур.

3. Мертвые души

Поздравительное письмо от губернатора или главы администрации района — такой, казалось бы, приятный знак внимания по случаю! Это словно незримая нить, которая связывает простого труженика с известными и уважаемыми людьми. Эмоциональное послание от властей предрежащих, мол, мы помним о вас, о близких вашему сердцу датах, заботимся о вашем здоровье и благополучии. В то же время именное поздравительное письмо «из верхов» — это еще и вещь. Конверт, мелованный листок бумаги, знакомые до боли слова — матрица твоей жизни — фамилия, имя, отчество, адрес... Эта вещь может порадовать человека и его близких, может оставить равнодушными, а может вызвать нестерпимую душевную боль, потому что пришедшее в твой почтовый адрес письмо адресовано тому, кого уже нет в живых.

Тот, кто терял близкого человека, наверняка поймет эти эмоции. Когда горе свежо, все вещи ушедшего человека как будто бы оживают. Они обступают тебя со всех сторон и услужливо впахивают в глаза, в уши, в пальцы рук сотни, тысячи подробностей твоей жизни, которую ты делил с близким человеком и которого вдруг не стало. Той жизни, которой больше нет... И невозмож-

но вырваться из плена этих услужливых вещей. Ты пытаешься хотя бы мысленно покинуть зону своего личного бедствия, но кричащие без слов вещи окружают тебя со всех сторон, не дают забыть, не дают забыться — ни на миг! И только-только боль начинает разжимать свои стальные щупальца, как почтальон приносит поздравительное письмо: «Уважаемая имярек! От всей души...» И ты сидишь над этим письмом в оцепенении и от всей души проклинаешь равнодушные и черствые тех, для кого жизнь продолжается, как ни в чем не бывало. Тех, кому дела нет до твоего горя и кому элементарно лень сравнить базу данных районного собеса, по которой ведется массовая рассылка, с базой районного загса, в которой есть все данные о тех, кто не дожил до массовой рассылки писем счастья.

Мне могут возразить: это случайность. Но я не соглашусь — это система. Три года после смерти моей свекрови наша семья методично на все праздники и перед выборами получала корреспонденцию от властей на ее имя. И я не верю, что люди, занимавшиеся этим вопросом, находились в неведении, искренне полагая, что за три года в доверенном им округе не скончался ни один человек.

На днях, перед самыми муниципальными выборами, мне позвонили из местного собеса. «Передайте Наталье Павловне, чтобы пришла за продуктовым набором!» Наталья Павловна — это моя мама. Она умерла в мае 2008 года. Не вчера и не в прошлом месяце, что могло бы оправдать эту жуткую бестактность, а десять месяцев назад. Спокойно объясняю ситуацию, прошу удалить данные из базы. Но вместо того чтобы закрыть эту тему, сотрудник собеса, дежурно извинившись, продолжает разговор. Совершенно будничным тоном предлагает мне получить за нее продуктовый набор. Я отказываюсь, но та, словно запрограммированный автомат, начинает перечислять мне, из чего состоит сей набор. Литр масла, пачка гречневой крупы и... Что «и» — я уже не дослушала. Меня душили слезы. Я редко кладу трубку, не окончив разговора, но это был тот самый случай. Разве такие вещи нужно разжевывать нормальному человеку? Но и это еще не все. Спустя два дня нам позвонил другой сотрудник все того же собеса — не поверите! — все с тем же предложением...

Казалось бы, верх цинизма. Куда там! Верх цинизма произошел немногим менее двух лет назад в Калининградской области. Тогда ветераны ВОВ получили поздравительные открытки к 9 Мая от регионального отделения «Военно-мемориальной компании». На одной стороне послания было непосредственно поздравление с Днем Победы, а на обратной — беззастенчивая реклама ритуальных услуг, предоставляемых той же фирмой. Разразился скандал, в ходе которого перед заслуженными пожилыми людьми извинялось не только руководство вышеназванной компании, но и сам губернатор региона. Георгий Боос дал тогда правильную оценку случившемуся, заявив, что «ветеранов не просто унизили, — их оскорбили самым наглым, нахальным образом».

Массовые рассылки, массовые подарки, массовые поздравления — пустая трата сил, бумаги, средств. Сделанное абы как, без такта и должного внимания

к адресату, — не даст ожидаемого результата. До тех пор, пока почти десять процентов из всех получателей подобных даров будут «мертвыми душами», никто не поверит в то, что чиновники делают эти жесты от необыкновенной широты своей живой души (2009. 6 марта).

Объектом критики в данной колонке стали работники районного собеса, которые выполняют свои функции бездумно и цинично. Подчас они зашорены до состояния роботов. Равнодушные к человеку, которому государство через социальную организацию выделяет помощь, — мысль, лежащая на поверхности. Вторая тема для размышления — «массовость» адресата. Безликая масса не вызывает сочувствия у тех, для кого эти люди всего лишь электорат. А значит, все красивые и умные слова, написанные спичрайтерами чиновников в письмах-рассылках, изначально лицемерны и лишены малейшего движения души. Не искреннее внимание, а клише, обозначающее проявленное внимание, — вот что вызывает самые удручающие чувства при размышлении на эту тему.

ИРОНИЧЕСКАЯ КОЛОНКА

В основе иронической колонки, или колонки фельетонного типа, часто лежит комедия положений. Описывая (зачастую с саркастичным видом) комичную ситуацию, автор с помощью ряда стилистических приемов, в частности различных тропов, исключает возможность буквального понимания сказанного и однозначного ее восприятия. Двуплановость восприятия (параллельность смыслов) — вот результат работы иронии в тексте. Для чего нужна эта работа? «Двойственная природа иронии выражается и в различных ее текстовых функциях. Во-первых, иронический контекст создается с целью шутилой, когда читатель приглашается к совместной стилистической (и смысловой) игре. И, во-вторых, ирония скрывает за собой социальную оценку даже при кажущейся объективированной подаче факта. При этом мы можем наблюдать в современных средствах массовой информации всю шкалу социальных оценок, от резко неодобрительной до весь-

ма одобрительной, выраженной с помощью иронии», — считает Т. С. Дроняева [Дроняева, 2002, с. 202].

Что касается самоиронии — а этот прием очень часто используют сегодня публицисты, это умышленное снижение собственной важности, своего рода «антипафос». Самоирония — это не только художественный прием, это взгляд на мир, подчеркнуто лишенный пафоса и чувства собственной значимости, которыми были пронизаны авторы и газеты советского периода. Автору, который не вещает из поднебесья, а «барахтается» вместе со всеми в той же действительности, над которой он подтрунивает, сочувствуют читатели. И не просто сочувствуют, а испытывают и уважение, и доверие, и глубокий интерес. Однако переоценивать иронию и самоиронию, наделяя эти приемы универсальной способностью гарантированного сближения с читателем, не стоит. «Выделение факта из действительности и его восприятие субъективно. Кто-то увидит комизм там, мимо чего другой пройдет совершенно равнодушно, а третий не поймет, что смешного в этой ситуации», — пишет А. Н. Тепляшина [Тепляшина, 2006, с. 183]. К слову, непонимание, «в чем прикол», со стороны части аудитории нередко встречает колумнист, работающий в иронической манере. Именно такая ситуация сложилась у автора с нижеприведенной колонкой.

1. Как я писала колонку...

На днях мне позвонил редактор отдела и сообщил, что по графику у меня колонка. Будет, спрашивает, к понедельнику текст готов? «Б-у-у-дет! Отчего ж не будет?» — безапелляционно уверила я коллегу. И ничуть при этом не покривила душой. Ведь в том, что текст будет готов, я не сомневалась ни минуты. Разговор был в четверг, и до понедельника оставалась масса свободного времени. В голове была куча идей, на бумагу просилась дюжина персонажей и наблюдений, отдельных мыслишек и целых жизненных обобщений. Одна тема особенно запала в душу, и мне уже не терпелось выплеснуть ее на потребу почтенной публики. Решив не откладывать дело в долгий ящик, я было взялась за клавиатуру, как в этот самый момент раздался первый телефонный звонок...

В тот вечер как назло на меня обрушился просто шквал дружеских звонков. Все расспрашивали, как дела и чем я занимаюсь. Я с воодушевлением делилась

своими впечатлениями от жизни и непременно добавляла, что пишу к понедельнику очень интересную колонку. Все спрашивали: «Вот как?! И о чем же?» И я с азартом начинала рассказывать. Мои слушатели неизменно впечатлялись — каждый видел в этой истории свой собственный глубинный смысл и подтекст. И хотя ничего подобного я туда не вкладывала, было интересно услышать столько интерпретаций. К тому же стало очевидно: тема злободневная и даже как для народа актуальная.

После пятого удачного рассказа про мою будущую колонку я, потирая от нетерпения руки, села наконец за работу. И вдруг поняла, что сюжет не склеивается, персонажи какие-то вялые, диалоги как будто бы затертые, обобщения и выводы — банальные, а сама коллизия тривиальна и не заслуживает моего пристального авторского взгляда. «Утро вечера мудреней», — прозвучала в голове спасительная бабушкина фраза, и я решила: возьмусь-ка за дело завтра утром. А сейчас пойду спать.

Назавтра выдался хмурый, дождливый день. Самое время для работы за компьютером в теплом доме с чашкой горячего крепкого чая. Я загрузила машину, и на белом вордовском листе написала главное: «авторская колонка». Для вдохновения чего-то не хватало, и я решила всего на пять минут забежать в «Контакт» и прочитать письма. Там происходило много чего интересного. Новые фото, забавные ролики, приглашения на мероприятия и в группы. Все это надо было быстро проанализировать. В сообщениях среди обычных светских приветствий и рассуждений на тему «давно не виделись — надо бы встретиться» имелось одно письмо, которое заставило меня отложить дела и отправиться в дорогу. У подруги умерла кошка, и она находилась буквально в предобморочном состоянии. Человек, у которого много близких, удивится: велика проблема, подумаешь, кошка! Но бывают такие люди, у которых никого, кроме кошки, в жизни нет. Самое близкое родное существо, заменившее всех — и потерянных родителей, и так и не найденного суженого, и не родившихся еще или уже детей.

Вернулась от подруги через полдня издерганная и разбитая. Понятно, что в таком настроении трудно писать колонку. Но я все-таки решила хотя бы начать. Только застучала по клавишам, как вырубился свет. Оказалось, надолго. А я как назло совсем недавно отправила на помойку свою старую печатную машинку. И совершенно разучилась писать такие вещи от руки. Но отчаиваться было рано — в запасе еще значились целые суббота с воскресеньем.

В 6 утра субботы мои глаза распахнулись сами по себе и больше не сомкнулись. Как я могла забыть про этот день, который держала в памяти 4 месяца! Именно в 10 часов должна была начаться церемония бракосочетания моей подруги-однокурсницы, и мчаться было необходимо прямо сейчас на другой конец города...

Утро воскресенья оказалось трудным. Умные мысли уже совсем не просились на бумагу. Они попросту растворились в эфире, уступив место одному лишь слову: «Горько!» Все воскресенье я вяло пила чай с медом, восстанавли-

вая охрипшие связки, и аспирин. Чувство долга нудно ныло где-то в груди. Повинуясь желанию отделаться от него, я мысленно шарила в каждом закутке черепной коробки в поисках хотя бы капли вдохновения, но отчетливо осознала, что последние крохи оного были растрочены вчера на свадебный стишок...

Забрезжил рассвет и возвестил мне о том, что утро понедельника настало, а профессиональный долг так и не выполнен. А ведь я искренне была уверена, что сделаю все в срок и в лучшем виде. «Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня», — говорила моя бабушка, и я решила собраться и написать уже хоть что-нибудь. И начать с челобитной редактору на тему: «Почему я не написала колонку». Перечитала. Получилось злободневно, жизненно и узнаваемо для многих. Мораль прослеживалась, персона автора — тоже. Чем не авторская колонка? Правда, в несколько необычном ключе и на другую совершенно тему... Ну, ничего. Главное успела. А те важные мысли, которые мне так и не удалось выдать из себя к сроку, я обязательно изложу в другой раз. Когда там у меня по графику следующая колонка? (2010. 15 сент.).

Ситуация, описанная в этой колонке, несомненно, утрирована. С помощью ироничного взгляда на ситуацию в целом и на себя в ней, в частности, мне хотелось обсудить проблему, которая не понаслышке знакома многим людям творческих профессии или творческого склада ума. Людям, оставляющим все важные дела на последний момент, «лидерам критического момента» и их окружению предназначалось это послание. История с ненаписанной в срок колонкой — лишь ход, необходимый для того, чтобы создать кольцо композиции. Однако часть публики восприняла лишь поверхностный, прямой смысл истории. То есть поверила, что автору действительно не о чем было написать колонку и поэтому он таким вот образом выкрутился. Даже на собрании редколлегии (что меня удивило более всего) некоторые коллеги посочувствовали автору и высказались, мол, если бы она сказала, что не успевает или что не о чем писать, то мы бы выручили и подменили. В итоге получилось, что взаимодействие уже напечатанной колонки и ее читателей добавило рассказанной ранее истории еще один комический уровень.

2. Как оптимисты превращаются в захламитов

Теперь и у молодежи есть отличный способ быстро и надежно накопить в доме гору хлама. Со стариками-то все ясно. Скажем, идешь по бабушкиной квартире и спотыкаешься о вязанку из девяти запасных ножек для табуретки, о порванную раскладушку

«авось пригодится» или о коробку с густым нафталиновым запахом и пожелтевшей нашлапкой «похудей и носи». Тут уж язык не поворачивается прочитать лекцию про хлам, ибо понимаешь: ну не могут пожилые люди добровольно расстаться с «вещественными знаками невещественных отношений».

Плюшкинизация их квартир — закономерный итог совкового уровня жизни. Тотальный дефицит, очереди за всем, да и сами принципы домоводства ушедшего времени диктовали хламонакопительный уклад. Помните, самой рачительной хозяйкой считалась лишь та, что могла перелицевать бабушкино пальто и справиться из него внучке новую юбку, а из капроновых чулок, не поддающихся уже никакой штопке, сплести придверный коврик.

То ли дело сейчас — кругом сплошное изобилие ширпотреба. Вещи носятся едва ли не до первой стирки, техника служит до первой, максимум второй поломки. Выбрасывать сейчас легко и просто, потому что улыбающиеся люди из телевизора ежедневно открывают новые потребительские горизонты, по пути к которым каждому еще много раз вкрадчивым голосом прошепчут: берите, ведь вы этого достойны...

Как же так вышло, что совдеповский хлам сменился хайтековским в наших квартирах? Сдается мне, что весомый вклад в это дело внесли добрые молодцы и красные девицы с заманухами и призами, что стоят у самых врат потребительского рая.

Я глубоко убеждена, что лучший способ захламить сегодня свой дом — это погоня за подарками, а именно — участие во всяких акциях, которые устраивают крупные производители. Как это бывает, наверное, известно каждому, кто хотя бы однажды поддался потребительской истерике и включился в увлекательный марафон «купишь то — получишь это». Скажем, приобретаешь уйму всяких молочных яств в бутылочках. Бутылки копишь. Вдруг пригодятся. На даче, например. В «Очумелых ручках» подсказут, что из них сделать полезного. Аккуратно снимаешь с бутылок шкурку-обертку и вырезаешь букочки. Их тоже надо хранить в каких-нибудь коробочках, пока не поедешь за призом. Если вообще успеешь. А потом — если в очереди достоишься под цитаделью «Выдача призов». В итоге весь дом в пустых бутылках и в горах разрезанных оберток, но рано или поздно это богатство превратится в еще более масштабный хлам — например, в сто тысяч первый стакан «для оптимиста». Правда, чтобы воспользоваться им, нужно для начала снова стать пессимистом (желательно буйным) и перебить предыдущую сотню стаканов и кружек, вырученных от участия в других акциях. А повезет — получишь еще более привлекательный хлам — полотенце, бейсболку или сумку. Я уже молчу про магниты и ручки. Первыми уже закамуфлирован весь холодильник, а вторыми можно без труда одарить сентябрьскую линейку первоклашек. В итоге в доме уже 10 бейсболок неизменно пошлого вида и 20 полотенец, половина из которых лежит девственно-нетронутой, но ты все равно будешь давить ся йогуртами, творожками, лимонадами, соками, чтобы заполнить очередной

«уникальный» приз. Но истинным верхом процесса по накоплению дома просто ненужного с целью обменять его на нужное ненужное может стать, скажем, дорожная сумка «для оптимистов». Как поделился один мой хороший знакомый, в порыве азарта ставший жертвой едва ли не всех призовых кампаний пищевиков, он месяц упирался — объелся йогуртами до икоты и отвращения и получил-таки главный приз для неооптимистов — пресловутую сумку. Получил и зачесал репу, что с ней делать? Для хозяйственной — велика, для дорожной — мала, без колес, но с дурацкими надписями. Только на одно и сгодилась — отнести испуганную домашнюю животину в ветеринарку: «Здрассте, я неооптимист, пришел кастрировать кота!» (2008. 6 июня)

Эта колонка была создана в период, когда один крупный производитель молочной продукции затеял сразу ряд громких маркетинговых акций для своих потребителей. Автор этих строк стал свидетелем «призовой лихорадки» в семье близких родственников. Действительно, квартира была завалена обертками, крышками, бутылками. Из их разных частей вырезались знаки, буквы и символы. Все загорелось идеей получить главный приз — дорожную сумку так называемого неооптимиста. Итог этой бурной деятельности, описанный в колонке, показывает весь комизм ситуации. Помимо истории конкретной семьи, которая включилась в гонку за призами от производителя, мне хотелось поднять еще одну тему — тему накопления никому не нужных вещей,хлама. Пожилые люди со сложившимся веками укладом жизни (экономить, оставлять про запас, на черный день и т. д.) не чувствуют времени, смены ориентиров и привычек. И это чисто гоголевская — одновременно смешная и грустная история про Плюшкина.

3. У Чудского завязали всем миром

Полтора года назад, когда об антиалкогольной кампании еще не было ни слуху ни духу, население одной из деревушек близ Чудского озера явило миру самое настоящее чудо. Все жители дружно закодировались от пьянства в больнице соседнего городка.

Средний класс деревни Заозерье (назовем ее так) представлен единственной работающей женщиной лет сорока — коровницей Зиной — и ее мужем Сашей, жутким пьяницей, который когда-то был редким столяром в округе. Вся

молодежь Заозерья — их сын Сережа — еще более лихой, чем его отец, пропойца. Все остальное народонаселение — это пьющие и работающие только на своих участках пенсионеры и две совсем дряхлые бабули, брошенные своими детьми еще в прошлом веке. Ну и дачники, которые не в счет.

Об основном костяке деревни, пьющих пенсионерах, надо рассказать подробнее. Это бывший тракторист Коля, который решает все внутренние споры и тяжбы в Заозерье. Пожилая пара Петрович и Стакановна, которые никогда не бывают трезвы, но огород добросовестно тянут. И наконец, сезонный алкоголик Валера, который, уволившись из Вооруженных сил, осел в этой деревне и в периоды трезвости хмуро возится со всяким железом — так сказать, «примусы починяет».

О том, что с деревней случилось чудо, нам, заезжим дачникам, стало ясно в конце прошлого лета. Раньше в деревне проводить спокойно отпуск было невозможно. Едва ли не каждое утро приползал на наш участок какой-нибудь трясущийся вурдалак и хриплым голосом умолял либо дать двадцатку на опохмелку, либо налить из своих закромов, либо подвезти «гонца» в ближайшую деревню в магазин. В Заозерье торговой точки нет — только автолавка, да и та случается проездом три раза в неделю.

Прошлым же летом, приехав на постой в свои деревенские угодья, мы с домочадцами обомлели: дома стоят свежевыкрашенные, кровли перекрыты, парники у всех новехонькие, свежая баня на участке у одних, новоиспеченный сарай у других, а у Зины — откуда ни возьмись — скотник вырос на участке. Сама же ходит помолодевшая лет на десять, улыбается широко и приветливо — зубы вставила белые. Хозяйство расширила — фермершей себя почувствовала. Была одна корова, так она еще телочку завела. К бычку ее сводила в соседнее село, двух телят теперь подымает. Свиной завела. Молоко у Зининой коровы такое, что вся округа к ней за ним ездить стала — чистое, без запаха навоза, как было раньше, когда Зина забывала по пьяной лавочке следить за коровою.

Выяснилось, что Зине надоело пить, и она уговорила всю деревню дружно «подшиться». И зажила деревня! Муж Зины стал рубить бани и дома, заборы делать на заказ дачникам и соседям. Бывший тракторист Коля подвизался в бригаду к лесорубам — помогает валить кругляк в округе и вывозить его из лесу. Стакановна оказалась Людмилой Ивановной. Стала ягоды и грибы в лесу собирать, да в таком количестве, что не только на заготовки хватало, но и на продажу вдоль трассы оставалось. А муж ее Петрович на пару с Зининым супругом стал строить дома и сараи.

Деньги появились у всех. В соседнюю деревню за товарами на такси стали ездить. Зина решила стеклопакеты из города заказать, но не успела. Накопленные деньги у нее муж перехватил — на лодку с мотором истратил, обещал все село рыбой завалить. Телевизоры себе купили, DVD. А то ведь зимой в деревне совсем тоска. Перед Новым годом все как соберутся в большом доме у Зины, так и бухают без передышки до самой посевной. Вот когда шли в ход все накопления, все пенсии — и свои, и тех самых бабушек, чьи дети в деревне по-

бросали и забыли. Весной выныривали из коллективного запоя, брали себя в трясущиеся руки, огороды сажали — и снова пить!

В эту зиму все стало по-другому. Ходили в гости друг к другу, чаепития устраивали, фильмы смотрели. Зине с хозяйством всем миром помогали, а сена сколько заготовили — никогда такого не было.

Срок кодировки закончился к нынешнему лету. И, единожды развязав на праздник, забухала вся деревня пуще прежнего. Дольше всех держалась Зина. Она и рада была бы не пить, но, по ее словам, остается тогда в полной изоляции от коллектива. Только и приходится пахать одной от зари и до заката. А это, согласитесь, обидно.

В июле мы с домочадцами коротали в Заозерье отпуск. Все хорошо — речка, баня, природа, раздолье, но одно обстоятельство мешало — едва ли не каждое утро начиналось со стука в окно нашего деревенского дома: «Соседушка, опохмели — у-ми-ра-ю!!!» У Зины осталась одна корова, а молоко снова приобрело тонкий аромат навоза. А о чуде, которое на целый год пришло в русскую глубинку, теперь напоминают только новенькая лодка с мотором, лежащая без дела на заднем дворе у Саши, и блестящий ряд ровных зубов во рту у единственной представительницы среднего класса деревни Заозерье (2009. 31 июля).

Колонка написана на основе реальных событий, и мимо такого факта журналисту, а тем более публицисту было бы трудно пройти мимо. Сама по себе история такая говорящая, настолько насыщена смыслами, в ней так переплетаются смех и грусть, низкое и высокое, глупость и мудрость, местячковость и глобальность. Сотни людей способны узнать в деревне «Заозерье» прототип своей деревни. Поскольку персонажи истории близки, понятны и интересны автору, то и ирония получается у него не злая, не переходящая в сарказм, а скорее мягкая, с определенной долей сочувствия и симпатии к безалаберным своим персонажам.

ИГРОВАЯ КОЛОНКА

Как уже говорилось в первом разделе, главная задача автора игровой колонки — удивить, встряхнуть, заинтриговать своего читателя. Побудить его посмотреть на привычные вещи свежим взглядом. Увидеть необычное в обычном. Разрушить сложившийся стереотип. И тем самым — отвлечь, развлечь, подкинуть пищу для ума, для обсуждения с другими людьми. Чаще всего игровая колонка начинается с каламбура в заголовке.

1. Негодяй и не годный

У моей подруги завершился ремонт. Делали его женщина лет сорока и ее 20-летний сын. Приехали они полгода назад из какого-то небольшого городка, кажется Черняховска. Сняли жилье, сделали пару квартир и пошли нарасхват. Расставаясь с Галиной и Сашей, подруга устроила для них щедрое застолье. Позвала и меня. Выпив пару рюмочек, Галя заговорила о наболевшем:

— Все у Саши могло сложиться по-другому, если бы не эта история с военкоматом и его жадюгой начальником. А теперь мы вынуждены в чужом городе скитаться, за любую работу браться — до дому нам пока дорога закрыта!

«Понятно, — подумала я про себя, — косит от армии. Отдает долг Родине в режиме трудотерапии...»

Галя продолжала:

— И знаешь что? Я была не против заплатить, даже сама предлагала. Но я и представить не могла, что этот негодяй в погонах таких деньжищ потребует! Меня предупреждали, что проблемы будут на медосмотре, но я не думала, что они опустятся до такого цинизма ради денег!

В душе я понимала материнские чувства Галины, но, глядя на здорового и мужественного с виду Александра, не могла взять в толк: что она с ним носит как с писаной торбой? Службу уже и так сократили до года, родителям разрешили навещать своих отпрысков, во многих частях появились психологи. Отпустила бы от своей юбки, глядишь, на пользу бы пошло. Но я промолчала, ведь сытый голодного не разумеет.

А она распалаялась пуще прежнего:

— А ты подумай, каково мне? Младший сын у меня больной. В детстве пережил лейкемию, делали пересадку костного мозга, чудом выходили. А когда все осталось позади, было очевидно сразу, что в армию он не пойдет. Но со старшим за что так поступили? На него у нас вся надежда была. А теперь вот скитайся по чужим городам...

«Великомученица — подумала я с жалостью, — как же надо бояться за сына, чтобы вместе с ним „косить армию“ на чужбине, зарабатывая тяжким трудом на взятку за белый билет».

— Но главное — не унималась подвыпившая Галя, — это ж как он теперь женится? Как устроится на работу?

«Понятно, чего она боится, — анализировала я ход ее мыслей, — женится, на работу устроится, дети пойдут, а тут повесточка — получите и распишитесь. А кто семью кормить будет? Но если все так рассуждать станут, то Родину будет некому защищать». Тут я вспомнила своего папу, который пошел служить вопреки запретам врачей. У него было больное сердце, но он прорвался сквозь стену запретов и стал на два года пограничником. Не хотел быть парнем второго сорта, хоть и рисковал при этом. Вспомнила и сказала:

— Раньше парни сами в армию рвались, даже если были не очень-то и годны... И ведь служили!

— Так и я о том же! У нас совсем негодных берут, если их родители подмажут. А вот моего Сашку забраковали. Хотя он с детства мечтал быть десантником. Специально тренировался: развивал силу духа, выносливость, стойкость. И на тебе, такой удар! Родинка, видите ли, этим врачам помешала. Тоже мне повод не взять в армию!

— Так ваш сын не бегает от армии, а, наоборот, попасть в нее не может? — совершенно ошалело спрашиваю я, не ожидая такого поворота событий.

— Ну конечно! Смешные ты, девонька, вопросы задаешь! Какой же нормальный хлопец от армии-то бегать будет? Куда без армии-то? На хорошую работу не устроиться, приличная девка замуж не пойдет, окружающие будут за спиной шептаться. Представляешь, каково мне соседям в глаза смотреть? Двух парней вырастила, и оба «не мужики», получается?...Что б им провалиться в геенну огненную, взяточникам этим поганым.

— Ничего не понимаю, — бубнила я в растерянности, — в вашем городе надо давать взятку, чтобы в армию попасть? Бред какой-то!

— Во-во, и я говорю: бред! Здоровый совершенно парень, а они к родинке привязались!

— Скажите, — не унимаюсь я, — откуда у вас в Черняховске такие необычные традиции? По всей России за призывниками бегают, днем с огнем в армию загнать не могут, а у вас, получается, все с ног на голову перевернуто!

— Какой Черняховск, доча? — вскидывает удивленно брови Галина. — Из Чернигова мы! А такой беспредел у нас в Украине повсеместно. У каждой мамки голова болит — только бы сына в армию взяли.

— Вот как? И что в таких случаях делать? Жалобы на военкомат писать — вверх?

— Ни-ни, то бесполезно! Годика два у вас поработаем и до дому вернемся. Хату сыну справим с огородом, намек соседям дадим, мол, Сашка в России службу прошел, по контракту. Вряд ли поверят, конечно, но с домом-то своим он завидный жених и без армии будет. А негодяю тому в военкомате, что до родинки докопался, — пусть ему пусто будет! (2011. 15 марта).

Игровой эта колонка является благодаря своей композиции. Логика повествования выстраивается так, что до середины текста читатель думает, что речь идет о привычной и знакомой для него ситуации, а перевалив за «экватор», понимает, что на самом деле все с точностью наоборот. Этот смысловой перевертыш побуждает анализировать обе — диаметрально противоположные на первый взгляд — ситуации и находить в них общий знаменатель, в данном случае почву для коррупционных интересов. Попутно возникает и комичный эффект. В силу того, что оба человека, ведущих диалог и имеющих в голове сложенную картинку о

предмете разговора, толкуют о разных вещах. И при этом полностью уверены, что обсуждают одно и то же. А все серьезные темы, стоящие за этой комичной ситуацией, уже остаются на додумывание и интерпретацию читателей. Кстати, некоторые из них так ее додумали и «доинтерпретировали», что начали обвинять автора колонки в потакании тем безобразиям, которые творятся в современной российской армии. Но это, опять же повторюсь, святое читательское право. Тем более, сам автор оставляет поле для мыслительных маневров, а не говорит четко, мол, вот вам факт, вот вам моя его оценка.

2. Идите а баню!

Лето едва народилось в северной столице, но уже успело со своего барского плеча подарить нам пару теплых, ярких, солнечных дней. Заставило вдыхать аромат сирени, подставлять лица теплому ветру, разоблачаться, скидывая серую, скучную, закрытую одежду. Солнце словно раскрасило такую унылую, такую серую и шаблонную жизнь, сделав проблемы менее острыми, людей менее хмурыми, а хлопоты менее обременительными. С летом пришла легкость, которую мы так давно ждали. И к этой легкости добавилась привычная суета. Графики отпусков, путевки, билеты и... диеты, диеты, диеты. Женские форумы буквально взорвались марафонами типа «худеем к лету», «стройность за неделю» и прочее-прочее. Начало лета обострило ожесточенную борьбу слабого пола со своим телом. А навязчивая комбинация актуальных ныне слов: лето-тело-лето-тело попросту не сходит со слуха.

Признаться, я тоже было поддавалась всеобщей истерии, ведь, создавая меня, природа не знала о прокрустовом ложе модных стандартов. И, наверное, сидела бы я неделю на пареной гречке с кефиром, если бы не вытащили меня подружки в баню. Ничего особенного не случилось. Просто вдруг между жизненной суетой и бесконечной спешкой — на работу, домой, на встречу, к доктору, к идеалу в конце концов — я остановилась и увидела настоящую красоту в обычных вещах. Например, в обычном женском отделении муниципальной бани.

Казалось бы, чем баня отличается от нудистского пляжа? Вода, пот, голые тела... Ан нет! В бане все иначе, в бане есть УКЛАД. Здесь все по правилам. И все их знают по умолчанию. В бане бабы особые: сочные, чистые, красивые! Не глянцевои красотой — подиумной, модельной, буклеточной. А человеческой. В бане нет идеальных баб, но каждая потрясающе органична. И в бане к ней все идет — и босые пятки, и шапка лыжная на голове, и веник в руке, и шапка алюминиевая. Ох, видели бы вы, сколько горделивой стати в плечах той

самой женщины с шайкой, сколько опыта в ее прищуренных смешливых глазах, сколько истинной природной сексуальности в ее естестве. В бане нет фальши. В бане все так, как есть, без прикрас. Но как прекрасно то, что дано природой. В бане вдруг становится очевидна неочевидная в одежде красота любого тела. Приглушенный свет, пар, капли прозрачного пота на гладкой коже, коричневый кафель квадратиками, деревянные полки, распаренные листья, прилипшие к телу. А также запах. Мыла, веника, чая с мятой. Здесь хорошо. Здесь отдыхает душа. Здесь все равны. Здесь нет модных и не модных, здесь все сестры. Я украдкой рассматриваю женщин. Их тела рассказывают об их судьбах. У одной тонкий шрам внизу живота, идущий пунктиром. Кесарево, шрам стягивали скобами, отмечаю я про себя. У другой — вертикальный шрам. Какая-то сложная операция, по всему понятно, экстренная. Пара аппендицитов. Вот эта красивая высокая женщина явно долго кормила грудью, а потом резко похудела. Для обложки бы такую не сняли. Но ведь и она прекрасна! Великолепа. Я не вижу ни одной уродливой женщины.

А женщина, которая на сегодняшний вечер становится по умолчанию главной распорядительницей парилки, просто загляденье. Порывиста, но не угловата, уверенна, но не нагла. Решительна, но не сумасбродна. Как она работает длинной палкой с ковшом на конце! Разбрызгивает сначала холодную воду по чреву парилки, прибывая горячий пар снизу, а потом ловкими отточенными движениями поддает в красную каменистую пасть шипящую воду. Банно-прачечная Жанна д'Арк! Ладная, упругая, ловкая. Мы, массовка, вжав головы в плечи и пригнувшись к полу, украдкой рассматриваем нашу банную колдунью. Она знает, что делает, и, когда пар приятно, но крепко, как трубочный табак, продирает до самого нутра, мы кряхтим от удовольствия и лепечем ей спасибо. «Спасибо не говорят, — усмехаясь, нараспев поправляет она, — главное, чтоб на здоровье!»

Хороша баня, хороша до невозможности, с термосами и посиделками в раздевалке в простынях и пунцовыми щеками. Но волшебство заканчивается. И вот уже, одетая, мимо нас с подругами проходит одна из самых впечатляющих банных валькирий. Без банного листа, прилипшего к мягкому месту и вязаной шапки-баклажана на голове. В строгом пальто и очках, с укладкой на голове и бордовой губной помадой она уже не та. Она уже обычная женщина, каких полно везде и всюду, пройдешь и не заметишь. Ходите в баню, девушки! И откроется вам гармония. И будет вам счастье натуральное, без излишнего самодоведства и изнурительной битвы за «идеальную» вылощенную журнальную красоту (2010. 6 июня).

Этой колонкой я заканчиваю данный практикум не случайно. И хотя я отнесла ее в раздел «игровых» (с учетом каламбура в заголовке, неожиданного поворота темы, угадывания того, что

автор намеренно оставил между строк, расшифровки намеков), она вобрала в себя практически все типы колонок. Во-первых, злободневность. В период, когда она была написана, в СМИ Петербурга широко освещался вопрос о муниципальных банях. Проблем было сразу несколько: и их бездумное сокращение, и высокая стоимость помывки, и переход на коммерческие рельсы отдельных банных комплексов. А вместе с тем никуда не делись коммунальные квартиры, в которых до сих пор отсутствуют ванны или горячая вода. Для их жителей «расправа над банями» стала настоящей проблемой. Во-вторых, социальный аспект. Сфера обслуживания, коммунальное хозяйство, насущные проблемы жителей города, лишенных элементарных бытовых удобств, неустроенность быта на уровне города — эти темы традиционно находятся в фокусе внимания журналистов-социальщиков. В-третьих, балансирование на грани между общепринятыми темами для обсуждения и табуированными (интимными, личными) делает эту колонку и слегка провокационной. Она провоцирует читателей не на конфликт и спор, а на любопытство и дорисовывания полной картины.

Как ни странно, именно эта колонка вызвала самое большое количество читательских отзывов. Один из читателей написал свою поэму про баню и прислал мне в подарок. Другой — собрал все, что писалось о банях, и принес эту папку в редакцию. Был и целый ряд звонков от читателей, которые благодарили за то, что автор так необычно заступился за муниципальные бани, показал их в таком поэтичном ракурсе. Более того, эта колонка сыграла мне добрую службу и в другом вопросе. В день, когда она вышла, ко мне в редакцию пришли оперативные работники, чтобы разобраться в обстоятельствах, изложенных в письме-анонимке. Объектом большой фантазии какого-то анонима стал автор этих строк. Мне долго бы пришлось доказывать, что я даже не разбираюсь в теме, о которой идет речь в письме, и что мое авторское амплуа — это созидание, а не разрушение, если бы люди в форме не успели почтить свежий выпуск газеты, дожидаясь меня с планерки. Попросив меня написать чисто формальное объяснение, один из них, улыбнувшись, сказал: «Мы не сомневаемся, что

вы не имеете никакого отношения к тому, в чем вас обвиняют, мы с удовольствием почитали ваши статьи. Сейчас мы закончим протокольные формальности, отпустим вас дальше работать и... пойдём в баню!»

Контрольные задания для студентов

1. Найдите несколько тем, которые очень активно обсуждаются в прессе и в интернет-сообществах. Прочитайте ряд комментариев, прислушайтесь к своей позиции на эту тему, найдите деталь, которая могла бы послужить основой для создания вами колонки на данную тему. Напишите злободневную колонку на выбранную тему, придерживаясь основных принципов ее создания.

2. Пролистайте календарь дат. Найдите ближайшие к сегодняшнему дню интересные даты. Соберите информацию о событии. Подумайте, что бы вы могли сказать аудитории на данную тему. Как сказать, чтобы это было оригинально и интересно. Напишите колонку к дате, руководствуясь вышеизложенными рекомендациями.

3. Проанализируйте ряд российских сетевых и печатных изданий, имеющих рубрику «авторская колонка». Сравните стили авторов, найдите среди их работ несколько примеров колонок разных типов.

4. Подготовьтесь к обсуждению написанных вами колонок на аудиторном занятии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Вильчек Л. Ш. Советская публицистика 50–80-х годов: от В. Овечкина до Ю. Черниченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Дроняева Т. С. Фасцинативные сигналы в информационном тексте // Публицистика и информация в современном обществе: сб. ст. / под общ. ред. Г. Я. Солганика. М., 2000. С. 187–204.

Михайлов С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.

Тепляшина А. Н. Жанры и формы комического в современной российской периодике. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.

Успенская С. С. Колумнистика: проблемы жанровой идентификации // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 240–244.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Вильчек, Л. Ш. Советская публицистика 50–80-х годов : от В. Овечкина до Ю. Черниченко / Л. Ш. Вильчек. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 141 с.

Дроняева, Т. С. Фасцинативные сигналы в информационном тексте / Т. С. Дроняева // Публицистика и информация в современном обществе : сб. ст. / под общ. ред. Г. Я. Солганика. М., 2000. С. 187–204.

Каминская, Т. Л. Адресат в массовой коммуникации / Т. Л. Каминская ; науч. ред. В. И. Коньков. В. Новгород : Новг. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2008. 166 с.

Клушина, Н. И. Этические границы языковой игры / Н. И. Клушина // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 2. С. 201–204.

Мельник, Г. С. Профессиональное общение в журналистике : учеб. пособие / Г. С. Мельник. СПб. : Роза мира, 2004. 204 с.

Михайлов, С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки / С. А. Михайлов. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004. 448 с.

Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 11–15.

Солганик, Г. Я. О специфике газетно-публицистической метафоры / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 2. С. 32–42.

Тепляшина, А. Н. Жанры и формы комического в современной российской периодике / А. Н. Тепляшина. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 286 с.

Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие / А. А. Тертычный. М. : Аспект Пресс, 1998. 230 с.

Успенская, С. С. Колумнистика : проблемы жанровой идентификации / С. С. Успенская // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 240–244.

Учебное издание

Инна Святославовна Тимченко

АВТОРСКАЯ КОЛОНКА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Учебно-методическое пособие

Редактор И. А. Богданова

Верстка Е. П. Смирновой

Подписано в печать 28.12.2011. Формат 60X84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.
Печ. л. 10,75. Тираж 100 экз. Заказ 114.

Отпечатано в Лаборатории оперативной печати факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26